

Союз писателей России

Тамбовский
АЛЬМАНАХ

№18

издается с 2005 года

Тамбов 2019

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6я4
Т17

Тамбовский АЛЬМАНАХ № 18

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2=411.2)6я4
Т17

ISBN 978-5-6043106-6-3

ISBN 978-5-6043106-6-3

© СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тамбовское отделение

Евгений ХАРЛАНОВ

Магеллан

Сомнительно, погиб ли Магеллан.
Едва ли...
Всё в вечности – Великий океан,
влияние магнитных аномалий,
слиянья рек, свечение волны,
волчки смерчей,
явление цунами –
и отослать назад мы не вольны
всё это, не случившееся с нами.

Приближается Магеллан.
Удаляется Магеллан.

И нетрезвенно, и нерезонно,
как загнувшийся уголок
нарисованного горизонта,
одинокий растёт парусок.

Приближается Магеллан.
Такое имя дали не простят,
возьмут себе, чтоб утаить от бриза,
но явная уклончивость пространств
над ним неугасимо серебрится.

Удаляется Магеллан.

О, скользящее по экватору,
Полуимия-полумираж,
в тебе светятся иллюминаторы,
молча трудится экипаж.
Магелланы, свистят погоду,
каждый третий – головорез,
но и золото, словно повод
для отплыть под Южный Крест.

Приближается Магеллан.
Удаляется Магеллан.

Магнитное склонение к потере,
к растрате стран, материков, миров
как твой уход туда закономерен –
в круженье и мельканье островов!

Скупым сомненьем в косности материй
ты освятил незримые поля,
среди южных звёзд твои остались перья,
зодиакальным облаком пыли.

Удаляется Магеллан...

Но осталась в сквозном пространстве,
завиваясь по всем углам,
напряжённость и жажда странствий...

Приближается Магеллан...

Мария ЗНОБИЩЕВА

«А я ведь сердце отдаю...»

Биографический очерк о Валентине Дорожкиной

Есть люди и лица, без которых облик города – литературный, культурный, человеческий – не полон. И в облике литературного Тамбова есть такой удивительный человек – это Валентина Тихоновна Дорожкина, поэтесса, литературовед, литературный критик, педагог, член Союза писателей России, член Союза журналистов России, заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Валентина Дорожкина родилась в Мичуринске в 1939 году, перед войной. В Тамбове живёт с 1960 года. Здесь она окончила историко-филологический факультет Тамбовского педагогического института, работала в газетах «Народный учитель», «Новости», «Тамбовская правда». Здесь на страницах газет с 1970 годов стали публиковаться её стихи, чуть позже вышли первые книги. В эти же годы началась её литературно-краеведческая работа по составлению тематических сборников, поэтических антологий, написанию очерков и статей о писателях-земляках.

Свою жизнь и поэтическую судьбу Валентина Тихоновна посвятила родному краю. И это не пафосное преувеличение. Она – как чуткий часовой, стоящий на страже

времени. О ком бы из литераторов Тамбовского края ни хотелось вспомнить, – за материалами, за живой памятью о них нужно идти именно к ней. В её кабинете под портретом лучащейся и окрылённой поэтессы Майи Александровны Румянцевой хранится богатый литературно-краеведческий архив, любовно и кропотливо собиравшийся долгие годы. И это лишь малая его часть!

Количество написанных Валентиной Дорожкиной очерков о тамбовских писателях, литераторах, связанных с Тамбовским краем, хоть редко, хоть сиюминутно соприкоснувшихся с ним, – огромно. Долгие годы она ведёт на радио передачу «Забытые и возвращённые имена», в которой рассказывает о поэтах, чьё творчество по каким-то причинам (и часто незаслуженно) отодвинулось от нас во времени и пространстве. Творчеству этих поэтов посвящаются занятия в литературно-творческом объединении «Тропинка», где ребята учатся быть внимательными не только к собственным стихам, но и ко всему, что было создано до них.

Верность лучшим образцам в сочетании с неравнодушным, всегда первозданно-трепетным взглядом на мир приносит свои поэтические плоды. Это её строчки возникают в памяти, если выйти в щемящий воздушный простор Набережной после суетного дня, после всех обид и невзгод, вдохнуть, как утешение, запах заречных далей:

*Новая встреча сбудется!
Улица – наш маяк...
Набережная улица,
Бережная моя.*

Это вслед за ней хочется повторять себе и встречным, пробираясь весной по пыльным улочкам Тамбова сквозь круговерть ежедневных дел:

Не пропустите цветенье сирени!..

И, каждый раз поражаясь верности сказанного слова,
повторять под вечер её «Молитву»:

*Боже, прости земную
За то, что креста не ношу,
Что имя Твое всуе
Часто произношу,
За то, что молюсь поспешно.
Но как я Тебя молю!
Прости мою душу грешную,
Что кроме Тебя люблю.*

В Валентине Тихоновне привыкли видеть поэта-гражданина, учителя, крепко держащего в руках скрижали классического стиха, интеллигента, знатока российской словесности. Но чтобы видеть в поэте поэта, даже всего этого мало. Нужен тонкий мир, всем открытый, но открывающийся не каждому:

*Всё в этом мире что-то значит,
И меж большим и малым – связь.
Вот одуванчик – мальчик-с-пальчик –
Стоит, почти не шевелясь.
А вдруг наскочит ветер грубо
И не оставит ничего?..
Всего боится: детских губок,
Готовых дунуть на него,
Мяча, ноги неосторожной,
Дождя боится и грозы,
И даже капельки ничтожной,
И даже крыльев стрекозы...
А в поле выйти – так заманчиво,
Душою тянешься сюда...*

*Туманный шарик одуванчика
Вот-вот исчезнет без следа.*

Хрупкость прячется, не афишируется в выступлениях, открываясь не сразу и лишь тем, кто сделает следующий шаг – возьмёт в руки книгу. Одно из таких откровений – сборник «Неотправленные письма», в котором особенно много тёплых, а иногда кровоточащих строк о дружбе, любви, простых человеческих радостях и невзгодах.

*У края леса подожду,
Пока спадёт жара дневная.
Цветы тоскуют по дождю,
И я вполне их понимаю.*

*Какую грозную затею
Таит вечерняя заря?
Трава высокая желтеет,
Хоть далеко до сентября.*

*Истосковалась по воде
У речки высохшей калина,
Природу просит о дожде,
Хотя она неумолима...*

*Я возвращусь домой, а там
Тоскуют вазы по цветам.*

Любование – одна из основ мироощущения поэта. Любование как умение насладиться Божественным в каждой малости мира, поблагодарить Создателя за эту малость («Ты Давшего воспеть не позабудь»). Всё это воплотилось и в учительском даре Валентины Дорожкиной – даре под-

держивать и воодушевлять людей. Кто бы ни пришёл к ней за советом, можно не сомневаться: его рукопись будет внимательно прочитана. Там, где найдутся огрехи, возникнут аккуратные «рабочие» галочки, деликатные знаки вопроса. Но лучшие стихи – а они непременно будут – так бережно и любовно прочтённые Валентиной Тихоновной заслужат искреннюю и горячую похвалу. Любимая мысль Валентины Тихоновны: творчество побеждает любую боль и несправедливость, очищает и освобождает человека. Только тогда оно имеет право на существование. Идя с этой мыслью к детям, она на всю жизнь дарит своим воспитанникам чувство открытости, знание о том, что воздух правды и свободы – есть. За долгие годы таких детей было и есть очень много.

Главному делу Валентины Тихоновны – литературно-творческому объединению «Тропинка» исполнилось уже 33 года! За это время через него прошло более тысячи ребят. Это целый городок поэтов! Многие стали журналистами, педагогами, общественными деятелями, профессиональными литераторами, филологами. Определяющей же для всех стала любовь к слову. А сколько детей, не пишущих стихи, но любящих книгу, каждый день посещает областную детскую библиотеку! Ребята с удовольствием слушают Валентину Дорожкину на уроках литературного краеведения и часах поэзии.

*Как тонко чувствует дитя,
Кто с ним всерьёз, а кто фальшиво.
Его доверье обретя,
Оберегаю это диво.
То я со злом упрямо бьюсь,
То перед добротой стихаю.
Я щедро с маленьким делюсь
Своими новыми стихами.*

*О эти детские глаза –
Награда щедрая за дело...
Была счастливой полоса,
Пока дитя не повзрослело.
Я и от взрослых не таю
Всё, что испытано когда-то.
Но думают: ума палата,
А я ведь сердце отдаю.*

Валентина Тихоновна с радостью помогает и взрослым. Это прекрасно знают те, кто хоть раз обращался к ней за поддержкой. В часы трудностей и испытаний она всегда рядом. Для неё не бывает чужой боли, каждая боль – своя. Потому и звонит, не замолкая, её телефон, и эти звоночки – как просьбы о помощи, дружеском участии, мудром утешающем слове.

Наверное, только тот, кто сам прошёл через семь смертей, имеет мужество принять чужую беду, пережить её как свою. Валентина Тихоновна не жалуется на судьбу, любит повторять: «Я счастливой родилась на свет». Но нельзя без горечи читать её строки о погибшем на фронте отце, о послевоенном детстве, о непростом пути во взрослую жизнь, к своей мечте, о расцветшем и отнятом чуде любви, об одиночестве, предательстве близких, уходе друзей и любимых. Но даже в этих строчках нет уныния, обречённости. Есть мужество преодоления, сила роста, смиренное принятие новой боли, как в строчках об отце:

*Мама с гордостью мне говорила,
Что тебя не страшила война.
Ты сказал ей, прощаясь:
«Мы – сила!»
И погиб.*

*Но осталась страна.
Не смело той проклятой метелью
Ни надежду,
ни веру твою...
Ты стоял
над моей колыбелью.
Я над братской могилой стою.*

Это завещанное счастье – жить и хранить свою Родину – отзывается в каждом стихотворении поэтессы. Гражданская лирика Валентины Дорожкиной тонка и афористична. Многие стихотворения о Тамбовском крае и России благодаря композитору Ольге Егоровой стали песнями, без которых не обходится ни один городской праздник. Чего стоят прелестные и точные описания тамбовской природы, маленькие, узнаваемые всеми родные подробности: «зелёная и ласковая Цна», «на Набережной снег – как мокрый сахар», «и чем-то колдовским повеет опять с кленового листа», «улицы тамбовские уютные – тёплая, единая семья»...

Поэтический мир Валентины Тихоновны одухотворён, возвышен, населён прекрасными людьми. Среди них наши великие соотечественники Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, С.В. Рахманинов, С.А. Есенин, М.И. Цветаева, О.Ф. Берггольц, поэты-земляки И.С. Кучин, С.С. Милосердов, М.А. Румянцева, Вячеслав Богданов и многие-многие другие. Их творческие судьбы всегда переживаются современно и драматично. В каждом слове чувствуется неизбежная радость автора – принадлежать к русской стихии, русской истории, великой русской культуре. Отсюда, наверное, и название её первой вышедшей книги – «Причастность».

Нынешний юбилей – это повод в очередной раз обратиться к творчеству выдающейся поэтессы. Познакомившись с её книгами, каждый читатель обязательно откроет

свою Дорожку – лиричную, страстную, гражданственную, щедрую на воспоминания о давно ушедших и ныне живущих художниках слова, остроумную и слегка ироничную, бесконечно влюблённую в жизнь. Для тех же, кому посчастливилось называть себя её учениками, ясно одно: есть Валентина Тихоновна Дорожкина, а значит, что-то новое рождается в мир, любая печаль целебна, и обязательно – по-цветаевски – «будут стихи!».

От имени коллег и почитателей творчества Тамбовская писательская организация сердечно поздравляет Валентину Тихоновну Дорожку с юбилеем и желает ей здоровья, вдохновения, неизменной радости творчества, достойного продолжения в своих учениках и книгах. Многая лета, дорогая Валентина Тихоновна!

Валентина ДОРОЖКИНА

Я не люблю цветы в букетах

Стихи разных лет

Счастье

Я счастлива:

надёжный есть приют.

С друзьями не бываю я в раздоре.

И если вдруг меня постигнет горе,

Мои друзья на помощь мне придут.

Мне радостно, что ждут меня дела,

Что равнодушной в спорах не бываю,

Что я в любой работе, как пчела,

Нектар для вдохновенья добываю.

Мне радостно, что ноша нелегка.

Как хорошо – дорога далека!

Я счастлива, что в книге о России

Есть и моя негромкая строка;

Что у меня своя дорога в жизни,
Что я в ответе за судьбу свою.
И песню о родной моей Отчизне
Я не с чужого голоса пою.

* * *

Я не люблю цветы в букетах,
Люблю их в поле и в лесу:
Там надышусь и словно лето
Домой в ладонях принесу.

Пропахну запахом полыни,
Ромашки, мяты, чабреца...
С природой связана отныне
И до конца.

Я не люблю цветы в букетах,
Люблю их в поле и в лесу...
Не надо отнимать у лета
Его богатство и красу.

И пусть цветы благоухают,
Чтоб их не иссякал запас,
Чтобы они не день, не час,
А вечно радовали нас,

Переносили дождь и стужу,
И опадали, и цвели,
Но чтобы их живую душу
Не отрывали от земли.

* * *

Грустными стали напевы,
Сердце о многом болит.
Люди хорошие, где вы?
Или и вы – дефицит?

Время ли очень сурово,
Душу ли не сберегли?
Доброе дело и слово
В подвиг уже возвели.

Главного не замечаем,
Каждый в своей конуре.
Перечень бед нескончаем,
Словно дожди в ноябре...

Грустными стали напевы,
Что-то сломалось внутри.
– Люди хорошие, где вы?
– Рядом. Ты зорче смотри.

Предназначение

Тот ищет истинное счастье,
Другой – безбедное житьё...
– А в чём же, – думаю всё чаще, –
Предназначение моё?

Живу не гладко и не сладко,
И не со всеми я в ладу.
Мне говорили: нету хватки,
Что я без хватки пропаду.

Но лет немало миновало,
А я без хватки не пропала.

Всё так же преданно люблю –
Ведь узы прочные не рвутся.
Ночами над стихом корплю –
Мне нелегко стихи даются.

Но радуется – нельзя иначе,
И это, думаю, к добру, –
Не меньше собственной удачи
Успех собрата по перу.

Я у его костра согреюсь,
И он теплом делиться рад.
Я буду счастлива, надеюсь,
Что он мне – истинный брат.

И обозначатся упруго
Слова на кончике пера:
Я родилась сестрой и другом
Для милосердия и добра.

У жизни нет черновика

Всё беспокойней ночи тёмные
И бесконечней мыслей нить:
Мои года, мне отведённые,
Кому дано остановить?

И от кого зависит *это* –
Длинна ли жизнь иль коротка?..

Означен день полоской света –
У жизни нет черновика.

Рассвет. Закат. Ещё немного –
И вот закончен путь земной.
К обрыву подойдёт дорога,
А дальше? Дальше – путь иной.

Как?! Не увижу птичьей стаи
И в синем небе облака?
Прошепчет дерево листьями:
«У жизни нет черновика...»

Смятенье вдруг охватит душу,
Сожмёт и не отпустит страх.
И только выплеснешь наружу
Сквозь зубы стиснутые: «Ах!».

Ах, если б знать, что *так* получится,
Иначе б жил, наверняка...
Но скажет чёрная попутчица:
«У жизни нет черновика».

* * *

И всё же я уверена с утра,
Что есть надежда на счастливый случай:
Не всё же время опускаться тучам,
И солнышку проглянуть бы пора.

И я сегодня снова, как вчера,
Над этим ожиданием, как над кручей.
Ведь этот час ещё не самый лучший,
Пока творю, не выронив пера.

Душа ещё спокойна среди дня –
Она ещё надеется на встречу.
С приходом ночи что я ей отвечу,
Преграды и причины отклоня,
Когда всей тяжестью обрушится на плечи
Ваш долгий путь – ко мне иль от меня?

* * *

Мне ль уповать на краски сентября?
Я март люблю – неброский и нестрогий.
Весны предвестником его зовут не зря,
Но он ещё любимец не у многих.

Весны начало и зимы итоги...
Смешались чувства, над землёй паря.
И вспыхивает алая заря,
И о любви опять родятся строки.

Но где же, где любви моей исток?
Ведь даже ручейка нет без истока,
Светило не закатится до срока,
И без него не расцветёт цветок...
Моя любовь – это заря востока,
А Ваши окна смотрят на восток.

Душа и разум

Душа и разум вечно в споре:
Душа мечтает о просторе,
Стремится птицею в полёт,
Но разум крыльев не даёт.

Свои он строит планы скрытно –
В запретную проникнуть глубь.
Душа так часто беззащитна,
А разум постоянно груб.

Душе так хочется полёта –
Хотя б на несколько минут!
Но разум прыгнул с самолёта,
И – не раскрылся парашют.

* * *

В троллейбусе, в автобусе
Толкаются, сжимают...
А это значит, попросту,
Что я ещё живая,

Что чувствую и мучаюсь –
Рай с адом пополам.
Хочу, конечно, лучшего
Себе, своим друзьям.

Но вопреки сомнениям,
И бедам, и заботам
Откроется такое
За ближним поворотом,

Что сердце вдруг забьётся
И счастьем обожжёт.
А что случилось?
Просто

вовсю сирень цветёт.

Сонет фортуне

Фортуна, где глаза твои?
Мне кажется, что ты ослепла...
Открывши мне источник пепла,
Огня источник не таи.

Мне предстоят ещё бои.
И чтоб душа моя окрепла,
Живой водою напои,
Дай выйти из огня и пепла.

И повернись ко мне лицом –
Остаток жизни невесом.
Не жди губительно срока,
Чтоб доброта не вышла боком,
Чтоб ты, фортуна, колесом
Вдруг не задела ненароком.

Сонет смирения

Когда беды не миновать,
И письма брошены в корзину,
Про золотую середину
Почаще б надо вспоминать.

Мечом что бестолку махать,
Упрёки посылая в спину!..
Я прощена наполовину,
Меня не надо защищать.

Теперь не о защите речь:
Ведь я уже не протестую,

Рукой и сердцем голосую,
Смиренно опуская меч, –
За середину золотую,
Которой смела пренебречь.

Сонет осуждения

Кто может с лёгкостью сказать,
В согласье ли душа и тело?..
Как мы горазды осуждать,
Не потрудившись вникнуть в дело.

Грехи чужие посчитать
Берёмся без оглядки, смело...
Молва с три короба напела,
И от неё не убежать.

Опять – на скользком полозу
Полутеатра, полурынка...
Поистине: в чужом глазу
Заметна малая соринка...
В чужом соринку видим, но
В своём не видим и бревно.

* * *

В пучину, в бездну – всё равно ко дну...
И проступает вырожденья метка,
Когда потомки осуждают предков,
Свою никчёмность ставя им в вину.

Молотит время новую копну
И подменяет ржавую монеткой
Богатство. Дерево – сухою веткой,
А ветер гонит мутную волну.

Пришельцы чертят хитрые круги,
Не за горами – новые напасти...
Лежат судьбы обугленные части,
И слышен голос: «Боже, помоги
Прозреть хотя бы у последней кромки,
Где все равны – и предки, и потомки.

* * *

Готовые за правду крест нести,
Одни творят спасительное слово,
Другие, сребренник зажав в горсти,
Строчат доносы – это всё не ново.

Одни в заботе – шкуру бы спасти!
Для этого уже на всё готовы:
И разрушенье в доблесть возвести,
Свободою провозгласить оковы.

Сливёт за храбреца вчерашний трус,
Под «злобу дня» подстраиваясь ловко.
...Окончен век. Идёт перелицовка –

До времени змея таит укус.
И пребывают в панике творцы,
И рушатся и храмы, и дворцы.

* * *

«Не наживай себе врагов.
Не лезь, куда тебя не просят...»
Наверно, это – очень просто,
И тут не надо лишних слов...

Любитель «райского» покоя,
А может быть и вот такое:
Тебя бандит пырнёт ножом,
Я не полезу «на рожон»
Он не полезет «на рожон»,
Кровь не пойдёт никто сдавать –
Зачем здоровьем рисковать?

Зачем, зачем нам портить нервы,
Правдоискателями слыть?
Хапуга? Вор? Да он не первый
И не последний, стало быть.
Не лучше ли: я глух и нем?..
Но ведь тогда – и жить зачем?..

Я по-иному не умею –
Куда-то продолжаю лезть.
И если я друзей имею,
Враги уж непременно есть.

Неискуплённая вина

И слёз не выплакать до дна,
И боль не выплеснуть наружу...
Неискуплённая вина
Мне каждый день тревожит душу.

А может быть, давно пора
Забыть обиженного мною?
Ведь это было не вчера –
Прошло и зим, и вёсен много.

А может, дать душе покой
И не страдать, не суетиться:
Мол, мне за давностью такой
И так вина моя простится?..

Но что же каждую весну,
Чем больше лет, чем жизнь короче,
Острее чувствую вину,
Как звон набатный среди ночи?

Да что же я? Скорее в путь!
Скорей повинными словами
С души свалить тяжёлый камень
И дружбу прежнюю вернуть...

Но сообщенье – как отмщенье:
Не дотянул он до весны.
И мне не вымолить прощенья,
Не искупить своей вины.

Валентина Дорожкина

Володька был однолюбом...

Рассказ

1.

Елизавета Петровна заставила себя съесть плавленый сырок «Омичка», запила его крепким зелёным чаем. Плавленые сырки она любила со студенческих лет – «Городской», «Орбита». Они были остро-солёными, стоили копейки, насыщали легко, если есть их с хлебом и газировкой без сиропа. С сиропом газировку пили те, кто жил не только на стипендию, но и на помощь из дома.

...Группа, где училась Лиза, почти сплошь состояла из «районников», то есть приехавших из сёл или районных центров области. Жили в общежитии, в комнатах по пять-шесть человек. В Лизиной комнате был явный перебор – 14 человек. Правда, комната была большая, и даже имелись тумбочки – одна на две кровати. Лиза делила тумбочку с Катей Волковой, кареглазой мечтательницей. Мечты у неё были полярные: наесться до отвала пирожков с капустой и... побывать на дне океана. Об океане она могла говорить постоянно и каждый раз перед сном спрашивала Лизу:

– Можно я тебе расскажу, какое у океана дно?

– А ты что, уже побывала там? – Лиза с улыбкой смотрела на подругу и разрешала: – Рассказывай.

И Катя говорила о том, что ей виделось на дне океана: о его загадочных обитателях, с которыми она, Катя, обязательно найдёт общий язык, – они же должны понимать, что она любит их.

– Представляешь, – шептала она, – там дворцы прозрачные, как аквариумы, а пол засыпан жемчужинами, и когда по ним идёшь, они ласково под ногами перекатываются...

– Спи, фантазёрка, поздно уже...

Девушки приехали в областной центр из одного района, но в школах учились разных, поэтому до поступления в институт не знали друг друга. Обе получали повышенную стипендию – 35 рублей. Обычная составляла 28. По два рубля в месяц платили за место в общежитии. Но семью «повышенными» рублями воспользоваться не пришлось: на курсе училась худенькая блондиночка Рита Колоскова, приехавшая из далёкой глубинки и зачисленная по направлению районного отдела народного образования даже с двумя тройками. Тогда, в 70-е годы прошлого века, практиковался такой метод поступления в вуз. Обязательным условием было возвращение после окончания института в свой район. Стипендию Рита из-за троек не получала, у матери в селе было ещё четверо детей, младше Риты. Районные власти иногда помогали многодетной семье одеждой, продуктами, но денег никогда не давали. Мать присылала Рите «передачи с оказией»: если кто-то из села ехал в областной центр, она упрашивала передать дочке то полмешка картошки, то десяток яиц. Но надо было хоть изредка покупать мыло и зубной порошок, чулки и бельё, тетради и ручки. И жившие в одной комнате четверо «повышенных», в том числе и Лиза с Катей, складывались по семь рублей и отдавали Рите. У неё, таким образом, тоже получалась 28-рублёвая стипендия. За общежитие Рита не платила, поэтому у неё было даже на два рубля больше, чем у остальных. Она, конечно, вначале отказывалась от «самодельной» стипендии, как она называла складчину однокурсниц, но они настояли, утешая её тем, что вот, мол, она, Рита Колоскова, окончит институт, «выйдет в люди», может, станет директором школы и со всеми рассчитается. Рита слабо верила в то, что она «выйдет в люди», но...

– В любом случае, девочки, вашу доброту я не забуду.

И не забыла. Но до этого было ох, как далеко!

А на два «лишних» рубля каждый месяц, в день стипендии, подружки устраивали пир в горсаду, где продавались пирожки с ливером, с капустой и с повидлом, газировка, мороженое. Газировку в такой день пили с сиропом. Все, кроме Лизы. Она сладкое не любила. Вот и сейчас сырок «Омичка» съела без удовольствия потому, что он сладкий. Других в магазине рядом не было, а идти далеко не хотелось. Устала. И опять взяла с собой работу...

Елизавета Петровна вздохнула, отвлеклась от воспоминаний и, убрав со стола, занялась чтением рукописи. Она любила работать в кухне: уютнее, и чайник рядом. Зелёный чай могла пить постоянно. Кофе употребляла редко, тем более, растворимый. Где-то прочитала, что когда друзья спросили «изобретателя» растворимого кофе, полезен ли сей напиток, он, то ли в шутку, то ли всерьёз, ответил: «Вода из болота менее вредна, чем моё открытие».

Иногда, правда, Елизавета Петровна любила сварить настоящий молотый кофе. Отпив глоточка два, ставила чашку на подоконник, и ветерок через открытую форточку, разносил аромат по всей квартире. Странно, но выпитый кофе действовал на неё не возбуждающе, а наоборот... Она улыбнулась, вспомнив, как в годы работы в областной газете получила срочное задание: написать к утру следующего дня, к началу планёрки, информацию о творческом вечере местного поэта. Лиза на вечере была и даже выступала, потому что стихи ей понравились. И автор тоже. Вёл он себя скромно, читал без завываний, чем грешили многие его собратья по перу. И, вспоминая подробности вечера, мысленно составляла план информации: сначала рассказать о творчестве этого поэта вообще, потом о его первой книге, о выступлениях читателей...

До позднего вечера занималась домашними делами: ужин, стирка, глажка – быт, одним словом. Уповала на

длинную ночь: днём Лиза не успевала сделать всего и часто собранные за день материалы обрабатывала ночью, когда в доме наступала тишина, мысли и чувства как-то особенно обострялись... Лиза было «совой». Только вот утром она не могла позволить себе поспать подольше и вставала рано, как «жаворонок».

Положив перед собой чистые листы бумаги, Лиза задумалась над заголовком информации. «Ладно, заголовок и после можно придумать, когда всё будет написано. Но успею ли к утру?». Она решила сварить кофе для бодрости. Выпив большую чашку, принялась за работу, вспоминая все детали творческого вечера поэта. И вдруг глаза стали слипаться, голова всё ниже склонялась к столу, и Лиза, заведя будильник на четыре часа утра, уснула, как убитая... Информацию она написала, и заведомо похвалил: «Ничего, очень даже ничего, учитывая срочность...».

Потом Лиза узнала, что на некоторых людей с низким давлением, гипотоников, кофе действует угнетающе. Лиза была гипотоником. Но, естественно, в качестве снотворного она его не принимала, хотя бессонницей страдала часто. Лекарств она никаких не употребляла, кроме валерьянки и зелёного чая, который считала лучшим средством от всех болезней...

Вздыхнув в очередной раз, Елизавета Петровна решительно прогнала воспоминания давних лет и углубилась в чтение рукописи. Их накопилось много: проза, поэзия, публицистика, краеведение. На работе всё прочитывать не успевала из-за постоянных посещений авторов, друзей-газетчиков, из-за частых совещаний, куда Елизавету Петровну приглашали как главного редактора издательства. Основная масса рукописей – сплошное графоманство. Как правило, их авторы были людьми с завышенной самооценкой, тре-

бовали немедленного издания своих «шедевров». Скромные же, и поистине даровитые, никогда не скандалили, прислушивались к редакторским советам, работали, переделывали, шлифовали. В итоге выходили книги, за которые не было стыдно ни писателю, ни издателю.

На этот раз Елизавета Петровна принесла домой стихи молодых для коллективного сборника и повесть местного прозаика, работающего корреспондентом в областной газете. Ей нравились его рассказы, они печатались в региональном журнале. Повесть написал впервые. И Елизавета Петровна с нетерпением перевернула титульный лист рукописи и прочитала первое предложение: «Володька Скворцов был однолюбом, поэтому разрыв с Томкой воспринял, как катастрофу. А всё началось с...»

Елизавета Петровна резко встала и подошла к окну. Она всегда, когда волновалась, подходила к окну. «Володька Скворцов... Надо же, какое совпадение!» – подумала она, и сердце больно стукнуло, напоминая о далёком – ушедшем, но не забытом.

2.

...Володька Скворцов был однолюбом. По крайней мере, так он говорил о себе, когда Лиза с сомнением воспринимала его признания:

– Имей в виду, я – однолюб. И если ты даже выйдешь замуж не за меня, я всё равно тебя не разлюблю. И твоих детей любить буду...

Лиза хохотала. Володька вначале сердился, а потом, улыбаясь, говорил:

– Ладно, увидишь...

– Да что видеть-то? – спрашивала Лиза. – Я только на втором курсе, и тебе ещё учиться да учиться... И вообще...

Что значило это Лизино «вообще», Володька понимал: она не любила его так, как он её. Пока не любила. Но он был уверен, что полюбит.

Познакомились они в горсаду на танцевальной площадке. Он, курсант лётного училища, подошёл к стоявшим в сторонке Лизе и Кате Волковой. Одеты студентки были скромненько, но что-то подсказало молодому человеку подойти именно к ним. Он по очереди танцевал то с одной, то с другой. Проводил до общежития.

Уже в комнате, перед сном, Катя сказала Лизе:

– Володя о тебе расспрашивал, когда со мной танцевал. Наверное, ты ему больше понравилась...

Лиза засмеялась:

– Рано нравиться. Только познакомились. Он и свиданья-то не назначил. Может, тебе?..

– Нет, – Катя смутилась. – И мне не назначил. Спрашивал, каждое воскресенье мы ходим на танцы или нет.

– А ты что сказала?

– Сказала, что не каждое. Иногда ведь мы по выходным домой ездим... А у тебя спрашивал?

Лиза отрицательно помотала головой. Ей почему-то стало обидно, что с ней Володька танцевал молча, только и спросил, как зовут и где учится. О себе тоже ничего не говорил, назвал имя – и всё. А где учится – по военной форме и так ясно было. Форма ему очень шла: ладно сидел китель, фуражка делала его ещё выше, хотя он и так был длинный. Лиза с Катей – тоже не маломерки, но курсанту едва доставали до плеча.

Когда шли до общежития, говорили о своём: девочки – о предстоящей сессии, курсант – об учебных полётах. Лиза обратила внимание, с каким восторгом он говорил о своей мечте стать лётчиком... Почти с таким же, как Катя – о дне океана...

Вся следующая неделя была зачётной. Впереди – экзамены. Подруги готовились вместе, вслух читали учебники и конспекты. Ни русского языка, ни литературы они не боялись. Но политэкономия! Но английский! В сельских школах иностранный язык ведётся «через пень колоду»: то учителя нет, то пришлют такого или такую, что лучше бы не присылали вообще. Лизе повезло: в школе, где училась она, английский с пятого по восьмой класс вёл абсолютно не «стандартный» учитель – Анатолий Моисеевич Блаунштейн. В нём всё было особенное – от фамилии до методики проведения урока. Класс он превращал в салон самолёта, самых слабых и хулиганистых учеников «производил» в пилота, радиста, бортпроводника. Многие в селе тогда и не знали подобных слов. Каждый урок отправлялись в путешествие в Англию. И, начиная с самых простых слов и предложений, учитель постепенно пополнял знания учеников, используя игровые моменты, чего никогда другие учителя не делали. Только – учебник, тетрадь, контрольные работы...

Четыре года проработал в школе Анатолий Моисеевич, но и за это время им был заложен такой фундамент знаний английского языка, который не могли разрушить часто менявшиеся после него «англичане с русским произношением»...

Кате повезло меньше: в её школе английского языка до восьмого класса не было вообще. А потом...

– Учителя менялись часто, – вздыхала Катя. – Один год у нас даже физик вёл английский. Так что ты представляешь, какие у меня знания.

– Но ведь вступительные экзамены ты все сдала на «отлично», – возразила Лиза, – в том числе и английский.

– Ты же знаешь, я на курсах в райцентре занималась. Специально для поступления в институт. Но сейчас-то всё сложнее, не школьная программа...

После успешной сдачи зачётов, половину из которых Лизе и Кате поставили «автоматом», как активно занимавшимся в течение семестра, Катя в воскресенье с утра засобиравшись домой, в деревню. До первого экзамена было целых пять дней.

– Хотя картошки да щей маминых наемся, – мечтательно проговорила Катя. – А ты не едешь?

– Нет, буду готовиться. Политэкономия – не литература, не русский язык. Боюсь. Я бы и тебе не советовала уезжать. Ну, как ты там готовиться будешь?

– А я всего на два денька. Приеду, и вместе ещё позанимаемся, ладно?

– Как хочешь. – Лиза достала свои конспекты, написанные каллиграфическим почерком, положила в портфель. – Я в библиотеку.

Остальные жильцы комнаты уже разошлись, кто куда. Только Рита Колоскова сидела на своей кровати и, раскачиваясь из стороны в сторону («Так лучше запоминается»), – уверяла она), зубрила политэкономия.

Когда Лиза выходила из общежития, её догнала запыхавшаяся Катя:

– Решила не ехать. Буду готовиться с тобой, можно? У тебя конспекты лучше моих. А я пишу и потом сама плохо разбираю....

Весь день девчата просидели в Пушкинской библиотеке, дважды спускались в буфет – пили чай с пончиками. Денег оставалось только на такую «заправку», как всегда перед стипендией. В понедельник её обещали дать, и тогда – очередной пир с пирожками и газировкой. Наверное, они одновременно подумали про горсад, потому что в один голос спросили:

– На танцы пойдём?

И обе решили не ходить, а одолевать политэкономию.

А вечером их ждал сюрприз: Володька явился в общежитие и попросил вахтёршу вызвать Лизу и Катю. Дежурная Серафима Ивановна знала всех студентов, а этих «миленьких девочек», как она их называла, выделяла особо: они всегда были приветливы с ней, спрашивали о здоровье, иногда сидели за неё на вахте, когда ей надо было срочно отлучиться.

Спустившись вниз, Лиза и Катя увидели улыбающегося курсанта, который успел «обаять» Серафиму Ивановну и, словно давний знакомый, о чём-то беседовал с ней.

– Почему не пришли на танцы? – с детской обидой спросил он.

– Сессия, – хором ответили студентки.

– Ну, на два-то часа можно вырваться из плена учебников, дать себе отдохнуть... – Володька вздохнул: – А я ждал-ждал... У меня увольнительная кончается, бежать надо. В следующее воскресенье обязательно потанцуем!..

Но в следующее воскресенье Катя всё-таки уехала домой, а Лизу пригласила на день рождения однокурсница Инна, жившая в городе, но часто бывавшая в общежитии, особенно во время сессий. Лизу она как-то даже выделяла, хотя разница между ними была весьма ощутимая: Лиза – сельская, Инна – городская; Лиза – из бедной, простой семьи, Инна – из... если не богатой, то очень обеспеченной, интеллигентной. Одевалась она, конечно, не так, как её однокурсницы, за исключением двух-трёх, тоже городских. На ней всегда были модные блузки и юбки, туфли на каблуках. Инна тайком покуривала, когда приходила в общежитие. И вся она была какая-то «не здешняя», всё стремилась в Москву, в университет. И, в конце концов, после третьего курса осуществила свою мечту.

А пока готовилась отмечать день рождения и из всей

группы пригласила Лизу. Лизе и хотелось пойти, и в то же время она очень стеснялась. Стеснялась своей скромной одежды: две блузки и две юбки – весь её летний гардероб. Зато они всегда были, как новые: Лиза постоянно стирала и гладила, а блузки даже подкрахмаливала, чему её научила мама, работавшая когда-то в доме богатой женщины, приехавшей в село «из самой Москвы», как шёпотом говорили соседки...

Лиза решила надеть белую блузку, которая висела на самодельных плечиках, приготовленная для танцев. Но... Инна очень приглашала. И Лиза понимала, что не принять приглашение – просто невежливо. На танцы без Кати она идти не решилась. «Ещё обидится, – подумала Лиза. – Лучше уж к Инне пойду... А что же ей подарить?». И она вспомнила, как в разговорах о литературе Инна часто упоминала Шекспира и читала наизусть его сонеты. У Лизы были сонеты Петрарки, и она подумала: если Инна любит Шекспира, то не может не любить и Петрарку. И решила подарить ей изящный томик, купленный в букинистическом отделе в день поступления в институт.

Лизе не то, чтобы жаль было Петрарку, но она выкла к нему, часто читала, бережно переворачивая страницы, заучивая наизусть наиболее понравившиеся сонеты. Но – подарила. Инна искренне обрадовалась, расцеловала Лизу, повела в сад, где был, трудами её папы, образцовый порядок. Родители Инны – педагоги, имели собственный дом. Два их сына жили в Москве, но часто приезжали в родные пенаты, особенно на семейные праздники. 20-летие сестры Инны они пропустить, конечно, не могли.

Стол накрыли в саду и до позднего вечера пили чай с пирогами, с вареньем; говорили, читали стихи, и даже Лиза осмелилась прочесть сонет Петрарки. Приняли её хорошо, как будто давно знали, и она немного «расковалась», уча-

ствовала в разговорах, смотрела семейные альбомы, книги, которые занимали все стены. Даже в кухне стояла этажерка, забитая толстыми журналами и газетами. Лиза словно в другом мире побывала и от всей души благодарила Инну, которая пошла провожать её до остановки.

В общежитие Лиза вернулась поздно. Серафима Ивановна встретила её с укором:

– Где же ты была до сих пор? Твой курсант тебя часа два ждал. Катерина-то домой уехала, но он о тебе всё спрашивал. До чего же хорош парень! Прямо как сын родной в душу вошёл. Он ведь сирота... Всё мне о себе рассказал...

Так от вахтёрши Лиза узнала Володькину биографию...

– Он тебе ведь письмо оставил. – Серафима Ивановна достала из ящика стола запечатанный конверт.

– Здесь, что ли, писал? – спросила Лиза.

– Нет, заготовлено было. Когда уходил, оставил...

На конверте стояло одно слово: «Елизавете». Она поднялась на свой четвёртый этаж и, не заходя в комнату, прочитала письмо в углу коридора. Лизе никто ещё не объяснялся в любви, и хотя в письме не было слова «люблю», а было – «нравишься», она сердцем почувствовала, что это – именно объяснение. Володька назначал свидание...

Они встречались уже два года, и Лиза, воспринимавшая вначале Володьку как друга и брата, стала чувствовать, что всё чаще при свидании сердечко начинает трепетать, и когда однажды Володька не пришёл, она чуть не разревелась. Потом уже узнала, что к ним в училище приехала какая-то грозная комиссия, и в увольнение никого не отпустили. Володька звонил в общежитие, но в тот раз дежурила не Серафима Ивановна, а новая вахтёрша, которая забыла сказать Лизе о Володькином звонке.

Катя радовалась за подругу, что у неё «такой хороший жених». Володька как-то приводил с собой друга – Пашку, познакомил его с Катей, но у них почему-то не сложились отношения. Лиза догадывалась, что у Кати кто-то есть: последнее время, особенно на четвёртом курсе, она почти каждый выходной ездила домой, возвращалась какая-то преображённая, даже об океанском дне говорила всё реже; зато часто подходила к зеркалу, встряхивала своими каштановыми волосами и напевала, чего раньше никогда не было. Лиза не надоедала расспросами и только однажды, глядя на счастливое Катино лицо, светящиеся глаза, сказала:

– По-моему, ты влюблена, Катюш...

Подруга вся вспыхнула, порывисто обняла Лизу и выбежала из комнаты...

3.

Окончив институт, Катя уехала работать в свой район и вскоре вышла замуж за директора школы, выпускника исторического факультета. Он был на два года старше, и это к нему она так часто ездила.

Рита Колоскова неожиданно для всех, и в первую очередь, наверное, для самой себя, тоже вышла замуж. Но за кого! За разведённого, немолодого уже доцента кафедры русского языка. Лизе он не нравился: каждый раз, сдавая экзамен или зачёт, она чувствовала на себе его какой-то нечистый взгляд, не выносила двусмысленностей, без которых он, кажется, и не умел разговаривать:

– Ну, что, пятёрочку желаем? – спрашивал он вкрадчивым голосом. – А мы вот возьмём да четвёрочку поставим...

Лизе уже было всё равно, лишь бы поскорее уйти,

но четвёрка – это значит, прощай, повышенная стипендия, и Рите пришлось бы обходиться без Лизиных семи рублей.

Ставил доцент всё-таки пятёрку, потому что Лиза отвечала на все вопросы, но ему доставляло удовольствие видеть, как она мучается, переживает. «Доцент, а такой... немудрый», – думала она, стыдясь своих мыслей. И вот теперь слабенькая Рита – его жена? Ей надо было уезжать в район, откуда она получила направление на учёбу, но доцент всё уладил, и Рита осталась в городе: муж устроил её в институтскую библиотеку.

Лизе предложили учиться в аспирантуре. На защите дипломной работы по литературе её научный руководитель сказал:

– Ваша дипломная «тянет» на кандидатскую диссертацию. Поступайте в аспирантуру и продолжайте эту тему.

А тему Лиза выбрала такую: «Традиции русской классической литературы (А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский) в творчестве поэтов серебряного века». Из поэтов серебряного века она особенно любила Анну Ахматову и Марину Цветаеву. Сопоставительный анализ стихотворений этих авторов был темой её курсовой работы. Она так увлеклась серебряным веком, что и дипломную работу решила посвятить этому периоду русской литературы.

В отношении аспирантуры Лиза колебалась: Володька сделал ей предложение. Через месяц он выпускался из военного училища и уже получил предварительное распределение в город Ногинск Московской области. Перед Лизой были три дороги, как в сказке: одна – ехать отрабатывать три года учительницей русского языка и литературы в свой район; вторая – поступать в аспирантуру; третья – выходить замуж за Володьку и отправляться с ним в Ногинск.

– Имей в виду, без тебя не поеду! – категорически заявил он. – Я уже начальнику училища сказал, что женюсь,

и мне, как семейному человеку, положена квартира...

И они подали заявление в загс, решив, что в аспирантуре Лиза будет учиться заочно...

А через несколько дней случилась трагедия: в грузовую машину с четырьмя молодыми лётчиками, среди которых был и Володька Скворцов, врезался бензовоз. Говорили, что его водитель заснул за рулём. «Произошёл взрыв. Грузовая машина перевернулась и накрыла всех, кто был в кузове. Спасти никого не удалось» – это из газетных сообщений...

Елизавета Петровна отошла от окна и села на стул, почувствовав, что может упасть. Отодвинула подальше рукописи и, закрыв лицо руками, расплакалась так горько и громко, как не плакала со дня гибели Володьки.

«Господи, ну почему, за что? – в который раз вопрошала она. – Он только начинал жить. Сам сирота, он так мечтал о своей семье!»

Она до боли сжимала голову, словно хотела выдать из неё эти мысли, но они одолевали её с новой силой: «С ним ведь были и другие ребята, тоже молодые, не успевшие прочно встать на ноги, мечтавшие о небе и так нелепо погибшие на земле...»

С большим трудом она заставила себя пойти в ванную. Умылась холодной водой и вслух сказала: «Прекрати!» Но воспоминания жгли мозг и сердце, которое то учащённо билось, то останавливалось на какое-то мгновение, и Лизе казалось, что вот сейчас она умрёт, и кончатся все её мучения... Но мучения продолжались, хотя время шло, и надо было жить и работать.

Через два года после трагедии она, окончив аспирантуру, начала работать ассистенткой на кафедре литературы. Жила в отдельной комнате на преподавательском этаже в том же общежитии, где провела четыре студенческих года с

Катей, Ритой, куда приходила Инна. У всех уже давно были свои семьи, дети. Всё это время Лиза чувствовала ненавязчивое, дружеское участие Риты. Она снабжала Лизу нужными книгами, иногда приносила их в общежитие. Даже её доцент как-то по-человечески смотрел на Лизу и передавал через жену приглашение на чай. Видимо, Рита положительно влияла на него.

Лиза благодарила, но приглашение на чай не принимала. С Ритой общалась в институте, переписывалась с Катей и Инной, которая ещё на третьем курсе перевелась в МГУ и теперь уже работала в Москве, в музее имени Маяковского.

Домой Лиза ездила редко. Мамы уже не было, братья жили в других городах с жёнами, которые, как говорили соседи, «прибрали их к рукам». Домик окончательно развалился, а огород взяли себе тётки и сажали на всей площади картошку. Надо было в их пользу оформить отказ от наследства. Хоть и развалины, но официально – наследство. Лиза в очередной приезд с лёгкостью подписала нужные документы, сходила к маме на могилку, попрощалась с детством и возвратилась в город успокоенная – впервые за долгое время...

В общежитии всё та же Серафима Ивановна, которая стала относиться к Лизе с ещё большей нежностью, встретила её беспокойным взглядом и показала на сидевшую рядом молодую женщину:

– К тебе.

Лиза пожала плечами. Она устала с дороги, и ей не хотелось приглашать незнакомку в комнату, где она мечтала выпить зелёного чая, лечь на диван и почитать Чехова. Поэтому предложила выйти на улицу, даже не подозревая, какой её ждёт удар.

– Я Светлана Ельцова. Живу в военном городке. Мать-одиночка... – Она намеренно с вызовом произнесла последние слова. Помолчала.

Лизе стало почему-то неприятно и не хотелось дальше слушать. «Я-то тут при чём?» – подумала она.

А Светлана, заглядывая сбоку в лицо Лизе, продолжала:

– Даже не знаю, как сказать. Но положение у меня безвыходное. Я не работаю: ребёнок маленький. Я родила его уже после смерти Владимира.

Лиза вздрогнула и впервые внимательно посмотрела на собеседницу. Она была, наверное, Лизина ровесница; одета в коричневую вельветовую юбку и розовую блузку с рукавами-фонариками. Волосы чёрные, длинные, собранные сзади под заколку.

– Да-да, – жёстко сказала она. – Ребёнок от Скворцова. Я знаю, что он любил вас, но я была у него первой.

– Вы... любили его? – С трудом выговорила Лиза.

– Да, любила. – И, предупреждая возможный вопрос Лизы, добавила: – А он – нет... Всё о вас рассказывал, какая вы. А я злилась, что я не такая...

Лиза слушала Светлану, а мозг до боли сверлила только одна мысль: «Володька не мог без любви просто поцеловать, не то, чтобы... Неправда, неправда!..»

– Что же вы от меня хотите? – Лиза остановилась и опять внимательно посмотрела на Светлану.

– Помощи! – Грубо ответила та. – Мне ребёнка нечем кормить. А вы всё-таки... Я думаю, что в память о его... отце, не откажете...

Лиза открыла сумку и отдала всё, что осталось у неё от поездки:

– Доходы у меня небольшие, – она усмехнулась. – Я пока ассистент... Но... помогу. Приходите каждое пятое число месяца, в день зарплаты, к институту... Нет, лучше будем встречаться у ГУМа...

4.

Пять лет Лиза каждый месяц платила Светлане «алименты», как она с горькой усмешкой называла про себя помощь ребёнку. Подрабатывала репетиторством, какое-то время была внештатным корреспондентом в областной газете. Гонорары были очень даже приличные, хоть и не постоянные. Потом защитила диссертацию, работала уже старшим преподавателем. Получила однокомнатную квартиру на Набережной. И всё это – под постоянным бременем мыслей о ребёнке, о Володьке. Она не осуждала его, не упрекала. Просто не верила, что он мог так поступить с ней, с их любовью...

Перед окончательным уходом из общежития, когда квартира на Набережной была уже отремонтирована, необходимая мебель куплена (в общежитии мебель была казённая), Лиза, сложив оставшиеся книги в сумку, пригласила Серафиму Ивановну на прощальный чай. Добрая вахтёрша знала её историю и в который уже раз повторяла:

– Не верь, Лизочка, не верь. Володя не мог так поступить. Это вымогательница какая-то. Ты хоть узнала, кто она, откуда?

– Нет. Да и зачем? Важно ребёнку помочь. Он не виноват...

– А ты его видела, ребёнка-то? Может, его и нет.

– Есть. Она как-то с ним приходила.

– А может, у кого-нибудь взяла...

– Не надо, Серафима Ивановна. Что уж теперь... Давайте лучше чай пить...

Не первую бессонную ночь проводила Лиза в общежитии, а тут, тем более, – прощальная ночь. Сюда приходил Володька...

«А мальчик хорошенький, – неожиданно подумала она и улыбнулась, вспомнив смотревшие на неё доверчивые глазёнки. – Совсем не похож на Володьку. И на Светлану не похож. А вдруг, правда, – не его и не её?»

И всё-таки кого-то малыш напоминал, что-то знакомое показалось ей в детских чертах, особенно в глазах. Но, точно, – не Володькино...

Летом Лиза ездила на неделю в район, к Кате Волковой, которая теперь была уже Екатериной Васильевной Субботиной, солидной дамой, завучем по воспитательной работе. У них с мужем был собственный дом с садом, двое детей. Полная, дружная семья. В прошлом году купили машину.

Лиза боялась, что её будут жалеть, сочувствовать ей. Но ничего подобного не случилось. Катя встретила её, как сестру родную, выделила ей отдельную комнату – благо, дом большой. Мужа не было – уехал на своей машине в город по директорским делам и детей взял с собой – в музей сводить, покатать на «колесе обозрения» в Парке культуры. И Лиза с Катей целыми днями сидели в саду, ели яблоки, груши, которых в этом году уродилось много.

– Не знаю, куда девать, – сетовала Катя. – Тут у всех сады, угощать некого. Муж повёз сестре целую машину. Ты тоже возмёшь с собой, сколько захочешь.

– Да где я всё хранить буду? – Лиза обняла подругу. – У тебя тут чердак, погреб; сушёные, мочёные яблоки – всю зиму. А я уж тут питаюсь витаминами, на целый год хватит.

– Ну, мы тебе сами привезём. Теперь машина есть, без проблем. Поедем на августовское совещание и привезём. Как раз твоя любимая антоновка поспеет. – Катя вдруг замолчала, словно что-то вспоминая, и спросила: – Ты с Инкой общаешься?

– Переписываемся изредка.

– А я её в прошлом году видела, когда ездила на курсы в Москву. Она меня к себе зазвала. И знаешь, кого я у неё случайно встретила? Пашку Свиридова! Помнишь, твой Володька приводил мне жениха? – Катя тревожно посмотрела на Лизу, которая встала со скамейки, где они сидели, и отошла к ближайшей яблоне.

– Рассказывай, рассказывай, я ничего, – не поворачиваясь, проговорила Лиза.

Катя тоже встала, обняла Лизу, погладила по тёмно-русым вьющимся волосам, заметила кое-где седину и, не сдержавшись, всхлипнула... В первый раз за всю встречу они расплакались. Когда немного успокоились, побродили по саду и вновь сели на скамейку, Катя сказала:

– Ты ведь знаешь, у Инки муж – военный. Пришёл при мне на обед, а с ним, гляжу – бравый офицер, Пашка! Я так и ахнула. Он меня не узнал, конечно. А я его сразу узнала. Ну, пообедали, Инкин муж и говорит: «Я на службу, а ты, Павел, побудь с девчонками: небось, есть что вспомнить?» Ну, повспоминали. Пашка тобой очень интересовался. Сказал, что, уезжая по назначению, хотел зайти к тебе, да постеснялся. У него ведь осталась... Ну, не жена, а так... Говорит, по дурусти связался. Думал, по назначению поедет с женой, поспешил, а потом, то ли узнал что о ней, то ли просто поссорились, но уехал один.

– А ребёнка у неё нет? – тихо спросила Лиза.

– Вот уж не знаю. Если бы был, то Пашка сказал бы. Он очень с нами откровенничал.

И тут Лиза, неожиданно для самой себя, рассказала Кате о Светлане, о её ребёнке и опять расплакалась:

– Об этом никто не знает, только Серафима Ивановна. Ты ведь помнишь нашу вахтёршу? Она нас с тобой «миленькими девочками» называла.

– Помню, конечно, – ответила Катя и тут же возмущённо спросила: – И ты столько лет даёшь деньги этой вымогательнице?

– Не ей, а ребёнку... Знаешь, Катя, я вспомнила, кого мне малыш напомнил. Пашку! Это, точно, его ребёнок, а Светлана – та самая, с которой он «по дурусти связался». Так ведь он вам сказал?

– Так. Неужели он, гад такой, знает о ребёнке и бросил их?

– Не хочется верить... А она, представляешь, последнее время, уже больше года, как-то стесняться стала при встречах. Глаз не поднимает. И рука дрожит, когда деньги берёт. Я уж ей стала их в конверт класть, а раньше так отдавала. Мне кажется, она что-то хочет сказать мне, но не может... А мальчик очень красивый. Она его Владимиром назвала. Теперь определённо говорю: вылитый Пашка!

– Что же делать-то, а? – Катя, как в студенческие годы, тряхнула красивыми каштановыми волосами. – Надо действовать. Нельзя же всю жизнь гирю на шее носить!

– Ну, ты скажешь тоже... гирю, – с обидой отозвалась Лиза. – Это ребёнок. Неважно чей, но ребёнок.

– Всё равно надо принимать меры, – стояла на своём Катя, и в голосе её прозвучали учительские нотки.

Лиза улыбнулась:

– Какие тут могут быть меры? Тем более, я теперь приличную зарплату получаю.

– Ну и что? О себе-то тоже пора подумать. Ты что, так и будешь всю жизнь одна? Надо действовать!..

Но действовал, и давно уже, другой человек – Серафима Ивановна. Через свою приятельницу, жившую в военном городке, она узнала, что Светлана «спуталась», как выразилась приятельница, с курсантом.

– Клинья-то подбивала под твоего, – довольная результатами своей разведывательной работы, докладывала Серафима Ивановна. – Но он в тебе души не чаял и на других девчат не смотрел. А Светланка тогда за Пашкой начала бегать. Вроде бы и нравилась она ему, но потом перестал ходить. Может, что узнал про неё нехорошее, а может, понял, что не любит. И уехал. А потом ребёночек родился. Ну, тётка её, конечно, не выгнала. Она ведь с тёткой жила. А та всё допытывалась, от кого дитя. Но Светланка – как в рот воды набрала. А когда тётка хотела идти к начальнику училища выяснять, Светланка сказала, что бросится под поезд вместе с ребёнком. Тётка и смирилась. Она женой военного была. Вдовой осталась. Разбился он у неё. Пенсию хорошую получала. Своих-то детей не было, она Светланку из глухой деревни от сестры многодетной привезла. Воспитала, образование дала. А потом взяла да и умерла. Порок сердца у неё был, а тут ещё такие переживания из-за ребёночка. Светланка и осталась без средств. И видишь, чего удумала! Тебя нашла, сообразила, что одна надежда у неё – ты. Пашку искать или его родню гордость не позволяет... – Серафима Ивановна вздохнула. – Конечно, жалко её... А приятельница-то моя слышала, как Светланка, гуляя с ребёнком, говорила ему: «Ну, Владимир Павлыч, как, справимся мы с тобой вдвоём?»... Вот видишь, Лизочка, – «Павлыч»! Говорила же я тебе, не мог наш Володенька нечестно поступить, не мог...

Она так и сказала – «наш». И то ли от этого слова, то ли от всего рассказанного, Лиза опять расплакалась и долго не могла успокоиться.

Они сидели в Лизиной квартире, на кухне. Серафима Ивановна сама поставила чайник, заварила, разлила в красивые чашки – синие с золотыми ободками. Их подарил Лизе Володька в честь окончания института: «Первое при-

обретение для будущей семьи», – совершенно серьёзно заявил он, вручая сервиз. Лиза очень любила посуду, а этим сервизом особенно дорожила.

– Попей чайку, Лизочка. – Серафима Ивановна погладила её по плечу. – А дальше-то слушай. Приятельница моя нашла через заведующую клубом Пашкиных родителей и всё им рассказала... – Увидев, как испугалась Лиза, она поспешила успокоить её: – Нет, про то, что Светланка у тебя деньги берёт, она не знает, это наш с тобой секрет. Она про ребёночка рассказала. Говорит, отец, как услышал, загремел: «Убью подлеца!» А мать заплакала, запричитала: «Внучок у меня, внучок, Господи! Паша, как же ты мог скрыть от нас?»... А он, Пашка-то, поди, и сам не знал... Короче, будем ждать, чем всё кончится. Отец-то в Москву собирался ехать...

5.

Прошёл месяц. Пятого числа Светлана впервые за всё время не явилась за деньгами. Лиза долго прогуливалась возле ГУМа. Прождав около часа, решила пойти в горсад. Столько лет прошло, а она ни разу здесь не была. Дойдя до танцплощадки, вернее, до того места, где она когда-то была, Лиза постояла, вспоминая, как Володька танцевал по очереди то с ней, то с Катей, как привёл сюда Пашку – для Кати. Но ничего из этого не вышло... Катя давно счастливая жена и мать; у Пашки – сын, но знает ли он о нём? Узнает, если родители уже в курсе...

Лиза вернулась домой, положила на тумбочку неотребованный конверт с деньгами. Вымыла руки и хотела переодеться в домашнее, но в дверь позвонили, и она с тревогой подумала: «Кто это ко мне?» Открыла и, поражённая, отступила назад: впереди, как маленький, но надёжный щит,

стоял «Владимир Павлыч», а за ним – Светлана и Павел. Едва войдя в прихожую, оба так неожиданно бухнулись на колени, что Лиза оторопела, а мальчик испуганно поглядел на отца и мать, ставших одного роста с ним, и заплакал.

– Лиза... Елизавета Петровна, простите... – Пашка побледнел, а Светлана, наоборот, залилась краской, но не столько от стыда, наверное, сколько от сознания того, что вот сейчас всё плохое останется позади, Лиза их простит, и они будут жить счастливой семьёй. Наконец-то...

– Встаньте, встаньте немедленно! – Чтобы не расплакаться, Лиза повысила голос: – Ребёнка напугали... Проходите в комнату.

Она хотела незаметно убрать с тумбочки конверт с деньгами, но Светлана уже увидела его:

– Больше не надо... И остальные мы с Пашей вернём.

– Да, конечно, вернём... Света мне всё рассказала. Спасибо, Елизавета Петровна. Вы спасли мне сына и... жену.

Лиза рассердилась по-настоящему:

– Чтобы я больше не слышала об этом! Никаких возвратов! – Она подошла к маленькому Володе и уже мягче добавила: – Вот разве что Владимир Павлыч, когда вырастет, будет мне в день рождения цветы приносить. Будешь, Владимир Павлыч?

Мальчик, поняв, что ничего страшного не произошло, и тётя, к которой его привели мама с папой, добрая и собирается поить их чаем, улыбнулся сквозь ещё не сохшие слёзы и спросил:

– А какие цветы? Вот такие? – Он показал на стоявшие в вазе хризантемы.

Лиза любила эти осенние цветы. Они долго сохранялись, от них исходил горьковатый аромат начавшейся осени – бабьего лета. Их ей всегда дарил Володька.

– Да, именно такие. – Она хотела погладить мальчика

по голове, но не стала. Ему уже можно было пожать руку.

Павел оправился от волнения и, вопросительно посмотрев на Светлану: «Можно?», – стал открывать дипломат.

– Это ты не у меня спрашивай, а у Елизаветы Петровны.

Поняв, в чём дело, Лиза сказала: «Можно» – и пошла в кухню за посудой.

На столе в комнате уже стояла бутылка шампанского. Павел достал ещё красное вино, коробку конфет, а Светлана выложила из пакета бананы и апельсины:

– Я это уже дома всё вымыла: мы думали, если вас не застанем, то пойдём на Набережную и там, напротив вашего дома, отметим... – Она замолчала, не уточняя, что они собирались отмечать. И так ясно было, *что...*

Когда стол был готов, Светлана попросила Павла открыть вначале не шампанское, а красное вино. Она сразу заметила на полке с книгами портрет Володьки Скворцова. Подошла, опять опустилась на колени, но уже с благоговением, как перед иконой:

– Прости меня. Я тебя оклеветала. Этот грех буду отмаливать всю жизнь. Ты – святой. И твоя Лиза – святая. Светлая тебе память... – Она вернулась к столу, поцеловала Лизу и спросила: – Можно на «ты»? Теперь ты нам родная. Правда, Паша?

Павел подошёл к Лизе и поцеловал ей руку. Лиза совсем растерялась:

– Осталось Владимиру Павлычу меня поцеловать.

– Не люблю целоваться, – неожиданно басом сказал мальчик. Взял с вазы самый большой апельсин и протянул Лизе. Все засмеялись...

Гости ушли поздно...

И вот уже несколько лет Лиза каждый отпуск прово-

дит вместе с новыми друзьями, ставшими ей, действительно, роднёй. Роднее у неё теперь никого не было.

Елизавета Петровна отошла от окна. Уже смеркалось... «Сколько же я так простояла?», – подумала она. Взяла с книжной полки портрет Володьки Скворцова, поцеловала и тихо сказала: «Спасибо тебе, что ты и вправду был однолюбом. Прости за недолгое сомнение...»

Она поставила портрет на место, задёрнула шторы, включила свет и села за стол читать рукопись.

Андрей КРУЖНОВ

Маленькие собаки тоже любят Бога

(Фантастическое происшествие на Родопском бульваре)

Повесть

Мне самому трудно поверить в то, что произошло... Тем более рассказывать.

Это фантастическое происшествие случилось на фоне трагического события, когда разум был особенно возбуждён и раним. Я до сих пор не могу ответить на многие вопросы.

Так вот. Однажды я столкнулся со своим двойником...

Прошу не путать это с похожими на вас людьми. Такие раза два попадались в моей жизни. Правда, когда подходишь к ним совсем близко, начинаешь замечать всякие прыщи, не ту форму носа, слишком толстые губы...

Был такой случай в метро: я протиснулся к парню поближе, мы пристально посмотрели друг на друга, как на недоразумение или насмешку природы, и развернулись в стороны.

Так вот, мне «посчастливилось» встретиться с настоящим двойником. Это не столько внешнее сходство, сколько

ощущение психического единства, он знает о тебе больше, чем ты сам; когда говоришь с ним, кажется, это говорит не он, а твой внутренний голос, порой хочется его убить, чтобы он не сболтнул лишнего при посторонних.

Этот двойник был гораздо полнее и, как мне показалось, старше меня. Тучноватый, даже обрюзгший, одет как-то странно: замызганный кожаный плащ, местами полопавшийся от старости, с серой паутиной трещин, с приплюснутыми нижними краями, словно их специально отдавливали утюгами или чем-то тяжёлым, чтобы эти самые края не заворачивались в трубочку от иссушения временем...

Мне почему-то важно копаться в мелочах, а не махнуть сразу, с главного – я как будто ещё раз доказываю себе, что я был в здравом уме и твёрдой памяти. Но, к чёрту, все недостойные мелочи!

Так вот – ещё раз с самого начала.

В тот южный вечер я шёл по тускло освещённой аллее Родóпского бульвара в Махачкале, тупо смотрел на пушистые желтушные цветы без названия и жевал какую-то дешёвую жвачку с ароматом резины... Давно бросил курить, но вместо этого появилась привычка постоянно что-то жевать.

Слева, в чернильной темноте лениво шуршало море ракушечным песком, наполняя мои лёгкие запахом морской воды.

Я сел на парковую скамейку с изломанной спинкой из деревянных брусев. Именно здесь я часто пил баночное пиво с копчёными куриными крылышками из вакуумной упаковки. Естественно, Максус доставались кончики крылышек с сочными суставами, а мне ароматная мякоть и крепкое пойло.

Сегодня я был один.

Я похоронил Макса несколько дней назад.

Макс – мой гладкошёрстный чёрный ягдтерьер с рыжим галстуком на шее и такими же рыжими чулочками на лапах, мой любимый и верный друг. Я знал это всегда, но не представлял, как эта цена подскочит, когда Макса не станет.

Он убрался мгновенно, всего-то за три дня...

Три безумных дня!

Мы, как всегда, ездили на машине к морю, загорали, играли в мяч...

Вдруг у него начался приступ страшной жажды прямо на пляже. В первый день я не придал этому значения – до сих пор не могу простить себе такую беспечность – мне казалось, он просто перегрелся на солнце. Бывает, подумал я.

На второй день стало тревожно, и я повёз Макса к ветеринару. Ветеринар оказался местным пенсионером-самоучкой с суетливыми глазами и вечно седой щетиной, растущей аж от самых глаз. Он оттянул Максу кожу на холке и быстрым движением всадил туда шприц. «Ловкач!» – восхитился я с затаённой надеждой. Он вкачал под кожу глюкозу, так что на спине образовался волдырь с кулак, влил ему в пасть водки «для настроения» и пообещал, что всё будет «гхарашо». Я готов был молиться на этого лезгина или аварца, лишь бы он помог моему другу!

На третий день Максу стало ещё хуже, и я уже с остервенением стал искать в мусульманской Махачкале профессиональную ветеринарную лечебницу! Адреса, на которые я приезжал, оказывались фиктивными, лечебницы были давно заброшены. Один врач (наверное, врач, раз он был в белом халате!), совсем плохо говоря на русском, звонил по телефону и кому-то долго объяснял про мою собаку. Оказалось, он думал, что я привёз мёртвую псину, чтобы проверить, нет ли у неё чумы. О, боже, и на это я убил столько драгоценного времени!

– Я эта... одному звонить... он туда-сюда... После намаз сюда придёт!.. – кричал он мне вслед, когда я злой бежал к машине, где меня ждал изнемогающий Макс.

Макс лежал на заднем сиденье автомобиля и испуганно-озабоченными глазами смотрел на меня: казалось, он понимал, что я хочу его спасти, но не могу, чёрт возьми! Наверное, он не мог поверить, что хозяин может быть таким беспомощным...

Я не знал, кого винить: себя за легкомысленность, мусульман за то, что они мусульмане и их мало интересуют умирающие собаки, медленный Интернет на моём планшете с липовыми адресами лечебниц?!

Наконец-то на экране андроида нарисовалась ещё одна ветклиника на другом конце города – я молнией туда!

Металлическая дверь была наглухо закрыта!

Я готов был удариться башкой об эту исписанную гнусностями, грязную дверь, припорошенную строительной пылью и мусором. Казалось, здесь никто не работает уже лет десять – металлическое гнездо для ключа махрилось ржавчиной, словно в заброшенном бункере от ядерной бомбёжки.

Слава богу, через планшет я случайно наткнулся на телефон врача этой клиники, и созвонился с ним. Он тоже оказался на дневном намазе, но, услышав мой дрожащий и перепуганный голос, пообещал подъехать через десять минут.

Я воскликнул про себя: «Да святится имя твоё, Интернет!»

Врач подъехал только через тридцать минут. За это время я успел стать расистом, националистом, человеконенавистником и атеистом. Когда же дверь лечебницы открылась, мои подлые мысли развеялись.

Максу тут же сделали капельницу, несколько уколов. Молодой врач почти не разговаривал, выписывал рецепты,

брал анализы, шупал у собаки живот. Стёклышки, баночки, пробирочки...

Пока Макс лежал под капельницей, а это было часа три не меньше, в лечебнице побывало около десятка посетителей, в основном женщины. Все они приходили с котами и с кошками: кто-то объелся, кому-то надо было подстричь коготки, а кто-то сильно чесался, в общем, – ни одной псины. Мусульмане считают собак «грязными» существами, хотя в Коране об этом ничего не сказано. В каком-то из священных хадисов говорится, что собака испачкала слюнями руки одного из последователей Пророка, когда тот готовился к молитве, и несчастному пришлось мыть их несколько раз. С таким же успехом на её месте могла оказаться корова или кошка, или лошадь...

Чрезмерная брезгливость? Желание чем-то выделиться среди остальных народов? Никто из мусульман не мог мне сказать ничего вразумительного, что это за «грязь» и с чем она связана. Тогда я понял: предрассудки объяснить сложнее, чем веру в Бога.

Эти предрассудки и брезгливость исчезали, наподобие утреннего тумана, лишь стоило Максиму начать игру в его любимые мячи-попрыгунчики – здесь ему не было равных! Большинство гуляющих в парке замирало и с удивлением глазело, как он самозабвенно гоняет резвые, будто пули, мячи, как он мастерски снимает их в воздухе, летая, словно вратарь бразильской сборной на чемпионате мира. Мимо такого зрелища невозможно пройти равнодушно! Благочестивые мусульмане цокали языками и качали головами: «Слушай, какой умный собака! Такой дрессированный собака!» Я, конечно, подливал масла в огонь, заявляя, мол, он всему научился сам, без какой-либо дрессировки, чем приводил южан в полный восторг и изумление. Я ни капли не врал, для Макса это была, действительно, люби-

мая игра, которая возникла сама собой безо всяких тренировок. Просто однажды ранним утром мы вместе её придумали...

Дети Макса обожали, как льва Бонифация из известного мультфильма, сразу же окружали его плотным кольцом и тянулись к нему руками. Макс, зажав в пасти мяч, тяжело дышал и терпеливо стоял, как музейный экспонат перед любопытными туристами. И даже те из детей, которым родители запрещали даже приближаться к собакам, скоро забывали об этом и тянулись ручками, чтобы прикоснуться к его вздымающимся от частого дыхания бокам.

Со временем у Макса среди детей появились верные друзья. Больше остальных я запомнил двоих: русского белобрысого мальчика по имени Родик и чернявого коренастого мальчишку Шахмира. Им я позволял водить собаку на поводке и купаться с ним в море. Вернее, Макс позволял...

И вот теперь этот любимец детей и взрослой публики беспомощно лежал на железном столе под капельницей.

Я наклонился над ухом Макса и прошептал:

– Прости, что я привёз тебя в город, где не очень-то любят собак.

Макс посмотрел на меня преданными глазами, словно хотел сказать: «Ничего, ведь главное, мы вместе, и ты меня любишь».

Доктор наказал на следующее утро сделать уколы дома или же привезти его сюда, если вдруг станет хуже. Мой страх стал понемногу отступать.

От раствора из капельницы Макс, видимо, полегчало: лёжа, он пошевелил хвостиком и потянулся ко мне мордочкой.

Я достал телефон и сделал несколько снимков Макса под капельницей – потом покажу друзьям и жене, как мы с Максом выкарабкивались с Того Света. Вот уж будут охать,

удивляться и с умилением трепать его по загривку...

Если бы я знал, что это – последние фотографии живого Макса!

Боже мой!..

Я смотрел на прозрачные капли, стекающие в вену Макса по пластиковой трубке, как заколдованный. Я готов был сидеть так целый день или даже два дня, три – лишь бы это помогло моему другу. Я прислонился щекой к собачьему уху и стал шептать что-то ласковое и бодрящее, я говорил, что очень-очень скоро мы вернёмся на родину, в наш любимый Светлозёрск, где над лугами и полями воздух от душистого разнотравья такой густой и пьянящий, – его собачий нос просто сойдёт с ума! А сколько там непроходимых лесов с зайцами, ежами, ужами, ящерками и прочей живностью, которая снуёт везде и ждёт не дожждётся Макса. Да-да, только он, великий охотник и следопыт всех лиственных и хвойных лесов, может догнать самых быстрых зайцев и отыскать в прелой листве самых хитроумных ежей...

Иногда его хвост слабо двигался по железному столу в знак согласия и благодарности... Макс уехал из Светлозёрска в три года, и прекрасно помнил его густые леса и поляны, где мы часто собирали грибы или просто валялись в траве.

Потом была безумная ночь дома, когда я через толстые шприцы вливал Максусу в пасть обеззараживающий гель, куриный бульон с протёртой курицей, вливал питьевую воду... Всё делал так, как наказал доктор, но почему-то ловил себя на мысли, что стою над слабеньким телом Макса, как гестаповец в камере пыток над невинным ребёнком: в его взгляде была и мольба, и усталость... Он будто бы знал, что я уже ничем не помогу, он словно просил оставить его в покое...

У меня тряслись руки, я не желал сдаваться, я перепачкал гелем и куриным бульоном себя, Макса, простыни...

За окном послышались шумные голоса мальчишек – Макс тут же поднял голову и наострил уши. О чём он думал? Вспоминал, как гоняет с ребятей мячи-попрыгунчики по парку, вызывая восхищённые крики и радостный шум?..

«Слава богу, – подумал я, – значит, дело пойдёт на поправку».

Со спокойным сердцем я улёгся на пол, рядом с диваном, где лежало моё бесценное существо, включил тихо радио на планшете и незаметно для себя уснул.

Потом я много раз задавал себе вопрос, почему не почувствовал тогда приближение смерти? Может быть, Высшие силы внушили мне надежду и успокоенность специально, чтобы я не терзал уставшую собачью душу и дал тихо покинуть этот мир?..

Я резко проснулся где-то полтретьего ночи, и мгновенно протянул руку к Максусу – его лапки уже были холодные и затвердели!.. Из маленького тела неслышно утекало ещё остававшееся тепло, что-то безвозвратно ускользало через мои ладони...

Всё это длилось буквально одно мгновение – я подскочил как ошпаренный!

Дальше я действовал с механической быстротой и тупостью: завернул Макса в простыни, на которых тот лежал, собрал в доме все игрушки, мячики, заводного мишку с новогодней песенкой, все его поводки и ошейники, положил туда же его цветную подстилку из поролонa, все его миски, собачьи консервы из холодильника – всё, что имело хотя бы малейшее отношение к Максусу. Всё это вместе с маленьким одеревеневшим тельцем я засунул в огромный пакет La Moda, оставшийся от жены, положил на заднее сиде-

ные своего авто и поехал в парк. Там в сумерках я топором вырубил что-то наподобие могилы глубиной сантиметров сорок, положил туда пакет и присыпал землёй. На дереве я сделал две зарубки, чтобы не забыть место. На всё это, начиная с моего пробуждения, ушло не больше тридцати минут!

Куда я торопился? – не могу понять!..

В парк я поехал не колеблясь. Почему? Потому что Макс обожал живой шелестящий лес. Я схоронил его среди деревьев. Мы частенько гуляли здесь. Когда жена была рядом, мы любили всей семьёй болтаться по этому парку в выходные. Брали с собой еду, газировку. Макс бегал за мячиком или палкой... О тех днях остались трепетные воспоминания, словно об ушедшем детстве.

Прожив три года в Махачкале, жена не выдержала непривычного климата, убогую растительность и вернулась в Светлозёрск.

Возле Махачкалы не найдёшь леса, в лучшем случае узловатые искорёженные низкие деревца на склонах, кругом горы да степь, или бесконечное море, часто мутное, с песком из раздробленных ракушек и длинными плоскими водорослями.

Парк был единственным местом, где собачья душа Макса могла бы чувствовать себя вольготно. Казалось, она до сих пор витает где-то рядом...

На третий или четвёртый день после смерти – не помню точно – мне приснился Макс: стоит он на каком-то возвышении, вокруг редкая пелена тумана, а глаза его с глубокой тоской и испугом вопрошают меня: «Хозяин, что со мной случилось, что это?..» Я взглянул на собачий живот – и ужаснулся! Вместо живота торчали рёбра, окутанные кое-где клочками шерсти; и сквозь эти клочки я заметил маленькое собачье сердце, которое уже не билось, и лишь

чудом держалось внутри этих рёбер, ненужное и тихое...

Во сне я чуть не задохнулся от неземной жалости и боли, которые разрывали душу! Я вскочил с постели, наскоро ополоснул лицо и побежал в парк, где была «норка» Макса – язык не поворачивался назвать это могилой.

Чем я мог ему помочь? Что было в моих силах?.. Я не знал ответа на вопросы, моя душа рвалась другу на помощь, поступки не имели никакой земной логики, я даже не задумывался, что я делаю – это был внутренний порыв, иррациональный и мгновенный.

Раннее утреннее солнышко пробивалось сквозь радостную листву; на свежем холмике, кое-где зацепившись за комья земли, ворочались шапки тополиного пуха; где-то над головой шумно крикнула ворона, поздравляя округу с новым днём; издали вороне ответили, и снова всё умолкло; утро было на редкость тихим и ясным...

Помню, как стоял около земляного холмике и бормотал что-то успокоительное, то ли себе, то ли Максусу...

Неожиданно увидел, как через тропинку, мною же протоптанную к могилке Макса, идёт кошка. Она увидела меня и остановилась, глядя прямо в глаза. И вдруг кошка начала мяукать. Да, да, именно, что вдруг! Кошка нарочно исподлобья глядела на меня, остановившись в своём намерении идти куда-то дальше, и настойчиво мяукала.

– Ну, что тебе? – заговорил я с кошкой. – Ты пришла попрощаться с Максом?.. Или ты хочешь что-то передать от него?.. Правда, у тебя есть кое-что важное для меня?..

Что за глупость ты несёшь? Это нервный бред! Нормальные люди так себя не ведут!.. Мой разум наблюдал за мной со стороны и давал трезвые оценки. Я старался не обращать внимание на этого сварливого судью.

Разговор с кошкой продолжался несколько минут. Потом, да простят меня верующие, внутри свежим стеблем

проросла потребность в молитве. Разум возмущался, обзывал богохульником, но я не сдержался: чувства и слёзы нахлынули, и с губ слетело «Отче наш»...

Я просил за своего друга, просил за эту маленькую преданную душу, и совсем было неважно собачья она или какая-то ещё.

Господи, избавь его от страха и мучений! Даруй ему покой и радость! Пусть душа его не знает печали и всегда чувствует твою любовь и свет!..

Я страстно желал помочь своему любимому существу, которое растворилось в этой зелени, в этом воздухе, в солнечных лучиках, пляшущих на резной листве...

Очень скоро прилетели две синички и уселись на ветку передо мной. Они радостно чирикали, прыгали по тонкому прутику и вертели головами... Вдруг одна из них спорхнула вниз, прямо на земляной холмик, схватила какого-то светлячка – в тени кустов мигнул изумрудом его крохотный панцирь – и мгновенно взмыла ввысь!..

Я задрал голову, но увидел лишь тёмную тень, быстро растворившуюся в ослепительном небе... «Он принял душу Макса на небеса!» – вспыхнуло в мозгу.

У меня словно камень упал с души, стало легче дышать, и неизбывная горечь размывалась в окружившей меня зелени, смешанной с божественно чистым солнцем.

Я тут же развернулся и пошёл прочь, будто опасаясь утратить то чувство умиротворения и радости, которое снизошло на меня.

Потом я частенько гулял в этом парке, вспоминая Макса, и надеялся, что умиротворение будет вечным, а тоска и боль со временем угаснут.

Да, они угасали... Но вдруг накатывала волна, и с новой силой хоровод мыслей и настроений закручивал меня – для этого было достаточно бросить взгляд на куст, в котором

прятался Макс, когда мы играли в прятки, или увидеть изодранный его клыками ясень.

Вот и сейчас: я сел на сломанную скамейку, где так любил пить пиво, гуляя с Максом.

Я откупорил банку и почувствовал, что кто-то присел на другой конец лавки: слышно захрустел кожаный плащ.

Махачкала – мусульманский город, поэтому увидеть пьющего человека на улице –невероятно. На скамейках мужчины обычно играют в шахматы или обсуждают то, что недавно прочитали в газетах. Мамаши толкают перед собой карапузов, которые неуклюже перебирают кривыми ножками, а другой рукой катят пустые коляски...

Полагаю, никто бы не возразил, пей я тихо на лавке пиво, но почему-то не поднималась рука хрустнуть крышкой, откуда с предательским шипением вдруг поползёт снежная пена... Казалось, ты голый среди одетых людей.

Поэтому я предпочитаю густые сумерки и сломанную скамейку в тупике парка, куда не забредают мамочки с карапузами и не чахнут над клетчатými досками седые любители шахмат.

На этот раз я оказался не один.

Проигнорировав упитанного незнакомца, который развалился на краю лавки, я сделал глоток горького пива. В конце концов, это моё старое место, почему я должен бежать?

– Не самое лучшее пиво, – заметил мой сосед. – Крепкое, конечно, да.

Я был расслаблен и миролюбив. И, сделав ещё глоток, ответил:

– Цена. Три банки пива – почти бутылка водки. Вкус, конечно, спиртяжный... Но бюджет не страдает.

– Вы скрытый пьяница? – поинтересовался собеседник.

Ответ был такой же бесцеремонный:

– Лучше быть скрытым пьяницей, чем открытым идиотом.

Собеседник тяжело привстал, сел на краешек всей тушей, и развернулся ко мне: шляпа с полями, надвинутая на глаза, скрывала его лицо.

– Не хорохорьтесь, – сказал незнакомец. – Вы потеряли друга, и вам кажется, что вы имеете право плевать во все стороны. Вы сейчас очень жалуете себя, а это прямой путь к агрессии, к саморазрушению.

– О чём это вы? – спросил я как можно безразличнее. Но внутри меня что-то зашевелилось... Что-то похожее на испуг.

– У вас умерла любимая собака. Я часто видел вас в этом парке – очень милая ласковая собачонка... – он замолчал, будто решая, куда двинуть наш разговор. – Я хочу сделать для вас кое-что. Это важно. Я так думаю... Просто сейчас вы можете неправильно понять мои слова. Вам даже может показаться, что я шучу.

Я отхлебнул ещё пива и попытался уловить подвох в его словах. Посмотрел повнимательнее, но лица так и не разглядел, только край щеки и ухо смутно высвечивались от тусклого фонаря.

– Не бойтесь, я ещё не сошёл с ума от горя, – ухмылка заиграла на моих губах. – Если вы станете неприятны, я просто встану и уйду. Вот так! – я вытряс в рот остатки пива, со скрежетом смял в кулаке алюминиевую пустышку и швырнул в урну.

Незнакомец безучастно посмотрел в урну, на меня и покачал головой:

– Больше не пейте. Нужны свежие мозги и хорошее владение телом. Вестибулярный аппарат и ощущение окружающего пространства должны быть близки к идеальным.

Или хотя бы нормальными, – его рот растянулся в какой-то старой, знакомой улыбке.

На этих словах толстяк будто бы специально повернулся к фонарю – и я увидел СОБСТВЕННОЕ ЛИЦО! Несколько секунд я вглядывался, очевидно, пытаюсь разгадать чью-то злую шутку, кто смог так мастерски загримироваться... Но чем больше вглядывался, тем яснее понимал – это моё лицо!.. Единственное, это лицо было старше оригинала лет на пятнадцать: из ноздрей торчали волосы, под глазами морщинистые мешки, второй подбородок, как тесто, лез наружу воротника, из ушей торчали длинные седые волосы, как у старого чёрта, – мерзость!

Незнакомец будто прочитал моё «восхищение» его внешним видом, и снова скрылся в тени.

– Что это было? – спросил я, то ли его, то самого себя.

– Ваше лицо. Лет через десять-пятнадцать... – незнакомец натужно вытаскивал свой плащ из-под толстых ляжек. – Только не думайте, что вы – это я. Или наоборот. Мы с вами вероятностные двойники, хотя и составляем одно целое.

Последнюю фразу он произнёс дружелюбно, и достал из кармана яблоко:

– Если мы будем кушать это яблоко, каждый свою часть, это значит, каждый будет кушать именно это яблоко, – он с хрустом разломил спелый шафран и протянул мне половину. – Если это яблоко разделить на тысячу кусков и раздать тысяче голодным, то все они будут есть одно и то же яблоко – представляете!

– Гениально! – я саркастично скривил рот, но к яблоку не притронулся. – А вы не задумывались, что сейчас на Земле семь миллиардов человек вдыхают один и тот же воздух.

– Вот именно, – подхватил мой двойник, хрустя сочной мякотью. – Поэтому все мы являемся единым целым. Наши лица, пол, одежда, религия, физические отличия друг от друга – это всего лишь условность... – он на секунду задумался. – Даже не условность, мы все являемся вероятностью одного и того же. Множеством вероятностей.

– Спасибо, я где-то уже читал об этом... Мы все являемся сном Будды, а Будда, сон Кришны, – пытался я достать из памяти что-то теософское и наукообразное, дабы не ударить в грязь лицом. – Всё – пустота!

– И да, и нет, – ответил незнакомец. – Мне в пору эти брюки, но это не значит, что они часть моего тела. Я наслаждаюсь вкусом горького пива, но разве это пойло часть меня? Всё вокруг: одежда, люди, секс, мой пенис, пиво, копчёные крылышки – всё это позволяет мне быть самим собой! Благодаря этому, из вероятности я становлюсь реальностью. Да, да, не обязательно сочинять «Yesterday» – плевать! Можно просто обжираться салом с водкой и жареной картошкой, бить морду соседу и требовать от жены секс с небольшой дозой здорового извращения. Самое главное, ты существуешь!..

– Это вы серьёзно или издеваетесь?

– Серьёзнее некуда. Вот как вы считаете, из каких видов материи состоит Вселенная, а?.. Это вам не хухры-мухры, это научный вопрос, – важно заметил он, пьяно оттопырив нижнюю влажную губу.

– Я творческий человек, наука не мой конёк.

– Так вот, слушайте. Все считают, что мир состоит из энергии и вещества. А я вам скажу – существует третье состояние мира... Это информация! – заявил он и торжествующе взглянул на меня. – Одна и та же информация может находиться везде и одновременно. Скорость света – просто черепашьи бега! Времени и расстояния для информации – нет!

От возбуждения мой двойник не смог усидеть на месте и встал возле скамьи, широко расставив ноги:

– Вся информация о нашей Вселенной может поместиться в одной точке, так это и было до Большого взрыва. Информация может воссоздать материю: вещество и энергию. Информация о Вселенной живёт вечно, а также о всех тварях, которые её когда-то населяли. Так что информация о вас и вашей собаке будет храниться вечно. Эта информация везде! – он распахнул руки, словно приглашал кого-то в свои объятия.

– Чья это идиотская теория? Из женского журнала?

– Это наша идиотская теория. Все теории со временем рассыпаются в труху. Постоянно только непостоянство! – он театрально развёл руки и сплюнул в сторону, но неудачно – прямо себе на плащ.

– Вам виднее! – я собрался встать, чтобы покинуть пьяного толстяка.

– Вашего друга звали Макс? – бросил он через плечо, оттирая плащ.

– Вы ужасно пронизательный человек, – я нашупал в кармане вторую банку пива. – Если вы назовёте кличку его матери, я поверю, что вы великий маг с настоящим сертификатом оттуда! – и показал пальцем в тёмное небо.

– Не злитесь! – остановил он меня. – Что вы как обиженный двоечник, ей-богу!.. Я больной усталый человек, хоть и ваш двойник... Ну, или одномордник! Считайте меня, кем хотите, в конце концов!.. Я хочу вам помочь. А вы как будто против... Да, я не ангел, к сожалению... Но... Неужели вы не хотите встретиться с вашим другом?

– То есть? – теперь я посмотрел на этого сумасброда с настороженностью.

Он это почувствовал, засуетился, зачем-то хлопнул полами своего толстого кожаного плаща:

– Видите, я даже специально надел ваш кожаный плащ. Помните? Ну, в юности! Ваша первая жена купила его за две бутылки пшеничной водки. У Сим-Симыча... Ну, первая жена, вы её называли Томчик. Я не прав, что ли?

Он специально вышел под фонарь, чтобы я лучше разглядел его одеяние...

Чёрт возьми! Я вспомнил!

Это же точь-в-точь мой кожаный плащ из советской юности, моя первая жена Тома выменяла его у алкашей за две бутылки водки. О, я никогда не забуду эти чёртовы края, которые загибались вверх, словно волосы с бигуди. Жена ставила на закрутившиеся края утюги, кастрюли с водой и вёдра с картошкой... Хоть ты тресни!

Соседка посоветовала вынести плащ на мороз, растелить на снегу и облить водой, чтобы вся кожа стала колом.

Так и сделали. Потом задеревеневший плащ, будто выпиленный из фанеры, повесили на карниз, подальше от окна. Несколько дней он гromыхал на морозном ветру, пока не высох. К моему удивлению, соседкин рецепт помог...

– Узковат уж теперь, конечно, – толстяк специально повернулся спиной и обхватил себя руками – кожа плаща угрожающе натянулась. – Пришлось тут местами распороть...

Ничего не соображая, я смотрел на него, как на доисторическое животное, которое стояло передо мной и разговаривало на человеческом языке. Я бессильно опустился на парковую скамейку:

– Что вам надо от меня?

Видимо, я показался в это мгновение таким жалким и беспомощным, что он всплеснул руками и как-то хлопотливо, по-свойски произнёс:

– Ну, ей-богу!.. Прямо уж сделали из меня монстра!

Батюшки мои!.. Из толстого старого идиота... Я же говорю, я помочь хочу. Только с теорией слабовато... – он переминался с ноги на ногу возле скамейки. – Как можно объяснить, что мы с вами – одно целое, и в то же время каждый существует сам по себе?

– Целое? – спросил я, громко хлопнув пальцами по выцветшим брусам скамейки. – А я вот пива хочу – а вы?

– А с чего вы взяли, что я не хочу? – незнакомец сел рядом, и откинулся на сломанную спинку, та жалобно хрустнула. – Дорогой Алексей Сергеевич. Надеюсь, вас уже не удивляет, что я знаю ваше отчество и кое-что из биографии?..

– Собирали сплетни обо мне?

– Зачем? Я вас чувствую как самого себя: вот вы думаете, а хорошо бы заглотить ещё две банки пива с куриной ляжкой! А бедный мочевого пузырь трещит!.. Кстати, на вашей левой ноге растёт экзема, чёрт знает, куда это может привести... Будьте осторожней!.. Я ведь знаю, вы планируете заработать денег на старенький крепенький «хундай» и там на заднем сиденье... Ну, Аллочку после работы... Возможно будет иногда... Она уже давно вам намекает...

Откуда он узнал про Аллочку с моей работы?! Я как-то неубедительно рассмеялся и плюнул жвачкой в акацию – она застряла на ветках белой бусиной.

– А если не бросите пить пиво, то разжиреете как я и станете импотентом. Уж поверьте, это говорит ваше вероятное будущее! – мой толстяк-близнец достал из бокового кармана плоскую фляжку с коньком и отхлебнул немного. – И тогда уж точно, на заднем сиденье вы будете возить только свою жену, а там – сухая вагина, старческий кольпит, цистит и ещё чёрт знает что!.. И Бог вам не поможет.

– Потому что Богу плевать – верю я в него или нет! – гаркнул я.

Лицо у незнакомца тут же осунулось, словно он вспомнил о чём-то неприятном. Он стянул со своей головы шляпу, подставив лицо под свет фонаря, и спросил:

– Мерзкая рожа, чем-то напоминает сдувшуюся жабу?.. Вы испугались, что это ваше будущее? Бросились в истерику... Успокойтесь, я всего лишь одна из вероятностей вашего будущего. Где-то вас уже нет в живых, где-то вы на больничной койке... Вероятностей бесчисленное множество, Господь даёт нашей душе реализовать все прихоти, потому что душа стремится стать свободной. В этом его любовь к людям, он не хочет никого ни к чему принуждать.

Я взглянул на свою копию со злобным презрением:

– Честно говоря, не припомню, что хотел реализоваться вот до такого состояния.

Незнакомец замотал головой, словно бодался с кем-то невидимым:

– Э нет, вы не можете знать, что хочет ваша душа, вы можете угадывать её стремления... И то лишь иногда. Вашему телу только кажется, что оно может управлять душой, как водитель автомобилем. Бред! Душа свободна, а тело может скакать за ней вдогонку или упираться и пыхтеть, пытаясь двигаться в другую сторону.

– И это называется свобода? – его ход мыслей казался пьяным бредом. – Если тело постоянно воюет с душой, в чём же здесь свобода? Если человек воюет со сном, то у него только два пути – уснуть или страдать от бессонницы.

– Вот поэтому, – не унимался толстяк, – поэтому вашей душе даётся множество вероятностей будущего, поэтому она чувствует себя свободной, когда понимает, что является неразрывной частью целого, а не одинокой пылинкой в огромном космосе. Если вы поймёте, что ваша душа и моя – это в

принципе одно и то же, вы поймёте, насколько свободны.

– А как же тело? – спросил я иронично.

– Что тело?

– Почему оно должно быть несвободно? Я ведь не могу представить, что ваше и моё тело являются чем-то единым. Нет, я, конечно, могу себе доказать, что все мы состоим из одних и тех же атомов... Но их комбинация, увы, доказывает обратное.

Незнакомец вздохнул и встал. Он стоял, покачиваясь на месте, будто решая, говорить или нет.

– Если б вы дали свободу своему Максусу, много бы он прожил в мусульманском городе? – спросил он, не поднимая глаз.

Ответить было нечего, и я только многозначительно цокнул языком.

– Вот так же и ваше тело, – он заложил руки за спину и стал покачиваться вперёд-назад. – Его свобода только в том, подчиниться вашей душе или идти ей наперекор. Кстати, результат этой борьбы перед вами, – он как-то цинично улыбнулся и ткнул большим пальцем себя в бочкообразный живот.

– Скажите, зачем Бог разрешает нам сдирать со свиной кожу и шить такие дерьмовые плащи? – мой собеседник демонстративно приподнял тяжёлую полу плаща.

– Для нашего удобства, – я пожал плечами. – А вот смерть маленькой невинной собачки никому не нужна. Или вы хотите сказать, это нужно Богу? – я злорадно прищурился.

– Кошунственную вещь скажу: это нужно, чтобы человек почувствовал себя ответственным за свободу. Плата за свободу – даже больше, чем плата за неверие. Если верующий станет атеистом, Бог его простит и даст наставления, а вот если свободный человек захочет вновь стать рабом, Бог его не простит и не даст наставления, и не уменьшит

тяготы. А если человек будет двигаться к свободе, Бог оставит его, он исчезнет, как туман ранним утром. Человек впадёт в ярость, в уныние, он будет умирать от одиночества... но Бог не должен указывать, как жить... Да, это страшно!.. Наедине с собой человек начинает творить мерзости, бесы рвут его душу!.. А Бог растворяется. Он уходит, как вода после отлива с берега. Бог дарит этот мир человеку и оставляет его. Бог из реальности превращается всего лишь в вероятность, в свою возможность – он может быть, а может и не быть...

Незнакомец задумался на мгновение.

– Наверное, вы правы... – сказал я примирительно.
– Вы идеалист или романтик. Но даже вы не в состоянии сказать, где сейчас находится мой друг. Как я понял из разговора, вы верите в переселение душ?.. Где его собачья душа, которая так преданно любила хозяина, которая обожала гречневую кашу с курицей, любила нырять и вылавливать под водой всякие водоросли, любила искать ежей под старыми пнями, любила гонять котов, и до рыка, до визга ненавидела, когда кто-нибудь замахивался на него палкой? Где эта преданная чистая душа?.. Что, она растворилась в некой Всемирной Чаше и теперь стала не больше, чем кусок сахара в стакане с чаем?.. И чем, по-вашему, я должен довольствоваться? Тем, что атомы, из которых состоял мой пёс, кружатся вокруг меня дружным хором? А может быть, я должен радоваться, что когда-нибудь он переселится в другое тело, например, в тело верблюда и будет возить пьяных туристов где-нибудь в Шарм-эль-Шейхе?!

– Вот-вот! – закричал незнакомец, тыкая в меня пальцем. – Я знал, что из вас ползет эта бредятина! Вы же несвободны. Вы думаете, наша Вселенная состоит из каких-то атомов, частиц, кусочков материи, газов, ультраз-

вуков и прочей хрени, которую вы представляете, как кучу нарезанных овощей в кипящем супе, то есть в космосе. Так я вам скажу – вы ни черта не знаете! Весь мир состоит только из одной энергии, и не просто энергии, а психической энергии!.. Да-да, не смотрите на меня такими ошалелыми глазами, я в своём уме. Если бы это была просто энергия, она бы походила на огромную лужу в безветренную погоду, она бы равномерно растекалась по Вселенной и триллионы вероятностей так бы и оставались вероятностями. Купите себе тюбики с красками, чистые холсты и любуйтесь ими, представляя, что там могут быть картины Клода Моне или Ренуара, даже Рембрандта... Скучновато что-то глазеть на пустые стены, правда?.. – незнакомец перевёл дух, потому что выпалил всё это за несколько секунд. – Если бы ваш мозг был свободен, вы бы легче поверили, что Бог – это старик с седой бородой на облаке, а не Бозон Хиггса или тёмная энергия вокруг нас. Вселенная творит символами и эмоциями, Вселенная совсем не бездушные куски материи. Пигмей, который верит в дух умершего родственника, усаживает его за стол, чтобы он покушал вместе с ним, ближе всех к единому целому, о котором мы только что говорили!

– Ну, конечно! – этот разговор зацепил меня не на шутку. – Весь мир состоит из русалок, домовых, духов, привидений, ангелов, демонов – кого там ещё я забыл? – из дюймовочек, эльфов, соловьёв-разбойников... Сюда ещё надо собрать мифы всех народов мира, Атлантиду, Гиперборею и ещё бог знает каких чебурашек! Свалить в эту кучу Кастанеду, Рериха, Блавадскую, Розу мира!.. – я захлебнулся от негодования. – Это же чистая шизофрения!

– Так оно и есть! – подхватил незнакомец. – Вселенная – это огромная сцена, где одни актёры сменяют других! Вы знаете, почему в Библии написано, что вначале было

Слово? И Слово было Бог? Ну, ну!.. Я вижу, вы начинаете допетривать, просто боитесь собственных догадок. А вы не бойтесь – ну!

– Это значит, что... – я пожал плечами, подбирая в уме подходящее слово. – Значит, Вселенная взялась не из материи, не из взрыва, а из какой-то сказки... Из какого-то бредового образа.

– Правильно, из образа! Вся Вселенная состоит из символов и образов, и они плавают в этой психической энергии, как ваша пена в банке пива. Мы говорим, что мы становимся умнее, расщепляя эти образы на молекулы и атомы, но это ложный путь! Рано или поздно мы придём в тупик.

– Ладно, – сдался я. – У меня уже голова кругом от твоих «паукообразных» умностей... Ничего, что я на «ты»?

Незнакомец хмыкнул:

– Давно пора. Я бы даже предложил тебе коньку, но тогда уж точно ты ничего не сможешь понять. А у нас впереди ещё долгая дорога.

– Дорога?! – удивился я. – Куда я пойду на ночь глядя?.. Мы хорошо поговорили, каждый узнал что-то новенькое... Думаю, на этом можно разойтись... Скажу честно, я первый раз в жизни разговаривал с двойником. Честно?.. Очень неприятное ощущение, – я взглянул на часы. – Время уже недетское.

– Что, жена со сковородой сторожит у порога? – усмехнулся незнакомец.

– Жена уехала. И слава Богу. Не всем «юга» рай – за три года аж двадцать четыре килограмма скинула. Я прямо так и сказал: «Бросай к чёртовой матери свою денежную работу и бегом отсюда! А не то тебя вперед ногами...» Она даже ни звука. Купила билет и ту-ту... Я тоже думал – полгодика, и к жене в Светлозёрск. Будем с Максом по лесам бродить, в озёрах купаться, ежей ловить, грибы собирать, зем-

лянику... Макс был со мной всегда, как привязанный. Тоже ждал этого переезда, чувствовал, что родиной запахло!.. И всего-то три недели оставалось... Ох, как жалко! – я с досадой стукнул кулаком по колену. – Уж лучше бы там похоронил!.. – я почувствовал ком в горле и замолчал.

Незнакомец оттопырил нижнюю губу, словно решал, говорить или нет.

– Понимаю, тяжело, – он старался не смотреть в глаза. – Но, пожалуйста, выслушай внимательно. Будь хладнокровен, ничему не удивляйся и ничего не анализируй, принимай всё как есть. Согласен?

Я кивнул головой.

– Я хочу, чтобы вы снова встретились, – выговорил мой двойник. – Но ты должен понимать, твой друг сейчас совсем не похож на того Макса, которого ты знал. Душа может менять тело, свои очертания, она может менять миры, в которых живёт, но она помнит всё, что с ней случилось... Я не буду углубляться в объяснения... просто ты должен мне довериться и успокоиться.

– В общем-то, я спокоен, – ответил я, особо не раздумывая. – Что нужно сделать? Мы куда-то идём? Надо прочитать какое-то заклинание?.. Собственно, ещё не полночь... – я осёкся, поймав себя на том, что стал нести чушь.

– Никуда идти не надо, – голос незнакомца был уверенный и твёрдый, – просто дай руку.

Он сел на скамью и придвинулся ко мне. Затем протянул руку. Я протянул свою... Почувствовал его шероховатую и холодную ладонь.

– Мы сейчас взлетим? – почему-то спросил я и ухмыльнулся собственной шутке.

– Что-то в этом роде, – улыбнулся он в ответ. – Это здорово, когда при встрече с чем-то непонятным люди не теряют чувство юмора. Скольких бы конфликтов и ненужных

войн можно было избежать, если бы люди не теряли чувство юмора... Особенно, по отношению к самим себе...

Пока напарник что-то говорил, я почувствовал в теле приятную лёгкость, веки сделались тяжёлыми, мне даже показалось, что я заваливаюсь набок и вот-вот растянусь на лавке... Но мой спутник одёрнул меня, и я снова выпрямился.

Тусклый свет фонаря растворился где-то сбоку, словно его отодвинули... Но темнее не стало, наоборот, южный смуглый вечер стал редеть, превращаясь сначала в сумерки, затем в утренний свет...

Я ощутил лёгкий ветерок, и обнаружил, что листва, которая шелестела вокруг, над моей головой, кусты акации – уже издают другой, более мягкий звук, и постепенно прямо на глазах превращаются в прозрачные лоскутья, в какой-то слюдяной туман...

Этот туман рассыпался прямо на глазах. Меня успокаивало только моё неверие. «Ты спишь, старый пьяница, – говорило оно. – Ничего страшного быть не может. Хотя ты окажись в открытом космосе, всё равно будешь плавать в нём, как дерьмо в проруби... Ничего, поплаваешь и вернёшься на место».

Я случайно опустил глаза и ошалел!

Подо мной клубились тёмно-синие облака: внизу, в просветах между облаками, я не видел никакой земли, там тоже были облака, только нежно-розового цвета, будто бы их окрасила утренняя заря. В самом глубоком просвете не было земли – небеса царили повсюду!..

Вверху тоже были облака, только более тёмные, с оттенком старых школьных чернил.

Нет, я сидел не на облаке, как герой в сказках, а всё на той же скамейке, которая теперь парила в воздухе, а облачный холодный пар обдавал меня со всех сторон.

Я был так потрясён увиденным, что напрочь забыл

про своего двойника. Он сам напомнил о себе, крепко сжав мою руку.

– Как?.. – спросил он, то ли о моём самочувствии, то ли о происходящем вокруг.

– Честно сказать, я не привык летать. Даже в самолётах. Во сне летал только в детстве. Наверное, рос... – я пытался казаться беспечным. А что ещё оставалось делать – не биться же в истерике!

– Не бойтесь, ничего дурного здесь не случится! – он почему-то опять перешёл на «вы», и вытянул лицо вперёд, подставляя его лёгкому ветерку и полупрозрачным клочкам тумана.

– У меня с собой ещё банка пива, если что, – как-то неуклюже добавил я и заткнулся. Пространство впереди очистилось от облаков, образуя большую небесную лагуну. Свежесть воздуха поразила меня, слова про банку пива прозвучали здесь вульгарно, даже пошло.

В этой огромной небесной лагуне, окружённой со всех сторон облаками, летали звёздочки, маленькие сверкающие точки. Сами звёздочки играли разными оттенками, испуская тонкие лучи. Двигались они хаотично, словно мотыльки над огромным лугом, хотя некоторые пролетали довольно быстро и целенаправленно. Так могли себя вести только живые существа.

Когда наша летающая скамейка оказалась посреди этой безбрежной лагуны, мне стало страшновато.

– Вообще-то я боюсь высоты, – крикнул я своему напарнику.

– Ничего! – прикрикнул он на меня, снова перейдя на «ты». – Никто здесь тебе не позволит погибнуть.

Мне не позволят погибнуть – прекрасно!.. Остаётся только верить на слово. Бурдюк с пивом в стратосфере на скамейке с Родопского бульвара – ха-ха-ха!.. Надо было взять фотоаппарат и сделать селфи...

Скоро я заметил, что наш «воздухоплавательный аппарат» приближается к плотной стене из облаков. Стена была неровная: где округлые, а где обтёсанные, будто камни, мегалиты из облаков напоминали слежавшийся арктический снег. На уступе некоторых таких мегалитов вполне могла уместиться гидроэлектростанция со всей строительной техникой и рабочим пригородом.

К одному из таких уступов и направилась наша скамейка.

В самой стене зияли два гигантских отверстия, как в фантастических фильмах, куда заплывали искусственные планетоиды. В этих провалах было темно по сравнению с лагуной, но достаточно, чтобы можно было различить боковые отверстия в стенах этих монстроподобных тоннелей.

Скамейка приземлилась на один из уступов около гигантского отверстия. Мой двойник лихо спрыгнул со скамейки и предложил то же самое сделать и мне. Я встал сначала на одну ногу, затем на другую... Не сказать, что под ногами ощущалось что-то твёрдое, но нельзя было и сказать, что я висел в воздухе. Это как хождение по ковру, который лежит на воде, но не тонет. Очень приблизительно.

Я старался не подходить к краю уступа, держался от него как можно дальше. Наверное, поэтому я пошёл вглубь, поближе к этой «облачной» стене.

– Извините, – вдруг сказал мой компаньон, – я должен вас оставить ненадолго.

Он лихо запрыгнул на скамейку и мгновенно умчался куда-то вдаль, сделав резкий разворот в воздухе.

Слишком просто назвать это состояние шоком. Я был в ужасе, абсолютно не представляя, что делать дальше. Если это сон, то пусть он уже кончится к чёртовой матери!

Я щипал себя, стучал кулаком по лбу – но сон не испарялся! Я стоял на уступе этой бесконечной стены из слежавшихся многовековых айсбергов, словно муравей, и

кричал от страха!.. Мне казалось, что во мне кричит всё, от кишок до кончиков волос!.. Я превратился в сплошной вопль, моё тело растворилось в звуковой вибрации!..

А-а-а-а!!!

Я готов был раствориться в этом нечеловеческом крике, и вдруг сердце моё сжалось, будто кто схватил его ледяной рукой!.. Я вдруг услышал со стороны, как оборвался мой истошный вопль...

Передо мной, словно из ниоткуда, возникла маленькая звёздочка, наподобие тех, что роились в лагуне. Она остановилась прямо перед глазами.

По спине пробежал мороз.

Звёздочка пролетела вокруг туловища, опустилась вниз и остановилась около правой ноги, чуть ниже колена – боже мой! Всё тело пронзило током! Это же рост Макса, именно он любил стоять возле моей правой ноги! Милый Максик...

Я опустился на колени и взял светящуюся точку себе в ладони.

– Ты стал звёздочкой? – мне казалось, это разговаривал не я, а кто-то другой, который всё понимал и чувствовал гораздо острее и тоньше меня, но я не покушался на его свободу и даже хотел, чтобы тот говорил дальше. – Вот как... Это необычно, дружище-максище!.. (Так ласково я называл его при жизни, когда валялся с ним в траве или трепал за шкуру.) Ты ведь не забыл меня?.. Своего дурного хозяина, который кормил тебя солёными сухариками к пиву, хотя знал, что это вредно для твоих малышковских почек. Прости, я очень многое хотел рассказать тебе: о том, как я скучал по тебе, как я купил новый мячик и поставил его в центр стола, и теперь каждое утро смотрю на него и представляю, как мы идём на утреннюю прогулку, а ты играешь с ним, твякаешь от удовольствия, и я всё хочу схватить тебя

за хвост. Ты помнишь?.. А потом я прыгаю на тебя сверху, мы валимся в траву, и ты, негодяй, делаешь вид, что сейчас меня больно укусишь – помнишь?.. Только я тебе ничуть не верю и лезу рукой прямо в пасть. Ты злишься и легонько прихватываешь меня за щеку или за ухо. Я кричу, как будто бы от боли – ой-ёй-ёй, спасите-помогите! Тебя это заводит ещё больше, ты просто визжишь от азарта!.. А потом кручу тебя на палке – это же наше самое любимое развлечение! Беру самую большую палку двумя руками, ты впиваешься в неё зубами – и я кружусь с палкой и с тобой, словно с маленькой чёрной бомбочкой, приделанной к палке-металке. Потом со всего размаху, подбежав к берегу, бросаю тебя в реку! Твои уши развеваются на лету, как детские флажки, пасть растягивается в улыбке – и тысячи брызг взрываются в воздух! Я бегу и со всего маха прыгаю за тобой с берега!.. Только сейчас я понял, какое это было счастье! Максик, милый мой!.. Прости за всё, что сделал плохого, за то, что иногда хлестал поводком, за то, что ленился менять тебе чистую воду в миске... За то, что не спас тебя... тогда... Прощапил, дурак!.. Прости!..

Дальше я говорить не смог. Просто зарыдал, как ребёнок...

Звёздочка села на носок моего левого ботинка, и почудилось, будто Макс положил свою голову. Я любил, когда Макс, видя, что хозяин занят за компьютером, подходил неслышно и клал голову мне на тапочки. Обычно он это делал, слегка побряхтывая или вздыхая: сочувствовал – ведь это ж надо столько часов сидеть без движения!

Затем звёздочка подлетела к левому плечу, и я ощутил необычайную лёгкость. Ненаглядная звёздочка будто предлагала взлететь вместе с ней. Не знаю, как я понимал её – это были не слова, даже не мысли – какие-то чувства, которые заставляли им подчиняться. Я привстал на цыпочки, и – не-

ведомая сила подняла меня вверх. Звёздочка висела рядом с левым плечом, и я догадывался, своей способностью летать я обязан именно ей... Так и хочется сказать, ему, Максу. Что ж, буду говорить «он», так привычнее.

Когда мы взлетели, я испытал такой прилив радости, который невозможно описать! Наши души сплелись тонкими нитями, мы понимали друг друга без слов.

Мы свернули в мегатоннель, из которого вылетали другие звёздочки и столько же влетало обратно...

Страшновато!

Макс тут же успокоил, мол, он всего лишь хочет сделать экскурсию для меня. Я согласился.

Мы влетели под своды огромного тоннеля, где не было такого яркого света, как снаружи.

Было видно, что тоннель был не прямой, а изгибался по кругу, по очень большому кругу. В облачных стенах темнели кротовые норы, уходя внутрь.

Я ещё подумал: «Наверняка, там живут все эти маленькие звёздочки». Макс тут же поправил меня, это не жилище звёзд, это...

Но не стал объяснять дальше, видимо, решил показать на примере, и – мой маленький «моторчик» свернул в сторону стены...

Издалека эти кротовые норы казались маленькими сырными дырочками, но вблизи оказались довольно большими, туда мог запросто влететь военный вертолёт.

Мы полетели вдоль стены с невероятной скоростью – аж захватило дух от восторга! Я заметил, что в мелькавших «норах» было гораздо темнее, вернее сказать, сумрачнее. Почудилось, будто бы внутри силуэты каких-то людей... «Странно, откуда здесь люди, – удивился я тогда. – Неужели такие же случайные гости?»

Так прошло несколько минут, пока вдруг необъясни-

мый трепет не возник в груди. Макс тут же свернул в одну из нор – стало тревожно и любопытно.

Скоро тоннель неизвестным образом сузился, словно чувствуя свою неуютность, и превратился в узкий коридор, который быстро закончился и вывел нас в город на незнакомую улицу...

Нет, это была не улица, больше походило на двор посреди городских многоэтажек: каждый дом опоясывали длинные клумбы, огороженные невысоким металлическим заборчиком, а вдоль заборчика шёл тротуар. Неподальёку стояло трое мужчин: они пыхтели папиросами и как-то угрюмо молчали, их руки чуть не по локоть сидели в карманах брюк.

Ей-богу, у меня возникло дежа-вю, эти лица показались знакомыми, да и сама местность... Я здесь когда-то уже бывал. Хотя, у нас такие однотипные дома, Воронеж мало чем отличается от Липецка или Магадана.

Пока размышлял, незаметно оказался рядом с этой компанией, а Макс фантастическим образом испарился. Один из троицы, что постарше, повернул ко мне рябое лицо с рыжими усами.

– Тебя только за смертью посылать, баклан, – сказал он, как-то криво и ехидно ухмыляясь. – Принёс?

Я обернулся назад, думая, что это говорят не мне, а тому, кто стоит за моей спиной, – позади никого не было!

Долговязый мужик в кепке с серым невзрачным лицом как-то икающе засмеялся:

– Дурачка включил. Типа, не врубается... Сюда иди! – он ткнул указательным пальцем в землю, приказывая оказаться рядом, как по мановению волшебной палочки.

– Вы это мне? – спросил я, стараясь не смотреть в глаза, как хищнику, который от прямого взгляда может впасть в агрессию.

– Не, слушай, он в натуре где-то уже наштырился, –

долговязый явно невзлюбил меня. – У тебя человечьим языком спрашивают, ты принёс?

– Скажите, а что я должен принести? – спросил я простодушно.

Мою простоту они почему-то приняли за бесстрашие, и это серьёзно задело их самолюбие.

Рябой с рыжими усами подошёл ко мне совсем близко и пропыхтел в лицо, оттопырив нижнюю челюсть и показывая жёлтые прокуренные зубы:

– Ты в натуре совсем охренел, баклан. Если сейчас же не отдашь, я тебя на немецкий крест порву, понял!.. – он кивнул своим приятелям головой, указывая на меня. – Он, сука, чё – свалить хотел с бабками?!

В это время третий из них, короткий плотненький мужичок, чем-то похожий на лесовика, в смешной дачной шапке, вразвалочку подошёл ко мне и отодвинул в сторону рябого.

– Ты это, дурью-то не майся, – сказал лесовик рябому. – Что ж пацана теперь убивать за это?.. Всё он принесёт, я обещаю. А если не принесёт, я сам свои деньги вложу.

– Жёлудь, ты чё, совсем мозги пропил? – долговязый даже вытянул шею в сторону короткого.

– Ничего не пропил, – Жёлудь упрямо стоял на своём и подталкивал меня в сторону. – У всех у вас или есть дети, или будут, зачем же пацану жизнь ломать, пугать его... Вы бы лучше другое что-нибудь придумали...

Жёлудь толкал меня довольно сильно и шёл рядом, пока я не оказался в приличном отдалении от его дружков. Напоследок он дал мне хороший тычок в спину и тихо сказал:

– Давай, беги отсюда и больше никогда здесь не появляйся! Я их попробую задержать. Иди домой и не выходи на улицу дней десять. Понял?

Я кивнул головой и бросился бежать.

Не знаю, что произошло там дальше – всё вокруг померкло, и впереди закружилась большая чёрная воронка, которая всосала меня внутрь, словно пылинку в хобот пылесоса. Я не успел испугаться, тут же рядом возникла моя драгоценная звёздочка, она опять была наравне с левым плечом.

Мы выскочили из коридора в мегатоннель довольно быстро, обратный путь оказался раза в три короче.

«Что я должен был принести для них?» – мысленно спросил я Макса.

«Какая разница, – ответил он. – Самое главное, чтобы потом с ними никогда не встречаться».

«Что это, моё будущее или прошлое?»

«Как тебе сказать, – Макс горел, как светлячок, испускающая тонкие лучики в моём боковом ракурсе. – Это уже происходит с тобой где-то в другом мире. Только не спрашивай, в каком, я всё равно не смогу объяснить!»

«Параллельная реальность?»

«Фух, не люблю умные слова. Называй, как хочешь».

«Почему этот Жёлудь отпустил меня? Кто он такой? Он ведь спас меня. Зачем?» – не унимался я.

Макс ничего не ответил, но я почувствовал, он ужасно доволен, его радость просто физически горела в моей груди.

«Это был ты? – озарение вдруг снизошло на меня. – Неужели такое возможно?!»

Моя драгоценная звёздочка, мой Максик, видимо, застеснялся и не стал отвечать. Его скромное молчание было красноречивее слов.

«Прости, что я тогда не спас тебя», – мысленно сказал я.

«Не переживай, – ответил он. – Всё равно я люблю тебя».

«Я знаю... Извини... Я думал, что ты относишься ко мне, как к Богу, когда смотрел на меня там, под капельницей. Ты думал, я обязательно спасу тебя».

«Да, я очень надеялся, – ответил Макс. – Маленькие собаки тоже любят Бога, и эта любовь, как ниточки связывает нас всех. Чем больше я люблю тебя, тем больше я люблю Бога – это всё одно».

Чем больше он любит меня, тем больше любит Бога. Значит, чем больше я люблю Макса, тем больше люблю Бога...

Тотчас вспомнилась женщина из родного города: всегда с потрёпанной старомодной сумкой, из которой подкармливала бродячих собак и кошек, кормила голубей, рассыпая мокрый хлеб на канализационных люках. По её поведению быстро догадывались, что она психически нездорова, женщина могла подойти к незнакомому человеку и заговорить с ним, о чём угодно. Юный Макс вызывал у неё прилив умиления и, хотя был не бродячим псом, иногда при мне покровительница животных давала ему дешёвую сосиску, ворча при этом на нерадивую молодёжь, которая обижает «животинок» и умеет лишь «глохтать вино». Частенько перескакивала с одной мысли на другую, путалась, но я терпеливо выслушивал её и согласно кивал головой.

Было жаль эту одинокую больную женщину, хотелось как-то помочь.

– Вам бы надо в церковь ходить, молиться, – посоветовал я однажды.

Она взглянула на меня снизу сверлящим взглядом, копаясь в своей сумке, и твёрдо произнесла:

– Зачем мне в церковь, я голубей кормлю.

Эта фраза меня пронзила, как стрела! Она не просто кормит голубей, это её молитва, которая, может быть, быстрее дойдёт до Господа с этой заброшенной улочки, чем из

позолоченного храма.

Я голубей кормлю...

Макс вдруг нырнул в одно из отверстий в стене тоннеля, которое вынесло нас в ночной город под одинокий тусклый фонарь. Я оказался рядом со знакомой скамейкой и увидел себя, пьющего пиво из алюминиевой банки.

Макс растворился в воздухе, видимо, решив оставить нас наедине, дабы не мешать моим эмоциям упорядочиться без посторонней помощи.

Трудно передать словами, какие ощущения и мысли овладели мной! Во-первых, меня ужасно испугало, что я именно и есть тот самый толстяк с обрюзгшим лицом в кожаном плаще от первой жены, который возник сегодня на этой скамейке. О, нет, только не это! Не хочу быть спившимся неудачником!

Я резко развернулся, чтобы уйти, прежде чем меня заметят.

Но «моё отражение» даже не пошевелилось в мою сторону. Я помахал рукой – опять никакой реакции. «Неужели так надрался?» – я подошёл ближе. Опять никакой реакции. Вот тогда я присел на край скамейки.

Не поворачиваясь ко мне, мой двойник пробормотал что-то под нос и всхлипнул. Я разобрал только «попрыгунчик» и «куда пойти».

Что ж, надо было набраться смелости и как-то утешить себя самого, то есть его.

– Вы напрасно плачете, – сказал я негромко. – Мы очень часто плачем от обиды, как дети из-за того, что не можем понять чего-то в нашей жизни.

Он чуть приподнял голову и, не поворачиваясь ко мне, грубым тоном произнёс:

– Я ничего не хочу понять. Я просто кое с чем не хочу согласиться.

– Да, это ужасно – потерять своё любимое маленькое существо... Тем более, если оно было твоим единственным другом.

– Вот-вот, именно этого я и не хочу! – мужчина шумно отхлебнул из банки.

– Прекрасно вас понимаю, – сказал я как можно осторожнее. – Но если у него есть другие дела? Может быть, эта разлука неизбежность во имя чего-то?

Наконец-то моё отражение повернуло голову и уставилось на меня как на идиота. Я отвернулся, предчувствуя его изумление, близкое к шоку, которое сам испытал при встрече с двойником...

Как ни странно, он несколько не удивился и безразлично произнёс:

– Слишком молод, чтобы говорить мне всякие глупости.

Позвольте, позвольте, мне уже пятьдесят! Мы же ровесники.

Я подошёл к рекламному щиту, который закрывало стекло, и стал вглядываться в своё отражение... Нет, ничего подобного, в стекле на меня смотрел такой же пятидесятилетний мужик с уставшим взглядом.

«Ты видишь себя таким, каким сам ощущаешь, – кто-то подсказал в голове. – Они видят тебя таким, каким ты им кажешься».

«Прекрасно, – подумал я, – у меня шизофрения и раздвоение личности. Не удивлюсь, если очнусь, привязанный к больничной койке».

– Вот доживёшь до моих лет, может, поймёшь меня, – он швырнул пустую банку в урну, но промазал, и та полетела, громяхая по плиточному тротуару.

Я не мог смолчать, его горе мне показалось смешным и даже немного наигранным:

– Скажите, вы плачете, когда видите, что корабль скрылся за горизонтом?

– Это ты к чему? – недобро спросил двойник и оттопырил нижнюю губу.

Я продолжил:

– Конечно, вы не плачете, потому что знаете, корабль никуда не делся, он просто исчез за горизонтом, потому что земля круглая и это нормальный ход вещей. Но маленький ребёнок этого не знает, он плачет, он думает, что кораблик утонул вместе с пассажирами.

Мой двойник злорадно усмехнулся:

– Это всё поэзия, красивые слова. В реальности я вижу грязь, смерть, потери, глупость... Ты мне чем-то напомнил моего друга Генку Оздоева, он тоже был такой весь романтический и поэтический, пел на конкурсах бардов, сам писал стихи... А потом сдулся. Жена ушла к другому, он запил, бросил все эти стишки да песенки, пропил всю мебель и одежду. Даже в тюрьму попал за воровство... – он обречённо вздохнул. – Так что не надо тут ежа лохматить. Весь мир – клоака, ничего нельзя изменить.

– Да, многое невозможно, – согласился я. – Но мы в силах поменять отношение к тому, что происходит. Когда актёр выходит играть спектакль, он, конечно, не может изменить свою роль, мизансцены, выученный текст – его просто снимут с роли или же выкинут с работы. Но ведь он может хорошо сыграть роль, а может из рук вон плохо.

– Ну-ну, конечно, – криво усмехнулся двойник. – Даже если он играет маньяка, он должен убивать красиво и аккуратно. Так что ли?

– Надо молить Бога, чтобы не докатиться до этого.

– Философия! В детстве я со злости убил котёнка – к кому я должен был обращаться? К психиатру? К милиционеру? О Боге я и не подозревал.

– Наверняка, вы плакали и сильно переживали, это и было вашим покаянием.

– Ладно, пойду, – сказал двойник. – А то начинаешь раздражать своими сервильными разговорчиками. Боюсь, как бы не разлилась желчь и не испортила мне настроение на весь вечер.

Он грузно поднялся и зашагал, не оборачиваясь, вдоль длинной аллеи.

Я сидел на той же самой скамейке, где встретил своего толстяка час назад, и вдыхал прохладный морской воздух. Только сейчас я понял, самое трудное – переубедить человека, изменить вектор его пути.

Как странно, мне не удалось переубедить самого себя! А ведь я старался. Чего мне не хватило: мозгов, терпения, доброты, напора, уверенности?.. Не знаю!

Вдруг в груди разлилось тепло и лёгкая радость. Я сразу же догадался, что рядом Макс, хотя его и не было видно. «Интересно, – рассуждал я. – Если доказать себе, что рядом никого нет, что всё это лишь разболевшаяся фантазия, ощущение этой радости исчезнет?.. Но что я от этого выиграю? Снова камень на сердце и паскудное настроение? Если же поверю в присутствие Макса, то спасу свою душу и ум от новых потрясений, от озлобленности».

Мне показалось, Макс загрустил, он позвал меня встать и идти вперёд, куда-то в темноту.

Потом снова мощная воронка, которая проглотила внутрь и унесла!..

И вот мы снова мчимся в громадном тоннеле из неподвижных, будто спрессованных, облаков. Уже нет ни малейшего страха высоты – я знаю, моя звёздочка никогда меня не покинет...

Мимо летят такие же звёздочки, то обгоняя нас, то пролетая навстречу. На душе необыкновенно легко и радост-

но, я начинаю понимать, что, наверное, в нашем непростом мире есть места веры и радости, а есть места боли, скорби и горького одиночества. Есть время надежд и устремления вперед, а есть время покоя и тишины...

Всё имеет свой час и своё место. Как жить в то время, которое вам не нравится? Терпеть? Страдать и нести свой крест? Надеяться на лучшее?..

А разве у человека есть выбор?.. Тем более выбора нет у такого маленького существа, как Макс. Единственное, что он мог делать, это вилять хвостиком и весело играть в мяч. Но ведь зачем-то он жил со мной и моей женой – зачем?..

Наверное, он должен был научать нас дарить любовь. С этой задачей он прекрасно справился. Теперь он навсегда в нашей памяти, он скрасил нашу серую жизнь в далёком мусульманском городе, вдали от родины. Да-да, уже при жизни он стал той самой звёздочкой, которая сейчас летела рядом со мной. Бог мой! Почему я не понял этого раньше?!

Я не заметил, как мы быстро выскочили из тоннеля и оказались в открытом пространстве с дальними розовеющими облаками. Казалось, наступает вечер. Макс приземлил меня на край облака и заискрился перед глазами голубоватыми лучиками.

– Тебе надо улетать? – спросил я вслух.

«Надо», – ответил он где-то внутри меня.

– Ну что ж, иди... А мы ещё встретимся?

Он задумался ненадолго, потом ответил:

«У меня много дел, но иногда я смогу появляться у тебя. Правда, ты не будешь меня видеть. Совсем не будешь. По-другому никак нельзя».

– Что ж, я согласен. Но хотя бы дай знать, что ты рядом.

«Обязательно», – он закружился вокруг моей головы,

резко отпрянул в сторону и умчался вдаль, затерявшись среди таких же звёздочек, порхающих, снующих в безбрежном небе.

Чувствовалось, расставание для него тоже было нелёгким.

Я был под огромным впечатлением от нашей встречи и нашего расставания, поэтому даже не задумывался о том, как снова могу оказаться дома... Просто в какой-то момент вдруг ощутил, что икры моих ног упираются во что-то твёрдое. Оглянулся и увидел знакомую скамейку.

«Интересно, а где же толстяк? – эта мысль возникла машинально. – Наверное, устал от моего занудства, а может быть, вернулся к себе?»

Я опустил на скамью, откинулся назад и закрыл глаза, вспоминая, как летел совсем недавно со своей бесценной звёздочкой, как чувствовал его близость и его радость. Лёгкий ветерок овеивал мои волосы и лицо...

Когда я очнулся и открыл глаза, то увидел знакомый бульвар с тусклыми фонарями и серым плиточным тротуаром. С моря дул прохладный морской бриз, и я отправился домой.

Навстречу мне из темноты под тусклый свет фонаря вынырнули две собаки: низенькая сука с болтающимися сосками (видимо, она не так давно оценилась), а рядом с ней пружинисто бежала высокая дворняга. Дворняга вертела мордой по сторонам, будто в поисках незримой опасности, чтобы в нужный момент защитить старую собаку. Может быть, это был её сын, чудом уцелевший от предыдущего помета? А может быть, просто друг?..

Я машинально присел на корточки и вытянул вперёд руки, тихо посвистывая. Собаки остановились на мгновение, но тут же продолжили бег мне навстречу. Шершавыми языками принялись облизывать мои руки, пытаясь дотянуть-

ся до лица. Удивительно, собаки перестали бояться меня, а я не боялся их. Словно меня окружала та самая информация, о которой толковал толстяк, о моей любви к Максиму и его сородичам. Звериным чутьём они считывали эту информацию и сразу же принимали за своего друга... Я тоже понимал их, как никогда раньше.

Не знаю, что произошло в тот вечер: сон, галлюцинация, болезненное воображение, пьяный бред или что-то ещё. Почему я должен решать – верить мне в это или нет?.. Это просто было. Пусть даже у меня в мозгу. Это ведь не значит, что я должен сделать ревизию всем своим мыслям, ощущениям, отсортировать их и поделить на «правильные» и «неправильные». Пусть это живёт во мне и помогает переживать моё одиночество и разлуку.

А дальше жизнь сама разберётся, что с этим делать... Или не разберётся... Всему свой час и своё место.

Валерий АРШАНСКИЙ

Мой брат – конференсье

Рассказ

Когда я смотрю лучшее из того, что подарено за последние десятилетия Риму и миру нашим телевидением – фильм «Покровские ворота», поневоле вспоминаю точно такой шквал восторга, который охватил в середине прошлого века миллионы зрителей СССР после выхода на экраны «Карнавальной ночи». Наверное, успех обеих комедий был предопределён полным совпадением киношных коллизий с реальной жизнью в середине прошлого века. И каждый человек, причастный к тем весёлым и невесёлым эпизодам, примерял «сюртук» на себя. В том числе – мой старший брат, Алик. Конференсье. И неважно, что действия и действующих лиц между Москвой и нашим Харьковом разделяли сотни километров. А для главной героини «Карнавальной ночи» – актрисы Людмилы Гурченко (тогда не было понятий «кинозвезда», «гламурная дива») – разве не Харьков был местом рождения и довоенной жизни? Он, «Харків»! А уж потом Москва. О чём Людмила Марковна сама и рассказывала в своих книгах «Моё взрослое детство» и «Аплодисменты».

Алик – тогда лишь юнга эстрады – брал за живое

охочую до смеха публику одним своим появлением в портновской жилетке, канотье, в больших, не по ноге штиблетах – маленький, шупленький, с выпученными глазками и приклеенными щучьими усиками... Недаром просиживал два-три сеанса в летнем кинотеатре, калькируя в памяти все ужимки, проходы и гримасы великого Чарли Чаплина. И понимал: этот замечательный комик заставляет зрителей смеяться над тем, о чём надо плакать. Мой брат дошёл до этого своим умом, потому что с детских лет больше посмотрелся именно горького. Особенно – в эвакуации.

Насколько я знаю из семейных преданий, когда совсем рядом – за мостом у речки Лопань – грохотнула фронтовая канонада, призванный в армию отец всё же успел отправить с последним эшелонем в глубокий тыл, как тогда называлась эвакуация, маму с шестилетним Аликом и школьницей-сестрой Шурой. Отходил последний – без номеров и опознавательных знаков сборный состав – уже обстрелянный немцами, а потому с поездной бригадой, получившей некоторый боевой опыт. Пусть и черепашьего хода с остановками, когда на каждом километре вносили больных, раненых или подсаживали догоняющих свои части красноармейцев...

– Сынуля, напиши книгу, как мы добирались на Урал. В эвакуацию. Почему никто об этом не пишет? – качая седенькой головой, с мягкой укоризной смотрела на меня зеленоглазая мама. – Боже, боже, сколько всего насмотрелись – и скотского, дикого, но и человеческого, мужественного... Как мы всё пережили – двух романов не хватит описать.

– Так Расскажи, мам, я запишу, меня ведь тогда и на свете не было. Я что знаю? Одни отрывки из обрывков ваших разговоров. Как на тебя и Шуру напали в уральском лесу дезертиры и отобрали хлебный каравай. Как ты подме-

тала у отца в пекарне ошмётки муки да пыли попеременно с мышинными хвостиками и на каком-то страшно прогорклом масле пекла потом лепешки... Как Алик по доброте своей душевной сбросил с балкона проходящим цыганам отцовский офицерский ремень – или португую? – и получил от папы такую трёпку, что на рёв сбежался весь дом...

– Ах, нет, сынок, всё это было в последний год войны, когда папа уже вернулся с фронта и вначале командовал пленными немцами, что строили дома в Магнитогорске, а потом работал в Кусе заведующим пекарней. А я говорю про эвакуацию...

* * *

Спасались дорогие мои родственники от нашествия гитлеровской саранчи второпях, только успев прихватить документы, часики да бусики и зачем-то Шурину плюшевую куклу, без которой она спать не могла. Лишь на вокзале спохватились, что ни есть, ни пить – ничего с собой не взяли. Чтоб те оккупанты проклятые подавились, когда войдут в наш дом!

– Ты маме только ничего не говори, не напоминай, опять расстроится, – строго смотрела на меня Шура. – Картина была, правда, дикая. Как вспомню – мрак сплошной предстаёт перед глазами. Представь: ночь, беспросветно сеет слепой дождь, грязь на запасном пути непролазная, единственный фонарь тускло светит где-то в облаках, холодно, мы с мамой дрожим в летних платьишках, Алик спит, в её платок укутанный. А очередь то визжит, то гудит, мат стоит сплошной, кто-то какие-то переключки устраивает, подвыпившие тётки химическим карандашом номера пишут на ладонях, дети бедные задёрганы, и все, как манны небесной, ждут появления паровоза. А тут ещё кавказцы-мешочники появились, гортан-

ные, нахальные, женщин за все места хватают, похабности предлагают и ржут, как жеребцы. Кто из них половчее – те высматривают в толпе дамочек побогаче – в обмен за ценные вещи хлеб, шпик, сыр и колбасу предлагают. Представляешь? Кто огрызнется или пошлёт их – под колёса грозят закинуть. И люди в страхе: такие мордovorоты, действительно, любого на рельсы закинут.

Как, откуда – знать не знаю – вдруг наш папа появляется! И не один, а с боевым патрулем, три человека с ним из военкомата, все с оружием. Я таким страшным нашего папу никогда не видела. Форма сидит, как влитая, фуражка вот здесь, под подбородком, прихвачена ремешком, кобура, сапоги офицерские... Осмотрелся, как гаркнул на толпу, все вмиг присмирели. Патруль по его приказу мешочников сразу же хоп за одно место и в дежурку, или в каталажку, кто знает? Тут же корзины спекулянтов пошли по рукам...

А мы папочку и поцеловать не успели, он к начальнику станции убежал. Успел лишь маме деньги отдать, все, что у него были. И на четыре года распрощались с ним, не знали, вернется ли живым...

Тут уж совсем по-маминому сморщилась, зашмыгала носом и стала всхлипывать начинающая сесть заслуженная учительница русского языка и литературы Скала-Подольской средней школы Тернопольской области. «Заслужена вчителька УССР» Олександра Семеновна, всю жизнь учившая западенских детей языку Пушкина и Толстого и, к счастью, при жизни не узнавшая ни о снайперах на проклятом Майдане, ни об эсэсовском сожжении (в XXI-м веке!) несчастных мужчин и женщин в Одесском доме профсоюзов, ни о том, что ещё натворили эти нелюди – неужели бывшие её ученики? Те, которые высунув от старания язык, писали на экзаменах сочинения о «Молодой гвардии», Алексее Маресьеве, Зое Космодемьянской. Кто после уроков готовил в своих

классах стенды памяти «выдающего» (выдающегося) украинского писателя Ярослава Галана, без страха и упрека обличавшего гиммлеровских выкорышей – Бандеру, Шухевича, Мельника – и вообще всю кровавую бандеровщину. Настоящего антифашиста, принявшего мученическую смерть уже после войны, в 1949-м, от рук бандитов-оуновцев, зарубивших ненавистного им писателя-публициста в его львовской квартире палаческим гуцульским топором...

– Шура, а вот ещё мама рассказывала, как вы отстали от поезда?

– Ужас! Мама постоянно оберегала нас с Алькой и сама страшно боялась подхватить вши. Где увидит вокзальный титан, туда бежит с эмалированной корчажкой – прихватить горячей воды, разбавить и нас ополоснуть, хоть как... Подполз эшелон к реке Белой, приткнулся где-то под насыпью. Слух пополз – до глубокой ночи, мол, стоять будем, чтобы в темноте немец состав не разглядел, не разбомбил. Женщины малых детей скорее подмышки и бегом к воде – обмыть, помыть, самим в кусты сбегать... А семафоров никаких нет, а гудки паровоз не даёт, потому что состав военный, по своему расписанию стал, скомандовали – отправился. О, Боже! Колёса клацнули... Алик... Я... Мама мечется. Уж не знаю, как мы забрались на ту насыпь, как вдогонку бежали... Чи (или) (Шура, волнуясь, часто вот так вставляла в русскую речь украинские слова и междометия) машинист из своей будки нас увидел и сбавил ход, чи кто из военных выскочил, помог нам заползти в последний вагон, но влезли. Заползли. Пол замурзанный были готовы целовать. По гроб жизни мы тем добрым людям обязаны...

– А ели-то вы что? Кормили вас, эвакуируемых?

– Да, что-то такое изредка давали – селёдку, помню, хлеб. На станциях народ местный картошечку выносил, свёколку варёную, брюкву, яблоки. Но в основном маленький

наш конференсье, Аля, еду зарабатывал...

– ?

– Да вот так. А ты думаешь, как рождаются таланты? В голоде, холоде и муках, – откинув каштановую прядь со лба и смеясь совсем по-девичьи, возвращалась через полвека в лето 1941-го моя сестра. – Правильно мама тебе говорит: пиши о нас книгу!

* * *

Лично я и сейчас толком не знаю, как правильно назывался тот товарный вагон... Товарняк? Загон? Теплушка? Дымная, душная клетка, пропахшая куревом, мочой, заскоружеными бинтами и потными солдатскими обмотками, калом и кровью, заставленная впритык санитарными нарами... И посередине прохода, на крохотной импровизированной сцене переминался в стоптанных сандаликах с ноги на ногу маленький, щупленький, зато чисто вымытый и причёсанный на пробор мой шестилетний брат в застиранной кофточке-матросочке, в чулочках до колен, со штанцами на ляпочках, распевая во всю силу детских лёгких:

«Эх, махорочка-махорка,
Подружились мы с тобой!
Вдаль дозоры смотрят зорко,
Мы готовы в бой,
Мы готовы в бой...»

Вскоре после бесславной советско-финляндской войны, деликатно названной Твардовским «не знаменитой», после той псевдобитвы, горько, жгуче, как махорочный дым моршанской «Примы», показавшей всю слабость нашей примитивной древне-ружейной «мощи» перед грамотной оборо-

нительной тактикой Маннергейма, в 1939 году была написана эта песня Константином Яковлевичем Листовым и Михаилом Исааковичем Рудерманом. Финской войной, еле-еле законченной перемирием, гордиться не приходилось. Гордиться можно было другим: у венгров просиял замечательный композитор и музыкант Ференц Лист, у нас – знаменитый композитор и музыкант Константин Листьев! Создатель сотен и сотен замечательных оперных арий, оперетт, песен, которые пела вся страна. Лист и Листьев... Как созвучно! И не случайно. Ничего случайного вообще не бывает ни в музыке, ни в жизни, всё закономерно, всё решено высшей силой... Только нам знать не дано наперёд о том, что будет.

В прокуренном санитарно-эвакуационном вагоне бойцам-красноармейцам, особенно старшего возраста, участникам недавней финской кампании, песня о махорочке-махорке пришлась, как нельзя, кстати. Исполняемая не под звуки рояля пионерским хором и не под духовой оркестр знаменитым Вадимом Козиным, а капелла веснушчатым пацанёнком, она встречала полное понимание и сочувствие. Да еще так старался этот лупоглазенький малыш, тщательно выпевая каждое слово!

«Как письмо получишь от любимой,
Вспомнишь дальние края,
И закуришь – и с колечком дыма,
Улетает грусть твоя...»

И в ладошки он прихлопывает, и ножками притопывает, и раскланивается до полу, ну, Леонид Утёсов! Как такому артисту не подарить брусочек пилёного сахара или горбушку хлебушка? Как не прижать к себе, не погладить по детским волосёнкам, когда такая тоска берёт: у кого в Смоленске или в Воронеже, у кого в Полтаве или в Барановичах

такой же малец остался. И не один, а с братишками-сестрёнками... Как они там? Живы ли? Хотя бы через этого их ровесника – Алик тебя зовут, да? – привет незримый в свой город иль деревню передать... Авось долетит, услышат...

* * *

Алька снисходительно улыбался каждый раз, слушая прижизненные легенды о себе. Что было, то было. Он тоже кое-что помнил. И всегда говорил, что мама наша – святая, сумевшая без отца, без всякой помощи, без опоры спасти его и Шуру в той жуткой уральской эвакуации. Переселении в глубокий тыл.

Но чаще почему-то вспоминалось моему брату не страшное, а смешное. Пусть это был смех сквозь слезы. Ну, например, как он сумел отомстить за сестру мальчишке-обидчику, прыщавому переростку, втихаря оторвавшему Шуриной кукле и ручки, и ножки... Жаловаться маме на злого дылду мои старшие брат и сестра не стали; не приучены были скулить и ябедничать, папа кляузы не жаловал, учил: око за око, зуб за зуб. И Алик притих, затаился, выжидая удобный момент, чтобы поквитаться с паршивцем. И такой час пробил. Ровно в конечном пункте путешествия поневоле.

Все дети тогда таскали за спиной свои личные горшки для оправления необходимых нужд. А как иначе? Куда ходить-то? О домашних унитазах в ту пору широкие массы никакого понятия не имели. Все удобства, пожалуйста, в дворовом скворечнике, зимой и летом продуваемом всеми ветрами. Что такое писсуар и унитаз, знали разве что в Кремле, Париже, а ещё – предводитель английских лейбористов, вечно пыхтящий сигарой, огромный, как шкаф, британец Уинстон Черчилль и передвигавшийся по Белому Дому на инвалидной коляске президент Соединённых Штатов

тов Америки Франклин Делано Рузвельт. А у нас, чтобы в туалете курьерского «Пятьсот – весёлого» стояла фаянсовая «виолончель»? Да вы что! Да вы кто? Буржуи, что ли, недорезанные?

Утратить горшок для ребёнка было трагедией. С ним – эмалированным или глиняным, плохо покрашенным – ходили везде и всюду. Поставив «ночную вазу» под ноги, сидели за обеденный стол. С милым дружкой спали, поместив его к себе как можно ближе. Хоть в изголовье.

Вот за все понесённые в двухнедельном пути обиды – щипки, пинки, щелбаны, дразнилки, плевки, растерзанную куклу – за выплаканные сестрой слёзы и не выплаканные братом страдания Алик, когда толпа валом валила на выход, так приложился тяжёлой створкой вокзальных дверей к заплечному богатству жестокого обидчика, что у того только глина в его вещмешке хрустнула. Торжественным меццо звучало в душе моего брата громогласное рыдание штрафника, сурово наказанного по законам военного времени. А как иначе? На войне, как на войне, будь, воин, бдителен вдвойне: или ты его, или он тебя. Третьего не дано. Война учила детей и такой науке.

* * *

Одну интересную деталь заметил я в поведении самых близких мне людей: когда в разговор вступала Шура, мама сидела, притихнув, вслушиваясь в каждое слово дочери. И только время от времени с удивлением покачивала головой, словно речь шла не о ней, а о каком-то её прототипе, не имеющем к оригиналу никакого отношения. Впрочем, я это замечал у многих пожилых людей.

В сознательном уходе стариков от самих себя в сторонку кроется многое: и преклонение перед образован-

ностью любимых чадушек (чего им, родителям, не было дано), и понимание того, что молодые расскажут всё понятнее, чётче, яснее, чем они, без отклонений и перескоков, и осознание нового времени. Времени, в котором дети чувствуют себя, как рыбы в воде. А старшему поколению необходимо чаще выплывать на поверхность, глотать кислород, потому что длительное нахождение в поменявшей смысл и конфигурацию, ставшей вдруг непривычной бытовой среде, оно не выдерживает, задыхается...

Шура в лицах и манерах рассказывала мне про самый тягостный, самый тяжёлый эпизод в той эвакуационной эпопее... А мама, расположившись в сторонке, твёрдо пообещав не вмешиваться, не переживать, не плакать, сидела на привычном стульчике от нас поодаль, не поднимая глаз, низко, как от удара, склонившись и постоянно раскачиваясь. А потом вообще вжалась головой в колени. Ещё бы – такие жалиющие угли ворошились в душе...

– Ты не представляешь, в каком мы с Алькой находились радостном состоянии, скорее, даже возбуждении, – поглядывала на маму (как себя ведёт?) Шура. – Жуткая дорога осталась позади, мы прибыли, наконец, в обещанный Челябинск. Сейчас приедем на трамвайчике к маминной сестре, нашей тёте, там нас вкусно накормят, помогут, дадут чистое бельё, ляжем в теплую постельку... Мы быстро освоимся на Урале, я пойду в школу, Алик найдёт новых друзей...

Так нам мечталось! А на самом деле встретила харьковчан мамина сестра – заведующая закрытым распределителем, нет, правильнее сказать, ОРСом, отделом рабочего снабжения... («Это было золотое дно!» – не выдержала, вмешалась в наш разговор мама, тут же осекшаяся под вострым взглядом дочери-учительницы)... Встретила вновь прибывших тётя Мотя, подбери свои лохмотья, настороженно. Без объятий и поцелуев. Даже на порог не пустила. Беседа вела перед своими дверями на лестничной площадке – с

благотворительной подачкой гостям буханки хлеба.

– Обожди, Шура, стоп! Неужели? Это же с ума сойти! Ведь, насколько я знаю, мама наша чуть ли не в неполные пятнадцать лет начала батрачить в какой-то прачечной, чтобы сестра могла учиться в институте торговли. Семья у них была большая, всех не прокормить...

– Я тебе больше скажу, – перешла на полный шёлот Шура. – Мама наша осталась почти неграмотной, потому что всю жизнь вкалывала на их семью то в прачечной, то нянечкой по найму, чтобы одна её сестричка драгоценная стала на суконной фабрике инженером, другая – вон, торгашом, начальником ОРСа. А они её отблагодарили. По-чёрному! Наглость – второе счастье.

– Боюсь, Ленка, и ты, и твои киндеры (тётя Ава небрежно кивнула на испуганно жавшихся к маме детей, её родных племянников), боюсь, все вы там, в товарняке, пока ехали сюда, крепенько завшивели. А у меня в доме прожарки нет. Так вы вот что. Давайте-ка я вас отправлю в эвакупункт на Соборную, там все процедуры пройдёте. Вас оформят по всем правилам, ну там, распределят. Детям, а к нам и маленьких ленинградцев попривозили, белый хлеб и компот в буфете дают (мы чуть слюной с Алькой не подавились, услышав о таком сладком счастье).

– Хотя, почему, собственно мне идти? Нема! Ну-ка, бекицер с дивана, давай, давай, пузанчик мой, живо! Подтяни шлейки и проводи моих... – она запнулась, не зная, как назвать «моих-то», – на Соборную.

Нехотя сползший с дивана подслеповатый муж тёти Августины – ценный кадр для оборонного завода в силу недожизненных конструкторских способностей – нехотя подтянул шлейки, повздыхал, позевал, нехотя покидая уютную комнатёнку, выделенную ему под кабинет. И нехотя потопал впереди неожиданно свалившегося ему на голову харьковского семейства, с которым он и поздоровался-то нехотя, через губу.

Зато, подведя «моих-твоих» к мрачному зданию эвакупункта на улице Соборной, бежал оттуда прытью, как подстреленный заяц. Не удосужившись и на полчаса подзадержаться, узнать, как и куда распределят родственников жены. А зачем это Неме, в миру Науму Львовичу? Ему своих хлопот хватало.

– Шуронька, но ведь он потом какой-то орден за изобретение своё получил, – слабо пыталась защищать дальнего родича мама. – Его уважали!

– Ага! Получил! Сидя на диване. Ух! Недаром им с Авой Господь детей не дал. Бог шельму метит...

Мамины губы произвольно дёрнулись в безмолвном протесте: «Шуронька, доченька, ну что ты такое говоришь? Нельзя уж так-то. О Науме Львовиче писали газеты, мало ли, что лежал на диване... Он дома работал, при его-то зрении. А в цеха чертежи передавал. Ордена даром не дают...»

Папа, яростно натирая щёки одеколоном «Шипр» после бритья опасной бритвой и слушая в очередной раз сагу о Неме, кисло скривился: «Ну, что вы заладили? Нема, Нема... Ну, был он специалистом по дизелям. Дальше что? Война закончилась, теперь сеялки-веялки конструирует? Молчит всегда, как баклан, и к тому же не пьёт. Это что за человек?»

Короче говоря, даже такой заслуженный орденосец с Урала, как дядя Нема, не был для отца авторитетом. Значит, и для детей был он полным олухом, и мы частенько смеялись, воспроизводя тёткин визг: «Нема, подтяни шлейки!» Сегодня понимаю: ничуть не красят нас такие смешки и такие оценки. Можно было бы о них всуе и не поминать. Но утаить вообще можно многое. Только зачем тогда писать книги, если все они – изучение опыта поколений, от которого или заливаает краска стыда, или полыхает румянец радости. Может, я не прав? Тогда рассудите нас, люди!

* * *

Как и многие, если не сказать все, фронтовики, отец никогда ничего не рассказывал о войне. Разве что редкими эпизодами – в чайной, например, после ста граммов с прицепом, в кругу таких же его друзей, прошедших огонь, воду, медные трубы и чёртовы зубы. И то – все разговоры: «Помнишь, как под Купянском мы отступали...», «Помнишь, как после Курска мы наступали...» «Отступали – наступали» – и больше никаких подробностей. Хотя, выйдя на пенсию, пытался наш папуля какие-то записи вести. Обычной ученической ручкой, как в хедере... Нашёл я в его бумагах пару листиков, исписанных по диагонали, но разборчиво. Видно, крепко саднило у отца в душе, если сразу, по горячим следам, сел он тогда за «мемуары».

«Дети старших классов осмелели, разговорились, задавали такие вопросы, о которых я и не подозревал. Надо же! «Какое самое горькое чувство оставила у вас война?» Что я мог им ответить? Как мы прятали глаза, когда, отступая, покидали со своими сорокапятками Горловку, Бахмут, Макеевку, и старики, старухи, что стояли вдоль улиц, плевали нам вслед, кричали: «Что же вы нас фашистам отдаёте, защитники!» И горько плакали, и проклинали. Да и мы плакали, посильнее впрягаясь в лямки орудий и помогая лошадям тащить наши пушки.

Или о том, как я пёр на себе шесть винтовок, брошенных дезертирами. Одного из беглецов в Спадщанском лесу, когда заняли мы глубокую оборону, патрули поймали, на батальонном построении поставили к стенке, чтобы, значит, никому больше неповадно было драпать с поля боя... А мы молчали весь тот вечер, и потом, как будто ничего не видели и не слышали. А ещё один хмырь, трофим (так и написано отцом его имя, с маленькой буквы) – спас шкуру, уцелел. Я его видеть не хочу, хотя он жив поныне. Благопо-

лучно просидел всю оккупацию в подвале, даже успел своей жене сына заделать. А в сорок пятом, вот ведь прохиндей такой, как-то примкнул к Победе, юбилейную медальку схлопотал. Стал известным кондитером, по радио передали, его за оригинальный торт сам Щербицкий похвалил в перерыве партийного съезда. Ого! – первый секретарь Украинской компартии...»

Я знаю, живя в одном большом дворе, мой отец и тот... кондитер с маленькой буквы, никогда при встрече не раскланивались. Проходили мимо, глядя в разные стороны. Хотя им было что вспомнить. И кое-кому кое о чем припомнить. Сыну кондитера, неповоротливому Юрке, я на волейболе разок мячом так в табло вмазал, что его с площадки под руки вели. Да, понятно, сын за отца не отвечает. И всё же...

Но я просто не представляю, чтобы мой отец пошел в органы стучать на Трофима – своего соседа поневоле. «Хай живе Радянська Україна!» И пусть до конца своих дней мучается угрызениями совести, если у него она осталась, несостоявшийся однополчанин. Это будет ему похлеще трибунала.

Так, наверное, рассуждал наш отец. Призванный в свои 40 лет повесткой на фронт в июле сорок первого и провоевавший командиром артиллерийского взвода на Первом Украинском фронте до марта сорок пятого. Пока не получил на братской польской земле второе осколочное ранение, заметно укоротившее ему левую ногу. Вот и был он за три месяца до Победы списан подчистую, поскольку обе раны плохо затягивались, не заживали, и он уже после демобилизации какими только снадобьями не лечился, какие мази и натирки не применял... В бане всегда просил меня не шоркать ему сильно рогожной мочалкой по спине – кость под лопаткой оголена, больно. А мама покупала по знакомым смалец, свиной жир, потому что и с лёгкими у отца стало

неблагополучно, загуляло по нашей квартире злое словечко «туберкулёз» – наследие Моховских фронтовых болот. И всё знающая соседка наша заявила, что вылечить какие-то «каверны» можно, только затягивая их свиным жиром, смальцем. Лучше даже завести своего поросёнка, чем переплавлять втридорога чужим людям-знахарям и торговкам на рынке. Кстати, как ни странно, её советы помогли! Я листал отцовскую медицинскую книжку «до» и «после»... Никаких следов былой хвори не осталось.

А что касается отцовских откровений, то всё же произошёл один такой случай, когда приоткрылась завеса о подлинной войне, войне «без помпы и оркестра», войне во всей её отвратительной наготе. Как кровавой бойне.

Мы тогда с Алькой, Сашкой Ярмаком и ещё двумя соседскими мальчишками разводили на задах опустошенного сентябрьского огорода большой костёр – кострище. Даже два костра. В золе одного, маленького, пекли найденные в борозде картофелины. Вкуснее них – с твёрдой корочкой, обжигающих, посыпанных крупной серой солью – нет ничего на свете, кроме подобранных с грядок помидоров – крупных, с нежной розовой мякотью, зернистых... Обалденно аппетитной еды с ломтями свежего ржаного мандра (хлеба по-пацански) и, если повезёт, кусочками сала...

В большой ненасытный костёр, поправляя палками бушующее пламя, мы, обгоняя друг друга, торопились подбрасывать всё, что попало. То есть сыроватую ботву, сухие огуречные и тыквенные плети, обломки старого штакетника, вырванные с корнем лопухи, репейник, крапиву, подсолнечные будылья, хворост, мокрую после дождя щепу с гнилого сарая, мох, опилки (у нас они назывались «тырса», и я долго так опилки «тырсой» и называл, недоумевая, неужели их можно называть как-то по-другому?). Костёр дымил, чадил, взрывался синими, чёрными, оранжевыми искрами, а мы,

взявшись за руки, водили хоровод, горляня тут же сочинённую песню про жирного поросё, которого забьют и вот-вот будут опаливать на костре. Не очень приличный получался наш экспромт, поэтому лучше его опустить; то, что годится для казармы – не означает, что годится в светском обществе (это я сейчас так умно говорю, сожалея, что не был тогда таким умным).

Очень удачно складывалось то воскресенье с самого утра: нет обязательного подъёма в самый сон, нет школы, нет домашних заданий и любимых учителей, а есть на завтрак чай с рафинадом, сырники со сковороды, приготовленные хлопотуньей мамой с утра на керосинке и свист пацанов под окном: «Валерка, выйдешь?» Есть папа, уже тщательно выбритый, наодеколоненный. Внимательно просматривающий виниловые пластинки с Клавдией Шульженко, Георгом Отсом, Марком Бернесом, прежде чем поставить их на диск радиолы «Латвия». И есть с вечера красиво побеленная мамой и Шурой летняя кухня с выскобленными полами, где сегодня будет праздник свежины. И где уже нетерпеливо ёрзает на табуретке, поджидая Семёна, его верный фронтовой друг. Одноглазый возчик («Я не извозчик, я водитель кобылы», – как поёт Утёсов) дядя Коля Ярмак. Артиллерист из отцовского взвода, лишившийся глаза тоже в том их последнем бою под Бреслау. Это Николай Иванович и посоветовал накануне отцу отослать под благовидным предлогом ребятню подальше, чтобы не видели они ристалище с забоем скота.

Братья по судьбе, братья по борьбе, подзарядившись на кухоньке, как перед атакой, наркомовской дозой из одного гранёного стакана, запив самогонное зелье тёпленьким и свеженьким сырым яичком, пошучивая, подначивая друг друга, отправились в затянутый столетней паутиной полутёмный сарай, служивший также складом для хранения угля – антрацитного «орешка» и поленицы дров. Тол-

каясь, оскальзываясь, чертыхаясь, падая и привставая, чуть ли не час целый гонялись они за пятипудовым кабанчиком, надрывно орущим перепуганным курам: «На помощь, дурры, убивают!» И бился седоволосый хряк с двумя крепкими мужиками, как гладиатор, до последнего, пока не выдохся, задрав кверху ноги, тут же скрученные бельевой верёвкой, и прощально хрюкнув. А куда ему, пусть не хилому, было дальше сопротивляться против трофейного оружия – остро заточенного фрицевского кинжала из крупповской стали, махом вонзившегося в нужную точку...

– Добрячего порося вы с жинкой видгодувалы, – пыхтел Ярмак-папа, подтаскивая с нашей помощью тушу кабана к костру – опаливать на соломенной подстилке щетину. Он всё умел, водитель кобылы с овощной базы Николай Иванович Ярмак. Мастеровой человек, одинаково сведущий и по слесарной части, и по столярной, и по стройке, и по забою скота. Эх, если бы не война! Да если бы не убежала, осталась с ним гулёна-жена, бросившая ради богатого хахала из Молдавии (так судачили бабы) и своего мужа, и сына...

Быстро-быстро разделявая внутренности недавнего гладиатора из тёмного закутка, дядя Коля – единственный глаз азартно горит, как у барышника-цыгана, резиновые чёботы забрызганы от пят до верха голенищ тырсой, липкой глиной, сенной трухой – зажав в уголке рта потухшую цыгарку, отдавал краткие и внятные указания отцу, мне, Алику, своему сыну Саньке:

– Семён! Це жинци виддай, гарный шматок, нехай кендюх готове...

– Оце, – протягивал нам с братом окровавленную руку с какой-то вонючей требухой дядя Коля, – давайте швидче цибарку (ведро), выкиньте, хлопчики, на помойку. – Нехай це добро собаки идять.

– Сашко, де ты? – ловко кромсая хребет хряка, под-

зывал он сына. – Кидай, Сашко, оцей кусманчик в нашу торбу, мы його додому визьmemo...

Заключительное «це» или «оце», одинаково означавшее «это», прозвучало насчёт увесистой свиной печёнки, годившейся для быстрого приготовления в печи на летней кухне. Как раз за то время, пока мы с Сашкой смотаемся на его велике в ближний продуктовый магазин отовариться двумя полулитровками «Московской» для наших доблестных отцов. И двумя бутылочками ситро – для себя. (Ах, какой мы пили тогда лимонад – настоящий, пускающий радужные пузыри и кремovou пеночку в чашке, плошке, стакане!)

И вот, когда старые артиллеристы приговорили под парующую свежеину первую злодейку с наклейкой и неспешно приступали ко второй, у них и возник пламенный солдатский спор. Без громкой ругани, без крика, но увлекший спорщиков настолько, что уже ни на снующих рядом туда-сюда пацанов, ни на тревожно поглядывающую в их сторону маму внимания они просто не обращали. А нам слушать накалённые речи взрослых – да это же такое удовольствие, как костёр палить: ушки на макушке – только этого и надо!

Но вначале отцы помянули, не чокаясь, отошедшего в мир иной некоего комбата Сиротихина, видимо, всеобщего любимца, жившего после войны на родине космонавта Юрия Гагарина, в Гжатске. Затем вполголоса бывший взводный и бывший рядовой прошлись по жулику – старшине Трегубову, которому в санбате хотели да не успели морду за воровство начистить – вовремя соскочил он со своим легким ранением... Потом захмелевший дядя Коля спел то, что пел всегда при каждой дружеской встрече отцов: «В строю стоят советские танкисты: начхим, начпрод, начфин и рядовой!..» А следом оба артиллериста, покурив, перешли на более близкую им тему. О праве на владение той самой немецкой финкой, которой утром был повержен четвероногий хрюндель Борька.

Трофейный зазубренный финнаш был недоступной мечтой всей ребятни с окрестной Пролетарки! Мечта мечтой, а нашему дому он реально достался, этот тяжёлый эсэсовский кинжал с красной рукоятью и чёрной свастикой на эфесе, чья история появления оставалась, правда, неизвестной. То ли взято было холодное оружие у врага в жарком бою, то ли мирно конфискован был кинжал в Магнитогорске при шмоне барачков, где проживали пленные немцы-строители. Хотя какое это имело значение в тот полуденный час сентябрьского воскресенья, когда воронёное лезвие было спокойно воткнуто ровно в середину кавуна (арбуза), занявшего всё блюдо на цветастой клеёнке летней кухни, где проходила трапеза богов войны – артиллеристов.

Что-то кто-то из отцов, скорее всего, наш, нечаянно заговорил про твоё-моё, и не чипай (не трогай) чужого...

– Шо? Ты шо, Семён, забув, як тебе той фриц дувив? – перевесившись через край стола, вдруг вознегодовал дядя Коля Ярмак, крепкими жилистыми руками изображая страшную картину рукопашной. – И хто тебе тоди спас?

Осолелые после утренней браги да обеденной водки папины глазки никакой вражды не выражали, напротив, свидетельствовали только о миролюбивых намерениях.

– Опять двадцать пять. Да сядь же ты, наконец, Николай!

– Не, ты той... Ты волу яйца не круты! Кажи, зараз же, забув чи не забув?

– Да как такое забудешь, Коля! Правда ведь, душил он меня, как медведь...

– Ну? И шо б з тебе було, як бы не я?

– Коля, друг мой дорогой! Да если бы не ты тогда со своим штыком – хана бы мне пришла! Я ж хрипел уже, концы отдавал... А ты ему прямо в глотку штык засадил, у меня вся морда в его крови была...

– Ну! Так чия оця финка, кажи, моя чи твоя?

– Да твоя, Николай, твоя, бери! Только давай ещё по одной нацедим, да? И я тебе одну вещь скажу. Никогда не говорил, Коля, ни-ког-да, а сегодня скажу. Скажу, как есть, ты меня понял?

Ярмак утвердительно кивнул головой; понял, мол, понял, что же тут непонятного.

– Кажи! (Говори!).

Отец набулькал водку в гранёные всклянь, по самый венчик. Привстал. Поднял стакан, трезво взглянув на нервно жующего зелёные перья лука друга.

– Слышь, Николай! Когда ухватил меня тот гад за кадык своими клешнями, я крик услышал. Жены Лены! У меня перед глазами красная пелена качается, а в ушах звон плывёт: «Сеня, домой!» И как я успел вывернуться, да зубами его, вот так, вот так вот, зверски, уцепить за ладонь, впиться, кусануть по-волчьи, он аж взвыл. А тут и ты, Коля, рядом... Спаситель мой! Дай «пять», дай я тебя обниму!

Сыпанули мы с пацанами от стен летней кухни, словно спугнутые воробьи. Нельзя было дальше оставаться, глазеть, как припали друг к другу седыми головами и вздрагивают плечами два старых бойца. Легко отодвинувшие на край стола стаканы с водкой. Пачки папирос. Арбуз. Свежую закуску. Но бессильные отодвинуть от себя подальше нахлынувшие воспоминания. Как их ни гони, как ни старайся забыть...

* * *

А брат мой, Алик, стал в своем студенческом театре конферансье! Это уже в то время, когда правил странной огромной главный кукурузовод Отечества – лысый, как бильярдный шар, дорогой Никита Сергеевич. Неуч из со-

впартшколы, велевший засеять добрую половину всех пахотных земель России кормовой культурой, впечатлившей его на американских плантациях внушительными початками и любившейся чуть не до смерти,

При некотором наплыве оттепели, потеплении внутреннего климата после тридцатилетнего сталинского льда, особо-то с юмором и сатирой всё равно было не разгуляться, слышите, кавээнщики, для которых сегодня запретных тем нет. Даже такие мэтры эстрады, как Миров и Новицкий, кроме безадресных «блям-блямчиков», ничего нового продвинуть не могли. Что уж говорить о провинциальных аутсайдерах комического цеха... Сатира выше критики язв империализма, о которых и не подозревали жирующие акулы капитала из города «Жёлтого дьявола», несчастного управдома и сосулук на крыше не поднималась. Вспомните те же «Покровские ворота» и квёлые стишата доморощенного поэта, сыгранного Моргуновым... Хотя, нет! Были ещё как бы убойные адреса: российский сатирический журнал «Крокодил», белорусский «Вожык» («Ёжик»), татарский «Чаян» («Скорпион») и украинский «Перець» лупцевали, изощряясь, пьяниц и добродушно посмеивались над тёщами.

Алик тоже выходил на сцену «обличать» и пел «злободневное»:

«Вот апрель, и наступили дни весенние.
 Снова крыша потекла у нас,
 И пишу я управдому заявление
 Вот уже, наверно, в сотый раз...
 Общежитье дать студенту обещаются
 Вот уже, наверно, в сотый раз...
 Я уже хотел дать газу, да примчался управдом,
 Стукнул, гад, меня три раза
 Старым мусорным ведром...»

Вот такие звучали перлы. А потом родился парный конферанс: Алик стал выступать вместе с Сашкой Ярмаком, что подсказала им Шура. Но тематика и для дуэта осталась прежней: «Наша крыша – планетарий, в небе звёздочки видать»... Выручало «соколят» не слово, а внешний комический парадокс. Форма. Это уж, как всегда, если нет содержания – на первый план выходит форма. Несоразмерные по росту – один маленький, тощенький, другой – высокий, упитанный, один семенит ножками, другой широко вышагивает, как гренадёр, у одного голос преднамеренно писклявый, почти девчоночий, у другого – густой бас, иерихонская труба, один – холерик, вечно в движении, другой – флегматик, полусонный при любых обстоятельствах... Эта несуразица и веселила. Классно получалось у Алика и Сани исполнение куплетов Курочкина из нашумевшего тогда фильма «Свадьба с приданым».

«Хвастать, милая, не стану.

Знаю сам, что говорю:

С неба звёздочку достану...

(Привставая на цыпочки, Сашка тянулся к едва-едва блымающей над сценой лампочке), –

И на память подарю».

(Жеманно поджав губки, «милая» благосклонно принимала от ухажёра в подарок «звёздочку» – всё ту же слабо прикрученную лампочку на 60 ватт...) И оба – молодые, красивые, тыча друг в друга пальцами, исполняли финал:

«Из-за вас, моя черешня,

Ссорюсь я с приятелем,

До чего же климат здешний...

(Как бы принюхиваясь, неодобрительно вертел «кирпатым» – задранным к небу – носом Алик):

На любовь влиятелен!..»

Алика первая жена – смешливая красавица студентка

Евгения и влюбилась-то в него, слушая те куплеты. И с удовольствием присоединялась третьей, когда после концерта, обшарив все карманы, Алик и Сашка набирали два рубля ноль две копейки мелочью и отправляли меня, быстроногого, за бутылкой «задуряна», «бухарыча», «креплёныча», – уж как только они ни выделялись, переиначивая название дешёвого азербайджанского вина на 18 оборотов «Агдам». Доступного по цене всем слоям населения. Вдобавок к «Как Дамычу». Женя отсыпала мне в ладошку свои 14 копеек на плавленый сырок «Дружба» или 16 – на такую же плавленную «Орбиту» и ещё шесть копеек – на французскую булочку. Юноши могли довольствоваться на закуску одной сигаретой на двоих, девушке всё же требовалось нечто более существенное...

А отпуская незатейливый товар в отделе «Бакалея и гастрономия» уже знакомый нам... дядя Нема. Да, тот самый Наум Львович, который, перебравшись с морозного Урала (по состоянию здоровья тёти Авы) в родные тёплые места, принял с ней на пару маленький магазинчик «Продовольственные товары». Заслуженному орденосцу и опытному товароведу (оба с высшим специальным образованием, к тому же члены КПСС с многолетним стажем) местная власть разве могла отказать? Это было бы контрреволюцией!

Особого наплыва покупателей в их неказистый магазинчик, стоящий на углу Институтского переулка, не наблюдалось, что было плоховато для показателей товарооборота, но очень хорошо для любителя тишины и покоя, всегда глубоко мыслящего Наума Львовича. Сангвиника. Флегматика. Меланхолика. Да обзывайте вы, как хотите. А он такой. Его не переделаешь. Нема вздёргивал на лоб персонально изготовленные очки с сильными увеличительными линзами. Плюхался в предусмотрительно поставленное за прилавком бежевое кресло с протёртыми подлокотниками. И начинал

сидеть. Просто сидеть, поигрывая шлейками. Телевизора тогда в широком доступе не было. Репродуктор в магазине был. Но философам, кроме самих себя, никто ведь не нужен и ничто не нужно, это вполне самодостаточные люди, твёрдо знающие, чего хотят.

По воскресеньям – в единственный выходной для всех, кроме работников торговли, транспортников и труженников непрерывного процесса – из конусообразной тарелки с шильдиком на обороте «Ленинградский радиозавод имени С. М. Кирова» звучали знакомые позывные концерта по заявкам радиослушателей. И эфир... хотя, нет, тогда ещё проводное было радиовещание, значит, не эфир, а слаботочные провода радостно дарили бархатный голос конферансье – не Алика, не Сашки, а знаменитого на весь СССР Михаила Гаркави...

– Добрый вечер! Здрасте! Начинаем наш концерт!

Гаркави умело выдерживал короткую паузу, сопровождаемую записью бурных рукоплесканий от Волги до Енисея. Потом раздражался якобы экспромтом – заранее подготовленной юмореской или фельетоном на бессмертные темы. Вновь тянул мхатовскую паузу. И, наконец, чарующим баритоном извещал:

– По просьбе коллектива коммунистического труда – шахтёров из Тульского угольного разреза «Первомайский» – передаём любимую песню передовиков социалистического соревнования «Очень часто в жизни так случается». Слова Наума Лабковского. Музыка Соловьёва-Седого. Исполняет народный артист РСФСР Марк Бернес.

И народ замирал в ожидании выхода в эфир (пусть уж будет эфир) любимого шансонье. Кумира миллионов по картине «Два бойца», непревзойдённого исполнителя хитов на все времена «Шаланды полные кефали», «Тёмная ночь», «Журавли», «Прасковья»... Вот тоже: рос себе в захолуст-

ном Нежине, что на Черниговщине, мальчик из бедной семьи Менахем – Ман – Неухович Нейман. Кто бы его знал? Но захотел юноша во что бы то ни стало достичь больших высот. Одному Богу известно, как он бился с судьбой и обстоятельствами, но сумел всё превозмочь и стать знаменитым больше чем на весь СССР Марком Бернесом. Первоклассным деятелем искусств, лауреатом высшей в то время награды – Сталинской премии, заслуженным, народным...

Отсюда вывод: если ты настоящий мужик, будь как японский самурай, как самолёт на боевом курсе, для которого нет преград, когда он выходит на цель. В лепёшку расшибись, а вершину одолей! Чаще всего об этом и пел очень придирчивый к каждому слову отдельной песни и в целом выбору репертуара мужественный или, как сегодня бы сказали, брутальный мачо – Марк Бернес. (Которого по доверительному признанию бессмертного Иосифа Кобзона друзья за глаза называли не Марк Наумович, а Марк Себенаумович).

«В жизни очень часто так случается,
 По весне, когда растает снег,
 На пути на жизненном встречается
 С человеком человек...
 Он хорошим парнем называется,
 Ей такого не сыскать вовек,
 Почему смущённо улыбается
 Человеку человек?»

* * *

Пришли другие времена. Звучат иные имена. Самопровозглашёнными королями и королевами эстрады поются новые удивительные песни. Например, вот эта: «Цвет на-

строения синий» (как нос у алкаша?). Или: «Снова курю, мама, снова» (радуйся такой дочери, дорогая мама). Но песни, ладно, глупые отомрут, а хорошим, добрым и человечным песням суждена долгая счастливая жизнь. Жаль другого: хорошие профессии умирают. И в их числе, ни в чем, ни перед кем не повинная профессия, обозначаемая легко прижившимся французским словом – конферансье.

Нет в нашем искусстве больше потребности в авторах реприз, режиссёрах-постановщиках и, главное, мастерах-исполнителях шуточных и серьёзных концертных вставок – таких, как Борис Брунов, Михаил Гаркави, Лев Шимелов (кривлянье подражающих друг другу «петросяничков» не в счёт)... Остались лишь глашатаи – ведущие, способные громко, выразительно, почти не ошибаясь, объявлять имена и фамилии очередного выступающего.

Мне жаль. Словно что-то личное отщипнула от души новая монолитная эпоха, сменившая «век-волкодав». Но с этим уже ничего, видимо, не поделаешь. Как и с преждевременным уходом из жизни многих и многих детей войны. В том числе – моего брата. Мальчишки из поколения недодавших. Голодавших и холодавших. В чём-то отторгнутых и не признанных. Рано – не по возрасту и силам – впрягшихся в рабочую тележку. Что же. Простите и... прощайте, мсье-конферансье...

Александра НИКОЛАЕВА

Кукушка–пророчица

Из книги «Матеръ жизни»

* * *

Что ты плачешь кукушка-пророчица?
Отпеваешь кого в листопад?
А страдания – когда-нибудь кончатся,
С журавлями на юг улетят.

Только жизнь – испытанье немалое:
От рожденья нам слёзы даны.
Бродит ночь бесприютная, шалая
По исхоженным тропам земным.

Жить – как будто жонглировать гирями
И под куполом цирка взлетать,
И писать исключительно лирику
На страничку «в контакт» и в тетрадь.

Слушать звуки Девятой симфонии
И взрывать по-бетховенски свет,
Полюбить, отравиться полонием,
Если вас не полюбят в ответ.

Прирасти каждой клеточкой, намертво
К шири неба, лесов и полей,
О любви говорить лишь гекзаметром,
Как Улисс – об Итаке своей.

Жить – не выгодной куплей-продажею
Выторговывать место в раю,
А в ансамбле, космически слаженном,
Сохранить партитуру свою.

* * *

Приходит срок, и старые стихи
Ненужными становятся поэту,
Как если бы разлитые духи
И мятые вчерашние газеты.

Невыносима хрупкость бытия.
Как рвётся в пальцах
        дней пергамент ветхий...
Увядший плод на яблоневои ветке
Стремится ввысь, и с ним – душа твоя.

Душа, давно не знавшая тепла,
А только бесконечную усталость.
Когда весна нежданною была,
Она светлей и радостней казалась.

Стань Прометеем для чужих сердец,
Огонь вдохни в сосуд стихотворенья.
Единственное в мире утешенье –
Поэзия. И тем живёт творец.

Оттепель

Сегодня оттепель. В начале декабря
Мир объявил бойкот дождю и снегу.
Прекрасно от безумств календаря
Моим – по стихотворчеству – коллегам.

Печально смотрит Пушкин с высоты,
И, бронзовый, пусть мрачен Маяковский.
А мы идём на Чистые пруды
Читать стихи для голубей московских.

И на чугунных ножках фонари
Сверкают миллиардами оттенков.
Быть может, здесь гуляли до зари
Когда-то Вознесенский с Евтушенко.

И Ахмадуллиной прекрасные глаза
Смотрели так загадочно и строго...
Но возвратиться в те года нельзя.
Они прошли. Остались только строки.

А мы с тобой – наследники весны
Отцветшей и родной шестидесятых.
Мы с этою весной обручены,
Как дуб старинный – с медною оградой.

Моя душа

Седой Платон назвал её душой,
А ты зовёшь нелепою девчонкой.
Смотри, как в белом храме хорошо
Ей, навсегда от тела отлучённой.

В толпе на вечной паперти она
Стоит простоволосая, босая.
И смоляных кудрей её копна
Пожарищем горит, не угасая.

По пенью птиц и сопряженью слов
Она изучит детский лепет мира
И, не сносив железных башмаков,
Войдёт в мою унылую квартиру.

С тобой и мной присядет за столом,
Хлебнёт вина, соленьями закусит...
А там горит у дома под окном
Сирени торжество и россыпь бусин

Рябиновых. Я постелю постель
Подушками и тёплым покрывалом.
Она пришла сквозь тридевять земель
И, странница, моей душою стала.

* * *

Любить на расстоянии – удел
Души слепой, потерянной, несчастной.
Ты вечность разделить не захотел
Со мной, к тебе мучительно причастной.

Причастность... Это слово навсегда
Я и забыть, и запретить желала.
Любовь моя – студёная вода
Морозом жгучим душу мне сковала.

К страданию безмерному вела
Любовь моя – убийственная кара...
И лучше не принять такого дара,
Чем полюбить и догореть дотла.

* * *

Зелёная речная гладь,
Кувшинок стрельчатых соцветья.
Луне – русалок поднимать
Серебряной рыбацъей сетью.

Качает в колыбели Цна
Стрекоз и мелкую плотицу,
И в ней – такая глубина,
Что могут звёзды провалиться.

Посмертным лютикам расти
У медленной воды на стыке.
Шершавы ягоды в горсти
Совсем несладкой земляники.

Но это не предел земной
И терпкой жизни...
К солнцу ближе
Придут с утра на водопой
Две матки и телёнок рыжий.

* * *

Раскрыты окна в сад и зеркала,
Рояль массивный посредине зала.
В Ивановке весною расцвела
Сирень, какой на свете не бывало.

Резца и кисти, и карандаша
Ей чужды прихотливые движенья.
Цветка неуловимая душа
Лишь в музыке находит воплощенье.

Сирени белопенную волну
Творцу приносит звёздный сумрак мая,
Чтоб ночь не спать и слушать тишину,
В мелодию её преображая.

Рахманинов не отпускает рук
От клавишей рояля чёрно-белых,
И музыка окутывает тело
И дом, и сад, и целый мир вокруг.

Запечатлела нотная тетрадь
Рождение таинственного чуда...
И Мастер знал, что музыка повсюду
Весною будет на земле звучать.

* * *

На девственном снегу – на белом одеяле
Лишь пепел деревень, истерзанных огнём,
И кости мужиков, которые желали
Великой Правды здесь, в Отечестве своём.

Не правда их ждала, а горькая расплата,
Карательный поход, ордынская резня
И девять грамм свинца из трёхлинейки брата –
Врагов страшнее нет, чем кровная родня.

Мучителен и так удушлив запах гари.
Скелетов избяных где отыскать предел?
И кажется, дотла в Антоновском пожаре
Патриархальный мир крестьянства догорел.

Богатый чернозём окаменел от боли,
Кровавый пар идёт с прогалин к небесам.
Как в раненой земле на Бородинском поле,
Здесь больше не расти ни злакам, ни цветам.

Над речкой наклонив натруженную шею,
Надрывно конь заржёт у мертвенной воды...
Куда ни посмотри, Тамбовская Вандея
На годы, на века оставила следы.

Ода луку

Когда говорят, что «не хлебом единым»,
Не пище возносят хвалу...
Но горький зелёный родной Чиполлино
Пускай прорастает в углу.

И кажется рядом с геранью неряхой
Его непричёсанный вид.
С щедушного тельца снимаешь рубаху,
И хочется плакать навзрыд.

Но пред богачами в смиренном поклоне
Он спину свою не согнёт.
Он даже немного революционерен –
В душе навсегда санкюлот.

Из самой глубокой подземной темницы
Легко он сумеет сбежать.
Его не поймает, как быстрюю птицу,
И вся королевская рать.

Среди овощей он всегда пролетарий,
Камзола ему не сошьёшь.
Мы оду любимому луку подарим,
Пока он не ляжет под нож.

* * *

Из детства, как из платья, вырасти,
Потом – из времени и места...
По вечерам гудит от сырости
Несмазанная дверь подъезда.

И солнца голова немытая
В толпе, в маршрутке, без билета
Опять глядит в окно разбитое,
Расчерченное клейкой лентой.

И не спешит зима с гостинцами,
Но чуда ждать долготерпенья
Достанет. Города в провинции
Живут в отдельном измеренье.

Истрёпана, забыта книжица
О прошлых катастрофах века.
...Здесь время лишь
по кругу движется,
Не замечая человека.

Шиповник

В колючем и простонародном слове
Совсем невоплотима красота
Кустарника, проросшего на крови,
Которая лилась из ран Христа.

Копьём пронзённый римского солдата,
В страданиях Спаситель умирал,
И, поднебесным пламенем объятый,
Шиповник на Голгофе расцветал.

Большой пятиконечную звездою
В лучах кроваво-алых лепестков,
И полон беззащитностью такою,
Как лица у детей и стариков.

Евреи долго спорили о чуде,
А чудо есть у каждого в душе.
И тот шиповник возвратился к людям
Розеткой на соборном витраже.

* * *

Я часто прихожу в сосновый лес
Под вековую сень зелёных пагод,
Что стали многояруснее за год,
Так просто доставая до небес.

Где солнца бестелесные лучи
Спускаются в рябиновый подлесок
Сквозь кружево. И ягода горчит
И пурпуром горит церковных фресок.

Где с дерева, как мачты корабля,
Легко видна и необъятна птице
Сухая и песчаная земля,
Заросшая черникой и кислицей.

Где стынут капли золотой смолы
На ветках и прозрачен запах хвои,
И меж собой сплетаются стволы
И тянутся за утренней звездой.

Виктор ГЕРАСИН

Не остывай, родник горячий!

Биографический очерк о Викторе Герасине

Многие писатели, ставшие впоследствии известными прозаиками, начинали свою литературную деятельность со стихов. К ним относится и Виктор Герасин. Он родился 24 сентября 1939 года в рабочем посёлке Заметчино Пензенской области, но вся его сознательная жизнь связана с Тамбовским краем. Здесь он окончил среднюю школу и Котовский индустриальный техникум, затем – Мичуринский педагогический институт.

Немало профессий сменил Виктор Иванович, прежде чем стать писателем: работал автослесарем, кино-механиком, учителем, журналистом. Литературный дар начал пробуждаться ещё в школе: сочинения в стихах, первые пробы пера в местных газетах. С приобретением жизненного опыта стихотворения становились более значительными, стали появляться публикации в журналах, в коллективных книгах. В 1979 году в Воронеже, в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве, вышел первый стихотворный сборник Виктора Герасина «Один

денёк». Несмотря на небольшой объём, он вместил в себя стихи на разные темы: о Великой Отечественной войне, о природе и людях Тамбовской земли, размышления о человеческой сущности.

Работая над стихами, Виктор Герасин пробовал писать прозу. Ко времени выхода стихотворного сборника у него уже было написано несколько рассказов. Два из них – «Газета» и «Углы» – в 1978 году опубликовал московский альманах «Истоки». Молодой автор не остался незамеченным читателями и критикой. Его рассказы привлекали искренностью, свежестью восприятия окружающего мира.

В начале 1980-х годов произведения Виктора Герасина часто появляются в журналах «Наш современник», «Подъём». Первая книга прозы «Не помни зла» была издана в 1981 году. Потом одна за другой начали выходить книги повестей и рассказов: «Костёр на снегу» (1984), «Час туда – час обратно» (1986), «Алёна Большая» (1988). Не менее плодотворными стали для писателя и все последующие годы.

С 1988 по 1993 год Виктор Герасин возглавлял Тамбовскую областную писательскую организацию, затем перешёл на журналистскую работу – стал редактором Котовский городской газеты «Наш вестник». В 1999 году у Виктора Герасина вышло в Тамбове двухтомное собрание сочинений «Нравы, норовы», куда вошли лучшие его повести и рассказы.

Герои его произведений идут по жизни нелёгким путём, как, впрочем, и сам автор. Для них работа – это радостная необходимость, в ней они видят смысл жизни. Захар Иванович Слетков из повести «Не помни зла» говорит: «Работа – это хорошо. Наверное, человек жив до тех пор, пока вот так чувствует всего себя в работе. А отойдёт от неё – всё, это начало смерти...».

Точно так же думает и другая героиня – Анна Пе-

тровна из рассказа «Живут люди». Автор знакомит нас, когда Анна Петровна возвращается домой с работы. Ей радостно и грустно. Радостно потому, что честно отработала положенное, грустно потому, что теперь она – пенсионерка. Все будут спешить на работу, а она... «Анна Петровна представляла, как завтра к восьми часам в контору начнут сбегаться подруги, занимать свои столики. Перебросившись новостями, начнут извлекать из тумбочек толстые папки... А стол Анны Петровны будет впервые сиротливо пустовать, наводить пустотой этой на подруг тоскливое настроение. И каждая подумает невольно: был человек, работал рядом, а теперь нет его».

Проведя бессонную ночь, Анна Петровна пришла к твёрдому убеждению, что без работы – не жизнь. И утром, встав, как обычно, она «по выученной наизусть тропинке через сквер ровно без четверти восемь спешила к своему столу».

Необыкновенные судьбы героев, их живой, народный язык не могут не привлекать читателя. Автор умеет видеть в потоке событий главное, в людском потоке – интересные личности. Читая рассказ «Свиданье с Волгой», действительно идёшь на свиданье с просторами великой реки, с прекрасными людьми, умеющими увидеть и оценить эту красоту... Два тамбовских труженика, награждённые за хорошую работу путёвками в Волгоград, впервые видят огромную реку: «По каменным ступеням спустились к самой воде. Вода покачивалась, поталкивалась в камень малыми барашками. Ветерок гнал мелкую рябь поперёк реки с того берега. Присев на корточки, Толя опустил ладони в воду. То же самое сделал и Ваня... Молчали оба, долго молчали, вглядываясь в даль. Заговорил Толя, тихо так, под стать воде, заговорил:

- Вань, а ведь и из нашей Цны вода здесь. С наших

полей, лугов. Ты понимаешь это, Ваня? Дела-то какие, а? Она, поди, наша водичка, и в берег-то поталкивается. Вроде того, что земляков встретила. Радостная водичка...»

Это осознание причастности своей малой родины к огромной Отчизне возвышает в собственных глазах простых тружеников одного из тамбовских совхозов: они у Волги и на Мамаевом кургане вдруг почувствовали себя гражданами непобедимой страны, и это чувство теперь навсегда останется в них...

Продолжение темы – в рассказе Виктора Герасина «Час туда – час обратно». Он тоже о рабочем человеке, приехавшем из тамбовского села в Москву за покупками. Здесь он встречается с сестрой, давно ставшей столичной жительницей, с братом, прилетевшим из Саратова повидаться с роднёй. В застольном разговоре Петро (так зовут главного героя рассказа) с горечью почувствовал, что и брат, и сестра давно стали чужими, что своими они были только в детстве, когда он, мальчишка, закрывал своим телом брата от заставшего их на реке града, спасал от смерти маленькую сестру. Теперь перед ним были другие люди, забывшие деревенскую жизнь, говорившие о ней чуть ли не с презрением. Они летают на самолётах, у них свои интересы, никак не соприкасающиеся с интересами брата из деревни. Работяга Петро, выпивающий, иногда устраивающий жене скандалы, никогда не видевший реактивного самолёта, а уж тем более не летавший на нём, предстаёт перед читателем нравственно полноценнее учёного брата и москвички сестры. Оказавшись в аэропорту Быково, Петро, как мальчишка, не может оторвать взгляда от самолётов. Проводив брата, улетевшего домой, в Саратов, он вдруг почувствовал неодолимое желание подняться в небо. Вспомнил слова о преимуществе авиации в экономии времени: «И всего-то час туда – час обратно». И это желание взяло верх над всеми другими его

чувствами, и он берёт билет на самолёт, хотя знает, что на московской квартире сестры его ждёт жена, что надо ещё купить всё, за чем ехали в такую даль, и скорее возвращаться в родные тамбовские Овражки. Но не только в небесные просторы поднимается Петро, он поднимается над самим собой, над жизненной суетой. Душа его ликует: он, деревенский житель, летит на реактивном самолёте! Будет рассказывать землякам – так не поверят!

Но в небе Петро всё равно думает о земле, к которой прикипел всем сердцем, счастье он видит в семье, в труде. «Мне его останавливать приходится в работе-то, – говорит о нём жена. – Вижу, как сам не свой делается, если что тормозит работу-то, говорю: да не рвись ты, не рвись, или тебе больше всех надо? Куда там, его не остановишь и не своротишь».

В рассказе «Час туда – час обратно» читатель почувствует шукшинские интонации. Виктор Герасин бережно относится к традициям писателей-«деревенщиков», развивая эти традиции в применении к своим героям – жителям Тамбовской земли.

Многие произведения Герасина автобиографичны. Мы видим автора в его повести «Моя вина». Это воспоминания о войне, которых много можно найти в нашей литературе. Тема не новая, но тамбовский писатель внёс в повествование свежую струю, заставляющую по-новому осмыслить прошедшие годы всем, на чью долю выпало военное детство. Так и хочется сказать – «безрадостное». А почему, собственно, безрадостное? Были, были детские радости и в ту пору. Накормили досыта – радость. Письмо от отца с фронта получили – даже в избе становилось тепло, светло, радостно. А ожидание конца войны, ожидание возвращения родных и близких – разве не радость? Ещё какая! Хоть и тревожная, но радость. И герой повести «Моя вина»

Володька тоже испытывает это чувство. Детским умом он понимает, что люди в горе становятся ближе, стараются сделать для других что-то приятное, особенно для тех, кого война уже отметила похоронкой.

В произведениях Виктора Герасина отчётливо выделены женские характеры, а в повести «Моя вина» они особенно яркие. Это гадалка Вера, утешающая солдаток: вот, мол, карты показывают – живы, живы ваши мужья. А сама чёрную масть, сулившую слёзы, неприятности и потери, незаметно сбрасывала во время гадания в подол платья. Женщине, плохо жившей со своим Матвеем до войны, советует: «На мужа обиду не таи... Время нынешнее не то. Придёшь вот домой, подумай хорошенько, сядь за стол да опиши ему, как ждёте вы его, как надеетесь живым увидеть. Пальцы ребятишек обрисуй на бумаге, пусть он там порадуется. Он и воспрянет духом-то. В какое иное время можно и обиды помнить, а ныне забывать о них всем нам надо. Наружу добро надо выставлять. Добро. Оно одно хранит людей да на земле удерживает. Помни об этом, если себе и детям желаешь счастья...»

Это и бабушка Лагутиха, которая не утешает молодую женщину, получившую похоронку на мужа, а ругает её, мудро решив, что жалость и утешение в данном случае только расслабят вдову, а ей силы нужны, чтобы сына одной поднимать: «Лежишь всё? Ну, лежи, лежи! Как колода. На кого же малого оставить хочешь? Ты о нём подумала? Гляди-ко, посиврел весь. Не одна ты такая. Ишь, царица. Я вон в гражданскую осталась с четырьмя ртами и то в панику не дала себя. А ты...».

Самая главная героиня произведений Виктора Герасина – Доброта. Не случайно в каждом рассказе, в каждой повести незримо присутствует вопрос: как нам жить друг с другом – с детьми, с родителями, с соседями, с товарищами? По принципу: ты – мне, я – тебе, как молодой тракторист из

повести «От избы до избы», привозивший сельчанам хлеб и бравший за услугу «на бутылку», или как другой герой этой же повести, тоже тракторист, бескорыстно спешивший на помощь, не дожидаясь, когда об этом попросят? Так и идут рядом добро и зло. Вечная проблема борьбы между этими двумя жизненными категориями ставится и решается автором не «в любовую», не рассуждениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а через взаимоотношения людей, через их поступки. Некоторые подчас не ведают, что творят: беря плату за привоз хлеба, молодой человек рассуждает так: «Совесьть – штука вредная... да и толку-то в ней, в одиночной совести. Вот когда она общая, тогда, я понимаю, она – сила. Одиночная же – это отклонение от нормы, это называется дурью...»

А другой, с «одиночной совесью», Сашка-синяя рубашка, как он сам себя называет, потеряв много драгоценного времени, делает изрядный крюк, чтобы довезти до дома женщину, застигнутую пургой. И она, эта женщина, которой за минуту до встречи с весёлым парнем, был не мил весь белый свет из-за людской чёрствости, сидит в кабине трактора, как на празднике великом. И кажется ей, что всё злое осталось позади. Она словно очистилась Сашкиной весёлостью и добротой и смотрит теперь на белый свет совсем другими глазами.

Все лучшие черты характера русского человека как бы сконцентрировались в Алёне Большой – героине одноимённого рассказа. Потеряв на войне мужа и сына, она воспитывает чужого ребёнка. Эта полуграмотная женщина-крестьянка оказалась мудрой воспитательницей, тонко чувствующей всю сложность человеческих отношений. Приёмного сына она учит добру и милосердию, справедливости, ответственности перед людьми: «Ты, сынка, особо-то с людьми не задирайся... не обижай их, а они тебя не обидят

лишний раз; вам и без обид дел хватает; людей на зло не наводи, против тебя же оно обернётся...».

В каждом произведении, будь то рассказ или повесть, Виктор Герасин ненавязчиво подводит читателя всё к тому же вопросу. Но этот вопрос из частного – как нам жить друг с другом? – перерастает в общий, глобальный: как нам вообще жить в этом мире, где с добром соседствует зло?

Авторские сюжеты несложные: всё, кажется, лежит на поверхности; язык прост – мы слышим фразы, произносимые героями в общественном транспорте, в магазинах, на улице. За каждой фразой – живой человек, собеседник писателя и читателя. Но за простотой языка и сюжета скрывается подчас такая сложность человеческих отношений, которую нарочно не придумаешь, она – из жизни.

Вот простенький, на первый взгляд, рассказ «О чём ты, подружка?», повествующий о жизни двух женщин в доме престарелых. Бабка Катерина и бабка Настасья знают друг о друге всё: у Катерины сын благополучный, работает инженером, жена – экономист, дочка учится в институте. «И ты по своей воле ушла от них в дом престарелых?» – удивляется Настасья, очутившаяся здесь из-за безвыходного положения: сын у неё непутёвый, по кривой дорожке пошёл. Она и привела в тюрьму. «Но чую, – говорит мать, – образумливается он, прозревает. Слова-то хоть человечьи в письме появились...»

И вот ждут матери своих сыновей – обещали они на Новый год посетить их. «Благополучный» сын со знакомыми передавал, что приедет к матери первого числа, а «непутёвый» в письме написал, что освобождается из заключения и не позже первого числа будет у матери... Томительны часы ожидания. Женщины вспоминают прожитую жизнь, и через эти воспоминания мы знакомимся с их детьми. Бабка Катерина радуется, что её сын – не чета Настасьиному, но

боится она говорить о его благополучии, чтобы ненароком не обидеть подругу... Неожиданен конец рассказа: когда день уже кончился и стало ясно, что никто не приедет, вдруг дверь в комнату открылась, и дежурная сообщила, что в кофегарке сидит сын Настасьи («непутёвый!»), проделавший по морозу в лёгкой одежде немалый путь, чтобы успеть к матери в обещанный день.

Тонко, с глубоким проникновением в психологию героев, передаёт писатель безысходное горе матери, понявшей, что её сын, живущий неподалёку от дома престарелых, просто очерствел от благополучной жизни. И если Настасьин «непутёвый», отсидев положенный срок в тюрьме, начал прозревать, то Катеринин «благополучный» попал в иное заключение – чёрствости и бездушия, из которого выйти не так просто.

И плачет Катерина, «норовит удержать плач в себе, но это ей плохо удаётся... Не зная, что говорят в таких случаях, Настасья приподнялась на локоть и спросила: – О чём ты, подруга?» Не ответила Катерина. Да и что отвечать на этот вопрос, когда нет ответа на главный: как ей жить дальше?

Тревога за судьбы людей звучит и в повести «Мосты», в рассказах «Чёрный омут», «Изба с краю», «Под грозой», «Волки». Автору удаётся избегать монотонности и однообразия повествования. Он с любовью рассказывает о земляках, которых хорошо знает, потому что живёт с ними рядом, оценивает их поступки, болеет за них душой. Чувствуется, как дорога писателю каждая история, рассказанная в книге, как нравится ему язык сельчан. Он не придумывает специально колоритные фразы, не перенасыщает речь героев неологизмами. Язык героев – это язык самого автора.

Органично вписывается в произведения Виктора Герасина природа. Она не живёт у писателя какой-то самостоятельной, отдельной от человека жизнью. Правда, далеко

не все замечают её красоту. Как открытие воспринимает городской человек богатство красок леса, просторы полей, размеренную деревенскую жизнь. Такое чувство испытывает он, приехав на отдых в Листвянку – типичную русскую деревню: «Мне так и хотелось вслух воскликнуть: Боже ты мой, благодать-то какая!.. Хороший сентябрь в нашей средней полосе, та же нейтральная полоса года – между весной и летом, с одной стороны, и осенью и зимой – с другой. В нём есть всё от четырёх времён года: тепло и прохлада, увядание и цветение...».

И рассказчик, в душе которого всегда живо лирическое начало, с удивлением и восторгом описывает сентябрьское цветение какого-то «неведомого кустика»: «Вот-вот холода подступят, обжигающие утренники подрежут последнее тепло, повалят на землю с деревьев лист, а он – цветёт. Цветёт, невзирая ни на что! Что с ним? Поверил в осеннее тепло? Шутка природы? Нет, быть того не может, чтобы природа так шутила. Зацвести, когда всё вокруг увядает...Что это? Вызов? Непокорность? На это-то мне и не ответить никогда. Потому и принять надо просто, как должное: зачем-то это кому-то нужно...».

Раскрывая перед нами очарование русской деревни, автор находит такие словесные краски и образы, которые помогают отчётливее представить всё, что увидел он: «С полей летят высоко серебристо-слюдянистые паутинки. Земля отдаёт свой светлый дух, который накопился в ней за лето...» Но в рассказе «Чёрный омут» нет безмятежности, успокоенности. И не потому только, что трагически сложилась судьба его героев. Трагична судьба и самой деревни: она перестала существовать как «неперспективная». Много в Тамбовской области подобных Листвянок: были они на карте, а теперь их нет. Правда, остались их названия, собранные в книге краеведа Николая Васильевича Муравьёва (1906 – 1996 г.г.) «Трагедия тамбовской деревни» (Тамбов, 2004).

Прозаик и поэт Виктор Иванович Герасин продолжает плодотворную творческую работу: за последние годы, в том числе в 2009 году, к 70-летию писателя, вышла новая книга, изданы книги повестей и рассказов, в которых автор остаётся верен себе, – он пишет о людях, хорошо знакомых ему, об их судьбах; пишет неравнодушно, подчёркивая каждый раз с помощью художественных средств непреходящую ценность человека. Это к ним, своим героям, и к нам, читателям, обращается Виктор Герасин в одном из стихотворений:

Люди вы мои хорошие!
Я без вас – родник заброшенный...
Черпайте меня смелее,
Буду я ещё светлее.

Знаменательным оказался для Виктора Герасина и 2012 год: ему вручён Почётный знак Русского общества имени А. С. Пушкина, действующего во Львове, на Украине. В удостоверении к знаку написано: «За большие заслуги в развитии русской культуры, создание высокохудожественных литературных произведений международного уровня, укрепляющих гуманизм, лучшие человеческие качества, писатель Виктор Иванович Герасин награждён Почётным знаком Русского общества им. А. Пушкина». Этому предшествовал выход книги о нашем земляке украинской журналистки Светланы Демченко «Философия “выживания” в творчестве Виктора Герасина».

Писатель скончался 5 января 2016 года в Котовске. Несмотря на тяжёлую болезнь, Виктор Герасин до конца дней общался с теми, кто был ему дорог, с кем связан был его жизненный и творческий путь...

Валентина ДОРОЖКИНА,
член Союза писателей России

Виктор Герасин

Чёрный омут

Рассказ

Установился тёплый сентябрь. Было немного свободного времени, и я поехал в незнакомую мне Листвянку, надеясь отдохнуть, побыть наедине с собой, подумать, а заодно и порыбачить по малой, как у нас говорят.

По совету приятеля остановился у Евдокии Фёдоровны Зотовой. Женщина лет шестидесяти с небольшим, в меру высокая и полная, подвижная, работающая. Праздно посидивающей я её не видел. Если она и отдыхала, то на ходу: остановится на крылечке, поглядит минуточку-другую в один конец села, в другой и, будто спохватившись, вновь побежала, покатила по двору, по огороду.

Домик её невелик, но ухоженный, ничего лишнего в нём нет, а поэтому кухонька и горница кажутся светлыми и просторными.

Евдокия Фёдоровна держит скотину: корова, телок этого года, овечки, птица. Как в большой семье, а она одна управляет. И огород у неё завидный, сорок соток, большую часть которого она засеивает овсом на корм скотине. Сама же себе и рыбку добывает. Мне впервые довелось увидеть, чтобы пожилая женщина так ловко, со знанием дела ловила рыбу. Много времени этому занятию она не уделяла. Приходила к омуту, сноровисто налаживала удочки и работала, как она говорила об этом. Мне же казалось, что рыба сама поджидает её, знает, кому достанется, и с удовольствием цепляется на крючки.

В первый день, когда состоялось наше знакомство и когда мы уже сговорились о жилье и столе, Евдокия Фёдоровна спросила меня:

– Отдохнуть решили?

– Да вот... – Я никак не ожидал подобного вопроса. Евдокия Фёдоровна, спрашивая, как мне показалось, чуть усмехалась уголками губ. Она будто заранее предвидела, что я ей отвечу.

– Надо бы, конечно. Время выдалось...

– А отчего же это вы все устаёте? – уже прямо спросила Евдокия Фёдоровна.

И я, прежде чем ответить, спросил себя: «Правда, отчего это мы так устаём?» Прикинул: от работы? Вроде бы нет. Что работа? Выполнил, что тебе положено, не злыдничай, не мельтешишь... Тогда что же, семья? Тоже вроде бы нет. Веди сам себя ровно, спокойно, без особых вывихов – и в семье будет лад: Так что же?

– Не знаю, – откровенно ответил я. А что я ещё мог ответить? Да чтобы понять, отчего устал человек, – надо снова всю жизнь его прожить. И тогда, наверное, не поймёшь.

– Не исключено, что от себя.

– А что? Вполне может быть, – согласилась Евдокия Фёдоровна. – Всё от себя. И бодрость, и усталость. И печаль, и веселье.

Какой человек даст настрой своей жизни, такой она и будет у него. Истинно: всё от себя.

Евдокия Фёдоровна сводила меня на Чёрный омут, посоветовала, где лучше всего обжить местечко для ловли.

Омут был почти правильной круглой формы метров двадцать пять-тридцать в диаметре. Назывался он Чёрным, но название никак не вязалось с его видом – вода в нём была лёгкой, светлой. Может, это к осени она просветлела от холодноватых зорь? Или уже успела отдать чернь свою сентябрьскому ночному небу?

Омут лежал в густом окружении тальников. Между краем воды и краем тальников, как нейтральная полоса, по

всей округности тянулась метровая бровка белого, почти не тронутого следами песка.

Оглядываясь вокруг, привыкая к новому месту, к тишине, мне так и хотелось вслух воскликнуть: боже ты мой, благодать-то какая! Жить-то как хорошо!

Хороший сентябрь в нашей средней полосе, та же нейтральная полоса года – между весной и летом, с одной стороны, и осенью и зимой – с другой. В нём есть все от четырёх времён года: тепло и прохлада, увядание и цветение.

Даже цветение. Это я увидел на полянке в тальниках. Какой-то неведомый мне кустик, такая метёлочка в четверть метра высотой, стоял под тальником и по-весеннему цвёл бело-розовым мелким, но обильным цветом. Вот-вот холода подступят, обжигающие утренники подрежут последнее тепло, повалят на землю с деревьев листья, а он – цветёт. Цветёт, невзирая ни на что! Что с ним? Поверил в осеннее тепло? Шутка природы? Нет, быть того не может, чтобы природа так шутила. Зацвести. Когда всё вокруг увядает... Что это? Вызов? Непокорность? На это-то мне и не ответить никогда. Потому и принять просто как должное: зачем-то это кому-то нужно. А раз так, то пусть оно так и остаётся. Не обязательно же обо всём и во всём с человеком совет держать.

Тихо. Тепло. Солнечно. Комар потерял былую злость. А тот, который остался, сделался неповоротливым, толстым, ленивым. Листья на тальниках заметно рыжеют, расцвечиваются. С полей летят высоко серебристо-слюдянистые паутинки. Земля отдаёт свой светлый дух, который накопился в ней за лето...

Вскоре я обжил место своего отдыха. Мне казалось, что я давно здесь, никуда не уезжал в погоне за призрачным счастьем, не знал никаких каменных клетей, а ноги мои не ступали по городским дорогам и тротуарам.

Выдернув из глубины омута десятка два подлещиков,

как ладошки, и такой же длины краснопёрочек, но поуже и потолще, чем подлещики, горбатых окуньков, я глядел на серебристо-красноватый кукан, пробовал его на вес, ощущал себя вполне удачливым человеком. Не избалованный большими уловами, так как до этих дней рыбалкой серьёзно не занимался, а если и посиживал с удочкой на бережку возле города, то, кроме пятака ершей, никогда не выуживал ничего иного, я приобретал уверенность в себе. Думалось даже: случись что со мной непредвиденное, окажись я без крова и куска хлеба – не пропаду. Приеду вот в эту самую Листвянку, остановлюсь у Евдокии Фёдоровны, буду полавливать рыбку и жить припеваючи. А что? Много ли человеку надо? Да мне же земля не даст пропасть! Чего только не нафантазируешь в тишине и одиночестве!

Евдокия Фёдоровна поглядела на улов и, по-моему, осталась довольна. Сказала:

– Не густо, но и не пусто. Ущипу, значит, похлебаем. И то добро...

Когда клёв прекращался, я сматывал удочки, засовывал их в потаённое место подальше от постороннего глаза и отдыхал на небольшой полянке-прогалине. Вытоптав подсохшую траву, отвёл склонившиеся кусты в сторону и захлестнул их один за другой. Расстелив плащ-накидку, я ложился на нее навзничь, раскидывал широко руки, глядел в бескрайнюю глубину неба, подставлял ровному солнечному теплу лицо и надолго замирал...

На противоположной стороне омута в кустах что-то затрещало, захряпало. Я не пошевелинулся, но скосил глаза. В просветы мне хорошо видна была противоположная сторона. Из тальников, низко нагнув голову, выломился лось. Не останавливаясь, не осторожничая, он полез в воду, подымая её ногами, как одеяло, баламутя песчаное дно. Вошёл выше колен и, когда губы его коснулись воды, остановился,

принялся пить. Я видел, какие крупные глотки он делал, мне было даже слышно, как вода поуркивает у него в горле.

«Как здоровенный мужик после тяжких трудов дорвался до воды», – приподнявшись на локоть, удивлённо и восторженно наблюдал я впервые в жизни за лосем. Так и казалось, что лось, утолив немного жажду, начнёт загребать передними копытами воду и поливать себе на голову.

Вынимая морду из воды, лось оглядывался, будто поджидая кого, а с губ его стекала вода, искрясь под невысоким солнышком. Наконец он вышел на песок, отфыркнулся. И только тут из тальников вышла лосиха. Значит, он поджидал её, нетерпеливо поглядывая. Оглядев его, лосиха прошла к воде, но в том месте, где только что пил он, пить не стала, отошла метров на пять влево, где вода была чистой. Наверное, не замочив передних копыт, вытянувшись в струнку, припадая на колена, она аккуратно дотронулась губами до воды. И будто не пила, а ласкалась к воде, легонько поводя губами по ней туда-сюда. А он стоял на песке, повернув голову в её сторону и нетерпеливо дожидаясь, когда же она напьётся. Всем видом своим он будто спрашивал: ну, скоро ты там?

Лосиха оторвала губы от воды, коротко взглянула на хозяина и, наверное, отозвалась: сейчас... Лось ждать не стал, недовольно фыркнул, тряхнул головой и полез в тальники, не выбирая пути.

«Надо же, будто перед выходом к воде поругались, А что? Может, и поругались. Кто же знает, как там у них меж собой».

Лосиха напилась, отошла от воды, изогнулась в одну сторону, в другую, полизала бока и пошла! Она будто протекла между тальниками, не задевая их.

«Ну и мужик, – тепло улыбался я, радуясь такой необычной встрече. – Что ж это он такой сердитый? Чем она перед ним виновата? А вообще-то, чем виноваты все женщины перед мужчинами? У мужика плохое настроение, а

жена виновата. Вот и у него, наверное, то же самое. Пыхтит, ворчит, дуется, сам не зная с чего. А она? Вот хитрущая! И любит, наверное, своего рогача больше всего на свете. Больше самой жизни».

Вернувшись домой, я всё еще был под большим впечатлением от увиденного, рассказал об этом Евдокии Фёдоровне.

– Знаю таковых, – не удивилась она, а даже напротив – восприняла мой рассказ как что-то очень уж обыденное, примелькавшееся. – Наши. А он-то... Сердитый, говоришь? Натуристый такой, скажу тебе. От натурастости своей и в добром расположении духа никогда не бывает. Так-то вот. А в прошлом лете... – Евдокия Фёдоровна легко рассмеялась. – В прошлом лете корову мою замучил. Она у меня молодая, всего третьим телком. Вот он и приударил за ней. Ну, никакого проходу не давал.

Так и поджидает где-нибудь в сторонке. Хоть со двора не выпускай. Гуляй с ним – и никаких отговорок! Какой мошенник.

– Как это? – не понял я о чём говорит Евдокия Фёдоровна, вернее, не поверил в её слова.

– Как есть, так и говорю. Гуляй с ним.

– Да быть такого не может!

– А почему не может? Понравилась. Чего ж тут... Это дело такое, обыкновенное.

– Ну а лосиха? – спросил я, думая, что Евдокия Фёдоровна разыгрывает меня и сейчас примется рассказывать, как лосиха ревновала.

Но Евдокия Фёдоровна ответила просто:

– А что лосиха? Её дело женское – терпи. Нагуляется – придёт. Иль, скажешь, у людей так не бывает? То-то же...

Теперь я стал ежедневно поджидать лосей у омута. Но они что-то не появлялись. А мне хотелось посмотреть на них хоть ещё разок.

В то же самое время лежал я на той же полянке, отваливаясь от омута, грелся под солнышком. И вдруг мне показалось, что в кустах напротив кто-то есть, кто-то пробирается к воде. «Они!» – насторожился я. Но увидел совсем неожиданное. Из тальников на песчаный ободок вышла женщина лет тридцати пяти. Это меня изумило больше, чем если бы пришли лоси. «Кто такая? Откуда? В Листвянке я что-то не встречал её?»

Хорошо по-женски сложенная, с чистым открытым лицом, высоким лбом, с чёрными до блеска волосами, туго зачёсанными и уложенными в пучок на затылке, она никак не вписывалась в моё представление о жителях Листвянки. Нет, она наверное, приехала сегодня к кому-нибудь из здешних.

Я глядел на неё, и мне делалось не по себе. Вспомнилась купринская Олеся. «Вот тебе и тихий уголок. Скажи, какая красавица. С ума сойдёшь».

Женщина сбросила белые туфли на низком каблуке, подошла к воде, присела тихонько, будто опасаясь, опустила ладони в воду и медленно, словно поглаживая кого-то живого, водила ими по воде. При этом так легко улыбалась, так светилось теплом и добротой её лицо, что мне невольно подумалось: рядом с ней, или где-то совсем близко, кто-то есть еще. Не одна же она, если так ведёт себя. Но нет, поблизости никого не было.

Подняв глаза от воды, женщина поглядела внимательно в мою сторону. Мне показалось, что она или видит меня, или знает, что я слежу за ней. Хотя откуда же она могла знать, что я слежу за ней? Она будто спрашивала меня о чём-то таком, на что я никогда в жизни не смогу ни ей, ни себе ответить.

Наконец женщина вздохнула, закинула руки за голову, поправила волосы, обулась и тихонько скрылась в тальниках. Я выждал, насколько у меня хватило терпения, под-

нялся, собрал свои вещички и, почему-то крадучись, пошёл домой. С чувством, что всякий нарушающий здесь тишину звук будет лишним, я и в дом вошёл. И в доме со мной творилось то же самое. Это заметила Евдокия Фёдоровна. Спросила, пристально приглядываясь ко мне:

– Что-то ты ныне не такой, как всегда? Иль уж беда какая у тебя? А? Ты мне скажи, не таись.

– Да нет же, никакой беды со мной, – сказал я тихо. И подумал: «А была ли она? Уж не привиделось ли мне? От этой тишины, от этого покоя все может показаться». Но я решился и рассказал Евдокии Фёдоровне все, что видел.

Евдокия Фёдоровна перебирала возле крыльца картошку. Она не перебивала меня, но я заметил, как несколько раз отвлекалась от работы и посматривала через левое плечо в конец Листвянки. А когда я закончил свой рассказ, поднялась, ополоснула в кадushке руки.

– Вот оно как. Это ты про Маринку рассказал-то. Больше в том месте нашим быть некому. Это она. Пойду схожу к ней. Ей ведь никак нельзя ходить к омуту-то. А она, вишь ты, ходит. Пойду я...

Евдокия Фёдоровна спешно пошла к крайним избам. Но вернулась скоро и успокоенная.

– Дома. Пришла и спать легла. Ну, это всё ничего. Ничего...

Я не успел расспросить Евдокию Фёдоровну, хотя мне очень хотелось узнать, кто же такая Маринка и почему ей нельзя ходить к омуту. Почти следом за моей хозяйкой пришёл мужчина, которого я здесь ещё не встречал.

Поздоровались не за руку, как это принято у нас, а кивнули друг другу молча.

– У вас не найдётся закурить? – Мужчина коротко взглянул на меня, но тут же отвёл глаза в сторону. – Ещё утром обещали завезти, и вот до сих пор нет. Беда с этим куревом.

Я сходил в дом, вынес нераспечатанную пачку сигарет:

– Возьмите. У меня пока запасец есть.

– Спасибо. Сразу видно, что человек городской, щедрый. Ну да я с отдачей. За мной не пропадёт. Вот уж выручили, так выручили. Я уже и листья-то сухие шелушил с картофельной ботвы. Да что там! Во рту жжёт, в горле першит, а табаком и не пахнет. – Прикурив сигарету, мужчина сел на ступеньку крыльца. – Ну вот и хорошо. Николаем меня зовут.

Наблюдая за Николаем, я не мог поверить, что он истосковался по куреву. Сигарета явно не была ему так желанна, как разговор. Затягивался редко, неглубоко, больше пуская дым вхолостую.

– Вам, наверное, кажется, что мы тут дико живём? – спросил Николай и, не вслушиваясь вовсе в мои возражения, продолжил: – А мы, однако, хорошо живём. Куда как хорошо. Вот хозяйка ваша не даст мне соврать. Мало нас, правда, осталось в Листвянке, но – живём. А куда деться? Надо жить. Вот мы с Мариной...

Тут вмешалась Евдокия Фёдоровна, спросила Николая:

– Как картошка-то? Много накопал?

– Пропасть картошки. Говорили, что на этой неделе приедут в закуп братья. Надо сдавать. Ты-то как?

– Чего ж её беречь да пестать туда-сюда, надо сдавать. Приехали бы, главное. Самой-то мне ее не отвезти.

– Да вот и мы с Мариной...

И снова Евдокия Фёдоровна перебила Николая:

– Со сселением-то как? Ты там поближе к начальству бываешь. Какие слухи?

– А никаких. Поговорили и забыли. Да мы и не собираемся с Мариной. А силой сселять – у них прав нет

таких. Мы законы тоже знаем маленько.

– Нас так и спросят, – возразила Евдокия Фёдоровна. – Всяко уж видали.

– Ну... Спросят. Куда ж они денутся. Только мы с Мариной никуда. И точка. Ладно, пойду я. Дел полно. Пока вам. А за табак пребольшое спасибо. Должник я ваш.

Николай ещё раз взглянул на меня, теперь попристальней. Я увидел его глаза. И сделалось мне неприятно. Точно такие же глаза, подёрнутые светло-синеватой дымкой, я уже видел однажды. В них не было ни злости, ни страха, ни осуждения, ни испуга, лишь эта мертвенно светло-синяя дымка.

Николай медленно уходил к крайним избам, я глядел ему вслед недоумённо.

– Больной, что ли? – спросил я хозяйку.

– Особый человек. Он завсегда так: как только новый кто является в Листвянку, мужик какой, он тут как тут. Это ещё что-то поздновато тебя навестил. И начнёт расписывать: мы с Мариной да мы с Мариной... Боится всё, как бы кто не загляделся на неё, не позавидовал.

– Он муж, что ли?

– Погубитель. И себя, и её сгубил. А так мужик мастеровой. Руки золотые. По дереву хорошо работает. Числится в колхозе, но работу всю выполняет на дому. Тару делает. Кадушки, ящики. Его работа славится. Помогите-ка мне.

Евдокия Фёдоровна принесла мешки, и мы вдвоём стали заполнять их картошкой.

– Добрая, – похваливала картошку Евдокия Фёдоровна. – Эта хорошо зиму-то полежит. Бог дал посуху убрать. Видишь какая? Будто смеётся вся.

Перетаскав мешки под крышу, мы присели на крыльце отдохнуть. И тут мне Евдокия Фёдоровна поведала о жизни Николая и Марины.

– Родились они в одном году. Жили рядом. Николай без Маринки сызмальства дыхнуть не мог. В школу вместе бегали. За одной партой сидели. Пока маленькие были – всё вроде бы и ни чего, незаметно как-то проходило то, что они вместе и вместе. Но подросли. Где она – там и он. Куда она – туда и он. Подсмеиваться стали: жених и невеста. Ему хоть бы хны, а Маринка – в слёзы. А он знай, преследует её, из вида не упускает. Она одна у матери. Отца нет, погиб в войну, заступиться за нее некому. Никто и не отвадит его. А может, и не отвадили бы. Как знать. Беда девке. Из себя она сделалась видная, красивая, а он – так себе, плюгавенький, а настырный. Сам отец на него руку подымал. Кнутом бил: отстань от девки. Он ни в какую. Молчит. Слова из него не выбьешь. Так шло у них до его ухода в армию.

Она вроде бы и освободилась от него, но недолго гуляла. Приехали солдаты на машинах свёклу вывозить, а один из них, Костя, и уговорил Маринку замуж выйти. Служба его кончалась. Ехать вроде бы некуда ему. Так тут и остался. Поженились. Всё честь честью. Пара завидная вышла. Заглядение одно. Мальчик у них родился. Олежек. Вот сколько живу на белом свете, а детей таких видывать не доводилось. Глаза большущие, круглые, волос кольцом крупным идёт. Жить бы им да жить. Да Костя-то оказался парнем с изьянцем. Шофёром работал, погулять любил. То там у него залётка окажется, то здесь. Марина терпит.

Николай отслужил и домой вернулся. Думали, отвык он от неё за три года-то. Да и замужняя она теперь. С дитём. А он – нет. Глаз с неё не сводит. С той поры и работу надомную завёл себе.

Люди есть люди. Над Костей подсмеиваться стали, на соседа намекать. И вроде бы уже где-то видели Маринку с Николаем. Костя – голова горячая. Скандал у них пошёл.

Он грозитя: убью этого прокажённого! Стал Маринку притеснять: давай уедем отсюда. А Маринке ехать никак нельзя, мать к тому времени уже лежала. Куда её повезешь?! И одну не оставишь. Другая, может, и оставила бы на кого-либо, а Маринка – нет. С тем и разошлись. Костя куда-то на Север завербовался. С тех пор о нём ни слуху ни духу. Маринка одна растила Олежку, с Кости копейки не получала.

Олежек этот удался всем. Ни страха в нём, ни стеснения какого-либо. Лет пяти был, когда потерялся. И в полдень нет, и к вечеру нет. Маринка в обморок падает, чувств лишается. Головой о землю бьётся. А мы всем селом ищем его и найти не можем. Все колодцы прощупали, все омута излазили, на чердаках глядели, в сараях – нет малого. Как в воздухе растворился. Участкового вызвали. Тут кому-то в голову дурная мысль пришла: а не Николай ли какую беду сотворил над малым? Всем жутко от такого предположения стало. Пришли к нему. Маринка-то так и кинулась перед ним на колени, умолять стала, просить: скажи. А он побледнел, как лист бумажный, трясётся весь. Но собрался с духом, сказал: «Нет моей вины. Верьте слову».

И правда, не было его вины. Нашёлся Олежек. Тут сразу за огородами кукуруза росла. Огромное поле. В грудь мужику дюжему. А он малец, от горшка два вершка. Ушёл в кукурузу и заблудился в ней. Ведь ночь ночевал там. Голос весь сорвал, кричал. А вышел всё же. Совсем в другой стороне. Наткнулись на него, привезли. Ничего, отошёл, забыл о случившемся. С него всё, бывало, как с гуся вода. Веселый. Поёт. Пляшет. В школу пошёл – ничуть не изменился. Ему бы только забавляться, только бы веселиться.

После, когда его не стало, я так подумала: он, видно, смерть свою чувствовал. Потому ничего серьёзного к нему на ум и не шло. Потому и радовался так жизни. А такие долго не живут.

Лет двенадцати утонул он. Побежал с другими ребятами купаться. С разбегу нырнул и угодил головой в песок. Весь остов стронул в себе. Позвоночник не выдержал, разошёлся. Так и не выплыл наверх, остался на дне лежать. Пока извлекли его из воды – уже не смогли спасти.

Олежку схоронили, а следом и мать Маринкина убралась. В одно лето два гроба. То семья была, а то одна осталась. Сердце звериным будь – не выдержит. Вот с тех пор Маринка сердцем-то и мается. Бывает, подолгу лежит. Николай в это время ходит за ней. А подыметесь она от болезни и спасибо ему не скажет. Он же ничего, доволен. Как же, теперь они вместе. Боится только пришлых. Вот и тебя навестил...

Настроение моё испортилось, я просил:

– И как же они теперь? Чем же всё это кончится?

Евдокия Фёдоровна посмотрела на меня, промолчала...

После той осени я ещё два раза бывал в Листвянке. Там ничего не менялось. Жили какой-то своей, особой, замеревшей жизнью.

Потом у меня был перерыв года в четыре. А оказавшись случайно на центральной усадьбе колхоза, в который входила Листвянка, я поинтересовался: как она там?

– Никак, – ответили мне. – Листвянки больше нет. Оставшихся людей переселили, теперь они живут на центральной усадьбе.

Я спросил об Евдокии Фёдоровне. Мне показали домик, где она жила. И я зашёл к ней. Она меня сразу узнала. Засуетилась. Задвигала табуретки, приглашая сесть к столу. Постарела, усохла как-то вся, поубавилась.

– Чаем буду угощать. Теперь по-городскому. Всё. Парного молочка не предложу.

Разговорились. Вспомнили обо всех.

– Марины и Николая нет уже в живых. В самом начале зимы плохо ей стало, и больше не поднялась. А недели две спустя и Николая нашли в избе мёртвым. Врачи заключение дали: угорел. Трубу, видно, рано закрыл. А там кто ж его знает, как это получилось?! Да, жизнь – она всякая. У каждого своя. Пойди подступишь к чужой-то, разберись в ней. Свою не оглянешь и не поймёшь, а уж о чужой и говорить не приходится.

А что Листвянка? Была, и нет теперь...

Людмила КОТОВА

Как жаль, что не вернуть ушедший миг...

Избранные стихи

* * *

Можно не верить в чудо,
Не признавать приметы,
Не ощущать, что будет
С кем-то, когда и где;

Спутать своё незнание
С верным на всё ответом,
Не доверять желанье
Падающей звезде.

Мысль принимать такую
В качестве, разве, шутки,
Словно бы ложь пустую
Кинули на весы.

Можно всему не верить...
Только вот дважды в сутки
Время покажут верно
Сломанные часы.

* * *

Осень. Сентябрь. Скоро жёлтые листья
Разбередят монотонность травы.
Будут хвостами пушистыми лисьими
В соснах светиться берёзок стволы.

Сменятся краски, изменятся звуки.
День ото дня перемены быстрее.
Пахнет дождями сентябрь и разлуками
С клином летящим на юг журавлей,

С садом цветущим и радугой в небе,
С солнечной, радостной летней порой...
Осень. Сентябрь. В луже – лист жёлтым лебедем.
Жизнь равномерной идёт чередой.

* * *

Мне приснилась душа
В чёрном шелковом платье.
Показалось – твоя.
Показалось – болит.
Но, тревогу глуша,
Вдруг смутило понятие.
Словно слышала я,
Будто кто говорит:

«А мужская душа
Тоже женского рода?»
Ну, к чему в полусне
Этот странный вопрос?!
И нелепо решать,
Какова же природа

Тех видений, что мне
Разум мой преподнёс,

Неслучайно смешав
В сновидении спорном,
Смысл как будто тая,
Пряча истинный вид.
Но я знала – душа.
Но я видела – в чёрном.
Понимала – твоя.
Понимала – болит.

* * *

По улицам города тёплой метелью
Пушинки деревьев беззвучно летели.
Бежали позёмкою по тротуарам,
Сугробом ложились под тополем старым.

Кому-то мешали, кого-то смешили...
Но всё-таки люди однажды решили,
Что в городе грязно, что в городе душно,
Что городу белое чудо не нужно.

Деревья признали источником пыли
И все до единого искоренили.
Посадят взамен тополиной аллеи
Медовые липы, колючие ели.

И будет красивым, и будет зелёным,
И будет не пыльным ландшафт обновлённый.
... Но жаль, не увидят теперь наши дети,
Как пух тополиный кружит летний ветер.

**Тем, кто согласился с принципом жизни:
«Человек человеку волк»**

Как часто слышу: ты не знаешь жизни,
Ты видишь мир сквозь розовые стёкла.
Уверены в правах на укоризну
Смотрящие на жизнь глазами волка.

Вам не понять, как можно без обмана
Прожить среди сограждан, вам подобных.
А я меняться всё равно не стану
Лишь потому, что так другим угодно.

Вам хочется, чтоб я не отличалась.
Вам завидно, быть может, что сумела?
Сумела, будто грязь не замечая,
Остаться – нет, ну не пушисто-белой,

Грехов за жизнь я тоже накопила, –
Но в душу злобу допускать не стала,
Пусть чувствую себя порой бескрылой,
Опустошённой от обиды малой.

Наверное, пригодней к жизни вашей
Хамелеон с меняющейся кожей.
Не вписываюсь в мир интриг и фальши? –
Но и для вас мой мир неведом тоже.

* * *

Рождённая под знаком Близнецов
Двулика? Или, всё-таки, двулична?
На два сознания – одно лицо.
На две души – единое обличье.

Она и добродетель, и порок.
Красавица – и «серенькая мышка».
Умна и дальновидна, как пророк, –
И так глупа, что это даже слишком.

А как щедра, а как скупа она!
Заботлива – и слепо равнодушна.
В ней и самодовольство, и вина.
Она бунтарка – и судьбе послушна.

Сегодня – «нет», а завтра – «может быть».
Вчера – «не нужен», а сегодня – «где ты?».
В непостоянстве стоит ли винить
Отмеченную звезд двоящим светом,
Рожденную под знаком Близнецов?

* * *

Вечерами в метро, отражаясь от стен,
Поднимаясь до каменных сводов,
Отдавая себя в этот мраморный плен
Оживлённых толпой переходов,

Льётся музыка. Ей бы уместней звучать
В атмосфере концертного зала.
Но идёт музыкант в подземелье опять,
Чтобы нищенкой скрипка взывала.

* * *

На старость намекают зеркала,
И тесными становятся одежды.
Ждала её – и всё же не ждала.
Но никогда уже не стану прежней.

Порой безумно, беспросветно жаль!
Порой смирюсь. Порою вновь бунтую.
И страшно заглянуть вперёд и вдаль.
И грустно вспомнить молодость былую.

Ну, разве что поразмышлять в тиши
И выдать мысль такую в утешенье,
Что возраст показать моей души
Зеркальное не может отраженье.

* * *

Начните жизнь сначала
Без слёз и сожалений.
Там, впереди, немало
И взлётов, и падений.

Там, вроде бы, всё то же:
Хорошее, плохое...
Но словно вы моложе
Становитесь душою,

Когда, оставив в прошлом
Ошибки и провалы,
Поверите, что можно
Ещё начать сначала.

* * *

Мне б укутаться в объятия
Ласковых и тёплых рук,
Сбросив траурное платье
Из печалей и разлук;

Снять запреты, словно шпильки
Вынуть из узла волос.
И отдаться страсти пылкой.
И испытать восторг до слёз.

* * *

Вчера буквально, вопреки весне,
Над садом хлопья снежные кружили.
Казалось, что в прозрачной тишине
Рой бабочек свои расправил крылья.

Их приняла раскрытая ладонь
Земли, освободившейся от снега.
И только чернота древесных крон
Весне осталась слабою утехой.

Ну а сегодня – снова солнца свет.
И вдруг над белизной, накрывшей землю, –
Живая бабочка зиме в ответ
Впорхнула, снег и холод не приемля.

* * *

Как трудно молчать, не смотреть, не касаться,
Как трудно к тебе равнодушной казаться;
Зачем-то идти против сил притяженья
И этот обман называть достиженьем.
Беззвучно страдать от невольной ошибки,
Но жить в ожиданье секундной улыбки,
И быть благодарной послушному снегу,
Что дал сохраниться знакомому следу.

* * *

Ах, какая наступила тишина!
Я забыла. Я забыта. Я одна.
Не тоскуя, не тревожась, не любя,
Без волнений, без сомнений, без тебя,

Отгорожена невидимой стеной,
Наслаждаюсь наступившей тишиной.
Как парящая снежинка в пустоте,
Как спокойное дыханье в темноте.

Я забудусь в равнодушно-сером сне.
Но из мира, где так больно было мне,
Разрушая оболочку тишины,
Ярким светом ты ворвёшься в мои сны.

* * *

Прикоснуться к тебе хоть голосом –
И почувствовать твой в ответ.
О земном говорить, о космосе –
Знаешь, мне ведь разницы нет.

И душою, как губкой, впитывать
Тень присутствия твоего.
Только рядом со мною был ли ты?
Или не было никого?

* * *

Снять бы с сердца замок – пусть откроется –
И любовь отпустить за околицу.
Пусть летит легкокрылою бабочкой,
Пусть цветком распускается сказочным.

Хоть судьба ей дана скоротечная –
Разве право на жизнь лишь у вечного?
Отказаться ли можно от радуги,
Хоть всего лишь мираж сердце радует?

* * *

Осенний день в неисчислимом круге
Вращения пространства и времён.
В порядке неизменном друг за другом
Идёт за летом осень. И закон
Един для всех: в паденье жёлтых листьев,
В том, что растают по весне снега,
В последствии холста касанья кистью,

В гармонии звучания стиха –
Законченность рождает бесконечность.
И нет того, кто истину постиг.
Как хорошо, что жизни время – вечность.
Как жаль, что не вернуть ушедший миг...

Сергей БЕРЕЖНОЙ

Ветка жасмина

Рассказ

Памяти Марата Мусина

Сначала в комнату вошла весна, закутанная в пьянящий запах жасмина, и скверное настроение бросилось прочь и затаилось в мрачных углах дворцового зала. Впрочем, нет, ирреальное ощущение весны и света пришло потом, а в настоящем был бывший президентский дворец в самом ваххабитском районе Дамаска. И была ночь – густая и вязкая, с бродящим по узким улицам древнего города страхом. Он жил сам по себе, слабея с рассветом и вновь возвращаясь к вечеру, торжествующе наваливаясь так, что сдавливало дыхание, но никогда не покидал город насовсем.

А что запах цветущего жасмина? Он ощущался всегда и везде: днём едва пробивался сквозь терпкий аромат кофеен и испечённых в тандыре лепёшек, а ночью становился насыщенным и обволакивал загадочностью, проникая в комнату через приоткрытое окно. И всё же первой вошла она, а запах шлейфом вошел следом.

Это стало уже традицией: по ночам собираться в огромном зале дворца. Ужинали, чистили оружие, перелопачивали отснятое за день, выискивая самое цепляющее,

слушали сводки, огорчались или радовались, спорили, иногда молчали, погружаясь в ведомое только каждому.

И в эту ночь, усталые и продрогшие, вымокшие за день моросью – не дождь, а сеющая мокрая мерзость, от которой не укрыться, наскоро переодевшись в сухое, мы вылезли из своих комнат, чтобы снова быть вместе. Потом разойдемся, и поворот ключа щелчком отсечёт кажущуюся безопасность от остального мира. И будет под рукой пистолет с патроном в патроннике, граната или автомат, и будет разорванный на части сон и вновь медленное погружение в забытье, и будет долгожданный рассвет, серый и совсем неприветливый. Но это будет потом, через пару часов, а пока мы сидели в большущей комнате с высоченными потолками, совсем неудобной вовсе не от царящего бардака, а потому, что она совсем не предназначалась для жилья.

Джихад ворчал и заботливо развешивал по спинкам высоких резных стульев «броники» с вымокшей за день тканью, до того небрежно сваленных в кучу у входа. Марат, эта необузданная стихия, откинувшись в огромном кресле, покурилвал кальян, менторски доводя до нашего сознания очередную конспирологическую версию, рожденную в его неугомонной голове. Вообще-то он не курил, но кальян приволокли по его настоянию: втемяшилось в его забубённую головушку, что для пущей важности и значимости ему недостает именно кальяна. Ни смокинга, ни, на худой конец, приличного костюма с галстуком, а именно этой дурацкой колбы с булькающим содержимым. Вася Павлов уже не пытался осмыслить эту кашу из внезапно обрывающихся мыслей и фантастических идей, изредка покачивая головой, то ли соглашаясь с Маратом, то ли нет, но не выказывая желания спорить. Димка возился с револьвером, безуспешно пытаясь снять барабан. Раритет времен колониальных войн упрямился, но и Димка отличался ослиным упрямством,

детской инфантильностью и разумом питекантропа.

Я просматривал дневные съемки, тщетно выбирая сюжетные кадры и мысленно матеря Димку, решившего в нашей очередной вылазке на «передок» стяжать лавры операторского искусства. Мы – это волонтерская группа ANNA NEWS, информационный спецназ по пафосному выражению начальника политуправления сирийской армии. От его высокопарности веяло фальшью и перекашивало, зато Марат надувал щёки и несколько свысока оглядывал нас. Но это было утром, когда генерал напутствовал нас на подвиги в Дарайю, а сейчас было два часа пополудни, и уставший мозг чертовски хотел покоя.

Изредка где-то на юге шалила сотворённая людьми гроза, разрывая темень сполохами и накатывая приглушенными расстоянием раскатами канонады.

Она появилась неожиданно: дверь без скрипа отворилась, и в комнате материализовалось нечто в чёрном. Чёрная до пят абайя¹ и чёрный никаб² с успехом могли скрывать не только женщину, но и «бородатого». Чёрт, я же запретил Абу Вали смазывать петли!

– Нет, саед³ Серж, – упрявился Абу Вали, – скрип мешает вам спать.

Убедившись в бессмысленности убедить начальника нашей охраны, я просто пообещал пристрелить его, если он исполнит обещанное. Всё-таки смазал, гад, ну что же, поживи пока. До утра.

От неожиданности я вздрогнул, и во рту стало сухо, словно махнул стакан спирта. Из рук Димки вывалился револьвер и с глухим стуком упал на пол. Краем глаза увидел растекающуюся бледность на лице Виктора, скользнувшую

---

1. Длинное платье с рукавами.

2. Головной убор с узкой прорезью для глаз.

3. Саед (араб.) – в смысле господин. Уважительное обращение к старшему мужчине.

к автомату руку Васи Павлова – далековато, не дотянуться, и расплывшуюся в улыбке физиономию Марата.

– Яфа⁴! Ну, наконец-то!

Марат приготовил нам сюрприз и теперь наслаждался произведённым эффектом.

– Ну и гад же ты, Марат, у меня же сердце слабое, – я пытался за гримасой, изображающей усмешку, скрыть испуг. Улыбаться не стоило: разорванный пулями рот и так гримасничал сам по себе, одинаково скверно изображая и радость, и гнев.

– Скотина, – кратко резюмировал Вася с армейской простотой. – Я же мог пристрелить её.

– Вы не правы, Марат, – укоризненно покачал головой Виктор. Он не изменил своей воспитанности, хотя был ближе всех к Марату и на его месте я запустил бы в этого любителя сюрпризов что-нибудь тяжёлое.

Неуловимым движением руки Яфа смахнула никаб, и будто горный поток хлынул по её плечам. Она была красива, очень красива, и красива не потому, что мужики успели изголодаться по женскому лицу – мысли всё время были заняты войной и стремлением выжить на этой войне. Нет, она действительно была красива даже по европейским меркам: лицо цвета топлёного молока, непривычно зелёные глаза, длинные и волнистые волосы с шоколадным оттенком.

Я не сразу заметил в её руке веточку цветущего жасмина. Сиреневое на чёрном. Лишь когда она положила её на стол, я ощутил этот чарующий запах.

Пять пар глаз впились в это лицо. Нет, всё-таки три: Джихад не мог позволить себе такой бесцеремонности, а Марат вообще не видел в ней женщину. Для него это был источник. Профессиональный источник информации, хотя и алмаз редкостной огранки. Мы рассматривали её сначала

---

4 Яфа, Яффа (прекрасная) – сирийское женское имя

ла с удивлением, затем с восхищением, потом с обожанием. Перед нами стояла женщина, утомлённая дорогой, а мы, здоровые мужики, сидели. Тупо сидели и тупо смотрели, а женщина стояла. Мы делали что-то не так и не то, точнее, совсем ничего не делали, хотя надо бы...

Мысль не успела сформироваться в действие, как Павлов уже щёлкал голыми пятками, жестом показывая на освободившийся стул. Что ни говори, а в галантности подполковнику не откажешь.

Димка суетливо вскочил, неуклюже распрямляясь, словно циркуль, зацепился за ножку стула и грохнулся обратно, заливаясь краской стыда за свою неловкость. Ну, куда тебе, стропила рязанская, до Васи Павлова, способного с акробатической ловкостью выныривать из преисподней, то бишь зажжённого ПТУРСом танка, а не то, чтобы встать с какого-то там стула..

Я тоже попытался выказать надлежащую в таких случаях вежливость, привстал, но, поняв, что безнадежно отстал, сел. Позднее зажигание.

Сибаритствующий Марат даже не пошевелился.

Джихад не суетился. Он оставил в покое «броники», развернул стул и пододвинул его к Яфе:

– Садитесь, пожалуйста.

Он не предлагал, не просил – он произнёс это так, как могут произносить только восточные мужчины восточным женщинам, не оставляя им выбора. И Яфа беспрекословно выбрала именно им предложенный стул.

Димке с Василием ничего не оставалось, как броситься на поиски чистой чашки, что было весьма проблематично, ставить чайник и тщетно искать хоть что-нибудь из съестного. С космической скоростью со стола исчезли грязные чашки, ложки и крошки лепёшек.

В ту ночь Марат устроился на диване в зале, усту-

пив Яфе свою комнату. Мы злорадствовали: любителю сюрпризов не помешает провести остаток ночи на жестком и холодном кожаном диване, укрывшись курткой. А ещё мы ему завидовали, тихо, незлобиво, по-доброму, потому что она приняла именно его заботу. Откуда нам было знать, что всю оставшуюся ночь она писала, чтобы утром исписанные ею листочки Джихад отвёз в разведуправление армии. Его забота была неприметна, исподволь, как будто исходила откуда-то свыше.

Яфа ушла на рассвете, когда все ещё спали. С той ночи мы жили ожиданием её возвращения. Мы приняли её совсем не потому, что она была красива или не только потому, что была красива. Эта хрупкая веточка оливы оказалась сильнее и отважнее нас. Мысленно мы спрашивали себя: смогли бы вот так, как она, надев чужую личину, находиться среди фанатичных палачей, сатанеющих от крови. Не просто находиться, а осознавать, что в случае провала тебя ждут просто нечеловеческие мучения, когда смерть принимается благодатью, ниспосланной свыше. Хотелось бы сказать: «да, конечно», но понимание того, что вовсе не «да» и не «конечно», останавливало. И это осознание ставило её на высшую ступень самоотречения, к которому мы, по большому счёту, не были готовы.

Мы были вместе, а она была одна. У нас было оружие, и мы могли защищаться. Во всяком случае, у нас был шанс не только выжить, но шанс избежать мучений в плену, рванув чеку гранаты, неизменно лежащей в кармашке на груди. Она же была безоружна, и такого шанса у неё не было. Война – это всё-таки мужская работа, а она женщина. Хрупкая, нежная, молодая и безумно красивая женщина. Она олицетворяла собою иной мир – мир красоты и покоя, в котором нет войны, нет слёз и горя.

Она приходила редко и всегда неожиданно, когда уж

давно истончалась надежда.

– Ребята, вы живы! Как я рада видеть вас!

А война уже забредала в кварталы Дамаска, и всё слышнее была не только канонада, но и длинные пулемётные очереди – «бородатые» не считали патроны, и эта «щедрость» множила почти на ноль наши шансы выстоять.

Яфа, обхватив голову руками, твердила:

– Сурия, моя Сурия, как больно моей Сурии.... – Из её зеленых глаз истекла боль: – Не бросайте мою Сурию....

Мы не клялись, что не бросим. Впрочем, к чему слова, когда эти четверо сумасшедших русских, приехавших сюда по своей воле, олицетворяли Россию, делили с ними глоток воды и кусок лепёшки, поровну последние патроны и оставляли одну гранату на двоих.

С того дня, точнее, с той самой ночи вялотекущие и однообразные будни трансформировались в бешеный ритм, динамику, сумасшедший бег. Репортажи вылетали автоматной очередью. Мы лезли в самое пекло, лишь бы поскорее выполнить задание или задачу, вернуться на базу и, наскоро приведя себя в порядок, собраться в зале, чтобы дожидаться её, нашу Яфу. Каждое утро летала по комнате швабра, дря до блеска выложенный каменными плитами пол, вымывалась посуда, скреблись давно затупившимися бритвами щёки и подбородки, наглаживались рубашки, и чистилась обувь. И больше не валялись на полу брошенные «броники» и каски, магазины и ВОГи⁵.

Так уж случилось, что на все последующие ночи она выбрала мою комнату и когда оставалась на ночь, я располагался на диване. Я ощущал какое-то внутреннее превосходство, будто она выбрала меня, прекрасно понимая, что

---

5 ВОГ – выстрел осколочный гранатомётный. Граната для 40-мм подствольного гранатомёта, устанавливаемого на автомате.

выбрала вовсе не меня, а мою комнату. Выбрала потому, что она была самая безопасная, самая тёплая, самая уютная и вообще самая-самая. Ребята настойчиво поочерёдно теперь уже мне уступали свои комнаты, но я отказывался. Я спал вполглаза и вполуха, ловя каждый шорох, и остаток ночи становился долгим и изматывающим. Ближе к рассвету в зале появлялась Яфа и спрашивала участливо:

– Ты опять совсем не спал. Бедненький, и всё из-за меня. Так нельзя, ведь вам же работать.

– Да нет, спал, спал, всё хорошо, – убеждал её я, нарочито зевая и потягиваясь.

И словно по команде появлялись ребята, наливали чай и в дорогу совали ей в руки разломанную на части лепёшку, провожая её долгим задумчивым взглядом.

Так повторялось всякий раз, но однажды в комнату вошел Фираз и молча положил на стол веточку цветущего жасмина.

– Она больше не придёт. Её убили в Кусейре.

Мы не плакали – мужчинам плакать не полагается. Мы просто вышли во двор и подставили лица дождю. С тех пор мы больше никогда не собирались в зале, а на ветки жасмина, растущего в крохотном дворике, повязали ленточки.

**Интервью
Сергея ЛЕВАНДОВСКОГО**

интернет-порталу www.onlinetambov.ru
(записано 2 февраля 2019 г.)

2019 год объявлен в России Годом театра. О состоянии тамбовского театрального искусства, профессии актёра, эталонах русского театра рассказал секретарь Союза театральных деятелей России, председатель его Тамбовского отделения Сергей Левандовский.

Сергей Алексеевич, вы являетесь Секретарём Союза театральных деятелей России, а также председателем его Тамбовского отделения. И одновременно действующим актёром. Чего в Вас больше – чиновника или лицедея?

По-моему, всё логично. Странно было бы, если бы я возглавлял какую-нибудь металлопрокатную организацию. А, если серьёзно, к чиновникам я не имею отношения, поскольку наша организация общественная. Мы можем инициировать принятие каких-то решений, но сами их не принимаем ни в государственном, ни в региональном масштабе. Мы – не чиновники. Актёр – это главная моя профессия. Но иногда эти две мои ипостаси вступают в спор, они ругаются даже, иногда по нескольку дней не разговаривают друг с другом... А если ещё к ним присоединится журналист – совсем беда. Но однозначно только то, что репетиция и спектакль отменяют всё остальное. Конечно, не может не

радовать, что в России 2019 год объявлен Годом театра. Этот говорит о том, что государство относится к этому искусству серьёзно. Недаром наш Президент не меньше двух раз в год встречается с нашим председателем Калягиным Сан Санычем. И то, что этот год открывал сам Владимир Владимирович в старейшем Российском драматическом театре, говорит о важности события. А до этого торжественного события Владимир Путин встретился с деятелями театра и в этой очень откровенной беседе были подняты важные вопросы, проблемы современного театра. И скажу, что Президент был готов к этой встрече, он был готов отвечать на многие вопросы, многое уяснял для себя подробно, это тоже мне запомнилось. И к каждой проблеме Президент подошёл с большим вниманием, во многом пообещал разобраться, в том числе и на законодательном уровне. Уверен, что и местные власти последуют примеру нашего Президента. И такие отрядные примеры уже начинают поступать.

Сколько лет Вы на сцене?

В прошлом году 40 лет, как я пришёл в профессиональный театр. Это был Театр кукол. В этом, 2019-м, – 40 лет, как я служу в драматическом театре.

По истечении 40 лет есть ли волнение перед выходом на сцену?

Да ещё какое! Конечно, премьерные спектакли – это особенное волнение. Не знаешь, как воспримет зритель, всё в первый раз. Но даже «Хануму» – мы играем её 14 сезон, казалось бы, там ясно всё, но каждый спектакль – это другой зал, другой зритель. Я знаю, что некоторые зрители много раз приходят на этот спектакль. И всё равно волнение. Есть спектакли такой структуры, что сегодняшний зритель воспринимает так, а завтра совсем другая реакция, уже не

говоря о других городах. Там спектакль может восприниматься совсем по-другому. Любой спектакль не похож на предыдущий. И делаешь шаг на сцену – всё прекращается, и ты живёшь своим героем. Это удивительное чувство. Но в основе любого искусства должна лежать хорошая школа.

А какая школа у тамбовских актёров?

У многих тамбовских актёров это бывший Институт культуры. А кого готовил институт культуры – руководителей самодеятельных коллективов. А настоящая театральная школа, это, как ни грустно говорить, остаётся только в старейших театральных ВУЗах, училищах страны, которые держат свою планку. И разница в выпускниках сразу видна. Но это не значит, что со временем выпускники «культка» не станут хорошими артистами. Нет, и таких примеров тоже много. Но это только случается с теми, кто хочет стать по-настоящему профессиональными артистами. А это постоянная учёба! И это возможно только тогда, когда, имея задатки, талант, артист, тем более молодой, начинающий, работает с хорошими режиссёрами. Когда в соавторстве с режиссёром артисты рожают оригинальное произведение искусства. Наш же театр вот уже много лет является, как я это называю, «кинотеатром повторного фильма». Когда приезжают режиссёры, вернее, их приглашают, и они ставят спектакль, до этого поставленный в других театрах раз по пять, а то и десять. И тут уж не до творчества. Тут только и слышишь от режиссёров – «Пойди туда и скажи вот так». Ну, и где здесь поиск, где творчество, где, простите за громкие слова, вдохновение?! Знаете, мой учитель в профессии, замечательная старейшая актриса Мичуринского театра, моего первого драматического театра, Валентина Тихоновна Ключанская, с которой я имел счастье дружить многие годы, говорила мне всегда: «Серёжа, чтобы ни случилось

в твоей жизни, найди любую причину, хоть заболей – но никогда не работай с плохими режиссёрами! Это не даст ни тебе, ни спектаклю, ни искусству ничего хорошего. А потерять можешь многое». Пытаюсь следовать её заветам. Сейчас уже просто есть опыт определения на глаз хороших режиссёров. К сожалению, в Тамбов сейчас не приезжают они. И открою вам секрет – и не поедут! Скажу очень мягко, не слишком хорошая слава идёт сейчас о Тамбовском драматическом. В отличии, кстати, от Мичуринского. А есть же в стране удивительно одарённые режиссёры, молодые, талантливые, амбициозные. Но – дорожащие своей репутацией...

Профессия актёра сегодня востребована?

В провинции актёров с хорошей школой катастрофически не хватает. Москва, Петербург – города прославленных театральных школ: «Щука», «Щепка», МХТ, ЛГИТМИК, и юный по сравнению с ними ГИТИС – они выпускают большое количество хороших актёров, но которые не хотят ехать в провинцию, остаются в Москве и занимаются чёрт те чем. Я знаю массу провинциальных актёров, которые за «звездой» поехали в Москву – то же самое, занимаются чёрт те чем. Может, и зарабатывают хорошие деньги, но к искусству это не имеет никакого отношения. Но наш Союз театральных деятелей очень хорошую штуку придумал. Мы сейчас доплачиваем тем актёрам и режиссёрам, которые окончили столичные ВУЗы и уехали работать в провинцию. 35 тысяч – ежемесячная доплата, неплохие деньги им. Вот так мы поддержали выпускницу Щукинского училища, художницу театра кукол, которая закончила московский художественный ВУЗ, режиссёра из Мичуринского театра. Сейчас готовим документы на актрису тоже Мичуринского театра, окончившую ГИТИС.

А артист должен быть голодным?

Никто не должен быть голодным. Артист должен быть голодным в творческом плане, у нас такая профессия, когда всего мало. Мало ролей, творчества, успехов, аплодисментов, зарплаты тоже немного.

Кто для Вас лично является эталоном российского актёра?

Я уже вспоминал Валентину Тихоновну... Я бы сказал – она была великой актрисой. Но судьба, война... И она всю жизнь отдала Мичуринскому театру. Я счастлив, что моим первым режиссёром был Глеб Константинович Томилин... Его жена, Татьяна Фёдоровна Николаева... Это люди, у которых я учился служить театру, понимать, что такое театр, что такое настоящий театр, его традиции, его дух... Я благодарен судьбе, что театральное сообщество страны избрало меня, уже во второй раз, Секретарём СТД. Это дало мне возможность познакомиться со многими великими, без ложного пафоса, театральными деятелями России. А со многими даже сложились и дружеские отношения... Ведь не просто же так к нам на открытие «Аллеи звёзд театральной Тамбовщины» приезжали Игорь Костолевский, Александр Семчев. Вот в прошлом году Надя Маркина приезжала. Ну, с ней-то, Лауреатом Национальной театральной премии «Золотая Маска» и кинематографической «Ники» мы дружим вообще уже не один десяток лет. А так, чтобы эталон... Не знаю... Это была бы очень сборная солянка... И, кстати, о величии. Вспомнил один эпизод. Много лет назад я был на гастролях в Сыктывкаре, молодой корреспондент брала у меня интервью и спросила: «Кого Вы считаете самым известным и талантливым актёром современности?». Я ей сказал – «Видите ли, нас несколько». К моему удивлению, она не поняла шутки. Так и напечатали!

Накануне в СМИ стали активно обсуждать предложение о критериях востребованности артиста. Сторонники принятия этого решения говорят о том, что если артист постоянно не выходит на сцену, с ним нужно разрывать контракт и убирать из театра. Ваше мнение?

Этой истории лет пять. И впервые её высказал тогдашний замминистра культуры у нас на Секретариате... Кто вам сказал, что сегодняшний актёр, что называется «невостребованный», завтра не станет ведущим актёром театра? Мы таких примеров знаем массу! Людмила Николаевна Кожяева, человек, которому уже за семьдесят лет, и Наталья Ивановна Ковылина-Антипова с двумя молодыми актёрами вдруг играют потрясающий спектакль «Мой друг Вениамин». Они многие годы сидели без работы, без спектаклей. И таких примеров по театрам очень много. Надо избавляться от балласта в театре, от тех, кто случайно попал в театр, и такое есть. А актёры, которые действительно актёры, говорить им «до свидания» – это преступление, на мой взгляд.

Сергей Алексеевич, какую роль Вы мечтаете сыграть?

Весь ужас нашей профессии, что вдруг ты осознаешь, что те роли, которые ты мечтал сыграть, уже никогда не сыграешь. В силу возраста. Судьба подарила мне удивительную возможность сыграть две роли, о которых и мечтать не смел. С юности мечтал сыграть Репетилова в «Горе от ума». Вдруг, при распределении вижу, что я играю Репетилова. Жалко, что спектакль шёл не так долго. Безумно люблю Оскара Уайльда, особенно «Как важно быть серьёзным». Судьба мне подарила сыграть центральную роль в этом спектакле. Сейчас мечтать... Я знаю, что театр не готов к таким спектаклям. В том состоянии, в ко-

тором сейчас Тамбовский драматический театр, просто не готов. Увы, довольствуемся тем, что имеем, к сожалению.

Это Ваше личное мнение о состоянии театра?

Если бы! Десять лет как наше отделение СТД проводит ежегодный театральный фестиваль «Итоги сезона». Это когда жюри смотрит и оценивает лучшие, на взгляд театра, спектакли, поставленные за сезон. Участвуют все театры. Жюри первых нескольких фестивалей составляли тамбовские журналисты, преподаватели и другие, причастные к театру люди. Но потом в состав жюри я стал приглашать московских критиков. И приглашаю я солидных критиков, не ангажированных, людей, которые занимаются искусством, театром как наукой, а не ездят по фестивалям ради зарабатывания денег и поэтому готовы хвалить или ругать, то, что им скажут. Назову только несколько имён. Марина Михайловна Корчак – ответственный секретарь Гильдии режиссёров России, профессор ВГИКа Алексей Райков, профессор кафедры истории зарубежного театра, доктор искусствоведений Дмитрий Трубочкин (кстати, Дмитрий член президиума Совета по культуре при Президенте РФ), заведующая литературной частью Театра Сатиры Нина Карпова, Елена Ивановна Стрельцова – кандидат искусствоведения, главный редактор журнала «Театральная жизнь» Олег Иванович Пивоваров и другие... Это авторитеты в театральной России. И что? Да ничего... На обсуждении они разбирают спектакли, ругают (тут я говорю только о Тамбовском драматическом), называют причины неуспеха... Уезжают... И всё остается по-прежнему! И позвать стоящего критика уже тоже нельзя... «Зачем? – они мне говорят, – что нам смотреть там? Мы, люди, занимающиеся серьёзным искусством, будем смотреть тамбовский театр? Если бы хоть от наших разговоров что-то менялось!» Вы не заметили, что

какие «хорошие» спектакли ставит тамбовский театр, мы слышим только из одних уст. И то только перед премьерой. А потом молчок. Не кажется ли странным, что уже давно нет рецензий на спектакли тамбовского театра?.. Не странно, отвечу. Писать хорошо рука не поднимается у журналистов, уважающих свою профессию, а правду писать – как-то тоже неудобно... Помните такое выражение «Зритель голосует ногами»? Именно ногами, уходя с многих спектаклей после первого действия...

А в чём Вы видите причину такого состояния тамбовского театра?

Один мудрый человек мне как-то сказал на это: «Если человек всю жизнь учился строить бараки, потом всю жизнь строил их, то, если ему дадут построить дворец – он построит большой барак!». Думаю, я ответил Вам. Однажды на худсовете после премьеры очередного «шедевра» я привёл такой пример. Это научный факт – если лягушку бросить в кипяток, она тут же выпрыгнет. А, если медленно нагревать воду – лягушка сварится. Вот так и мы перестаем замечать, как постепенно деградирует наш театр. Мог бы вообще стоять вопрос о такой постановке во времена, когда театром руководил Иванов, Шалов, Регурецкий?

Сергей Алексеевич, но наверняка есть и что-то светлое в театральной жизни Тамбова?

Конечно! Без всякого сомнения, говорю – Конечно! Мне очень нравится то направление, в котором идёт Молодёжный театр. Совершенно замечательная команда собралась в «молодёжке». И театр воспрянул! Всегда начинать трудно, болезненно, бывают неудачи. Театр через это благородно прошёл и вдруг зазвучал! И доставалось им поначалу немало от критиков на «Итогах сезона», ещё как до-

ставалось! Но тут руководят думающие люди, талантливые люди, которые думают о театре, учитывая честную критику и учась! Посмотрите, как вырос уровень их фестиваля «Виват, Театр!» И сравните, во что превратился за последние несколько лет «Рыбаковский». И тут «зритель голосует ногами» Вот простой пример – Вахтанговский театр приезжает и играет на сцене Молодёжного театра один из тех своих спектаклей, на который в Москве невозможно попасть. Я про «Наш класс». Ведь Кирилл Крока кто-то убедил, кто-то рассказал о Молодёжном театре так, что невозможно отказаться. И после спектакля ребята не пожалели о том, что сыграли в Тамбове. Вот принято говорить, что Тамбов любит только развлекательные спектакли, посмеяться – а зрители после этого тяжёлого, даже трагического спектакля выходили и говорили – ну почему только один спектакль, мы знакомым бы рассказали, они бы обязательно должны тоже это увидеть, надо 10 спектаклей в Тамбове сыграть. Вот вам и реакция: хороший спектакль! Тамбов любит хорошие спектакли, я вас уверяю. И очень скучает по ним!

Михаил ГРИШИН

Жизнь удалась

Рассказы

Жертвенный агнец

Семейная жизнь Антонины началась не с медового месяца, как ожидалось, а собственно, с ценного совета родной тётки: мол, надо сразу брать «бычка за рога», подразумевая, естественно, её юного супруга, и распоряжаться по хозяйству самой, чтобы он потом не разевал хайло. А для этого требуется самое малое: на свадьбе первой разбить тарелку и как можно больше откусить свадебного каравая.

Следуя мудрому совету опытной родственницы, при счёте «три!», когда тамада взмахнул рукой и нестройный хор свадебных гостей пьяно заорал: «Тоня!», «Веня!», Антонина, оттеснив крутым плечом своего молодого рохлю, старательно топнула тувелькой сорок третьего размера, вмиг превратив в мелкое крошево тарелку «маде ин шина». А с караваем вообще произошла забавная история: Антонина настолько широко разинула рот, что по выражению мужа этой самой родственницы, он «заклинил». Так и ехала на такси в травматологию с открытым ртом, пока на толчке че-

люсть сама не стала на место.

Зато верховенство в семье досталось Антонине по праву и практически без боя. Она очень гордилась этим обстоятельством и внутренне презирала никчёмных подруг, которые находились в рабстве у супругов и унижались, выпрашивая у своих деспотов денег на покупку каких-то вшивых колготок, а она сама правила бал, покупая всё, что захочет.

Муж поначалу пытался что-то бляеть о совместном ведении хозяйства, общей кассе и разумной трате денег, но Антонина ответила твёрдо: мол, если деньги попали в её руки, о них можно забыть навсегда, и сунула под нос внушительный кулак. Антонина была девушка собой видная, под центнер весом, и дрищ заткнулся, как миленький. А чтобы и мыслей не возникло о «заначке», постоянно обыскивала карманы, выгребая всё до мелочи.

Дурной пример заразителен, ибо так поступала её замордованная тяжёлой работой на стройке – мать, чтобы не дать отцу особо разгуляться на зарплату. Как видим, мать тоже пошла в тётку, очевидно, у них в семье существовала такая традиция – всё проверять и никому не доверять. О том, что жизнь не ладилась именно из-за её склочного характера, мать как-то не думала, устраивая каждый день скандалы да драки. Дошло до того, что она однажды даже заставила подростка Тоньку помочь ей силой обуздать хмельного отца. Не отсюда ли тянется росток неуважения к собственному мужу? Как Антонина относилась к нему, видно на простом примере: на людях без стеснения называла интеллигентного Вениамина болезненной для его самолюбия кличкой – Веник. Как будто он безродная дворняга. И уж совсем ни в одни ворота не лезла её наглость, когда бесцеремонно отбирала у мужа пульт от телевизора, лишая последней отдушины – просмотров футбольных матчей. Своё хамство Антонина объясняла тем, что её любимая программа о показе

мод намного интереснее, чем его дебильная игра в поддавки. Словом, её молодой муж Вениамин был в своей семье бесправным человеком.

Неудивительно, что через два с половиной года угнетённой жизни под каблуком у жены-тирана, супруг сбежал к другой женщине, своей сослуживице, которая хоть и была страшенькая, но зато добрая и тихая. Посчитав себя ненужной и преданной, оскорблённая Антонина принялась вынашивать план мести. Первое – выследить любовников и поджечь квартиру, чтобы они оказались на улице как последние бомжи. Второе – обратиться к потомственной колдунье, чтобы та совершила таинственный обряд на мучительную смерть для разлучницы. Выбор был невелик, поэтому стоило действовать наверняка, чтоб вернуть отколовшегося от дома слабохарактерного Веника. А так как долго думать было не в её характере, Антонина с непривычки похудела за четыре месяца на тридцать килограммов.

Глядя на её синие круги под ввалившимися глазами и непривычно шаткую походку, коллеги неожиданно проявили сочувствие, выхлопотав в профсоюзе путёвку в санаторий со значительными скидками. Все сошлись в одном: предательство Веника оставлять безнаказанным нельзя! Но чтобы завершить начатое, Антонине следует обязательно поправить пошатнувшееся здоровье, иначе она скоро сама отправится с работы напрямиком на кладбище. А неблагодарный изменник отряхнёт её прах со своих тощих ног и продолжит жить с этой бестией, любительницей отбивать чужих мужиков у приличных жён. Сообща собрали Антонине с собой чемодан с одеждой, потому что перешивать собственные платья у неё не было времени, и дружным коллективом проводили на железнодорожный вокзал. Вот что значит женская солидарность!

В санатории Антонина с первых дней сошлась с од-

ной тихой и незаметной женщиной не из их города, с которой они вместе везде ходили: на процедуры, в столовую, на экскурсии и так далее. Но буквально через неделю Антонина как будто очнулась от летаргического сна и поняла, что дружба с такой же обделённой счастьем подругой на пользу не пойдёт. Это произошло на фоне других отдыхающих, которые зря время не теряли и отжигали на всю катушку. И энергичная натура брошенной мужем Антонины птицей воспарила над скукой, и она намекнула той женщине: «Мы, что – неживые?». Чем привела женщину в такой ужас, что та даже с испугу выдала несусветную глупость: «Это аморально!». И в одночасье отдалилась. Но этим только ещё больше раззадорила Антонину, как будто специально плеснула масла в огонь. И наскучавшая по жизни Антонина ударилась во все тяжкие: мужчины, танцы, выезды за город, кафешки, шашлыки и прочие мероприятия.

Вернулась Антонина заметно посвежевшая: глаза, выпуклые, будто два варёных яйца, неистово блестели, осиная талия при объёмных ягодицах, розовощёкая, вся на взводе, какая и до замужества-то не была. И главное, ещё одна странность в ней появилась: решительно заявила, что Веник её теперь не достоин, а раз так, то и мстить незачем. Своим неожиданным откровением она очень разочаровала большинство коллег и оттолкнула от себя. А кое-кто из них обиделся настолько, что будто бы даже сказал: мол, не знала, что так всё обернётся, иначе ни за что не дала бы своё платье с люрексом, на котором осталось пятнышко, как видно, от бурно проведённой ночи. Можно подумать! А когда ей было успевать следить за чужой одеждой, если столько самцов вокруг увивалось!

С той поры Антонина каждый год стала приобретать путёвки в санатории. У неё даже выработалась собственная тактика: выискивать жертвы по интернету – благо кобелей

всегда бывает в достатке. Связывалась на популярных страничках с каким-нибудь презентабельного вида господином и писала проникновенное письмо о том, что очень хотелось бы пообщаться вживую с таким милым и интересным собеседником. У неё, мол, даже имеется возможность приобрести путёвку в санаторий именно в его город. Подобная практика практически не давала сбоев, и скоро почтенный отец семейства неумело барахтался в ловко расставленных сетях. Плотно облизываясь, Антонина на всех парах летела на новую встречу. Всё – капкан захлопнулся.

Но, как водится в любом деле, и здесь нашлась своя ложка дёгтя: Антонина неожиданно залетела. Да и то сказать, сколько можно было беззаботно скакать из койки в койку? Если собрать всех любовников, гарем средней руки получится.

На Антонину навалилась смертная тоска: пелёнки, распашонки, бессонные ночи, слюни, сопли, понос, подтирание обкаканной задницы. Какая мерзость! И рядом совсем другая жизнь: застолье, смех, танцы, романтические встречи, поцелуи, ночные прогулки. Вечный праздник! И нездоровое влечение к самцам победило материнский инстинкт. Такое иногда тоже случается.

В больнице с Антониной особо не церемонились, безжалостно выдрали содержимое и выпроводили вон. И всё время этот практически не завуалированный холодок отчуждения, как пограничная черта между ней и персоналом. А когда выходила за ворота, явственно почувствовала спиной провожающие взгляды: осуждающие – рожениц, презрительные – лежащих на сохранении, и совсем ненавистные – тех, у кого в очередной раз не получилось сохранить ребёночка. Дай волю, так и вцепились бы в горло мёртвой хваткой. Только не на ту напали! Антонина гордо задрала подбородок и принялась вызывающе вихлять

крутыми бёдрами, демонстративно выказывая всем своим залихватским видом, что ей абсолютно наплевать на то, что там будет с её эмбрионом: выбросят на помойку или сожгут в печи. Или куда они их там девают. Только что не запела. Запела она несколько позже. Точнее, вначале завертелась привычная жизнь с новыми ухажёрами, а потом уже запела.

Ну, как запела? Под утро, проводив очередного любовника, Антонина томно расположилась в постели, уже предаваясь мечте о завтрашнем свидании. Как вдруг внезапно расслышала за стеной комнаты, где проживала, детский плач. Вначале она подумала, что ослышалась, и ослабленно прикрыла глаза, готовая отойти ко сну. Но плач не прекращался, а стал даже сильнее. Неожиданно для себя, Антонина подскочила на кровати, стала на колени и раздражённо забарабанила кулаками в стенку, крича:

- Да уймите же вы, наконец, своего сопляка!

Затем прислонилась ухом к холодным синим обоям, и услышала отдалённый женский голос, который, по всему видно, нежно убаюкивал ребёнка на руках.

- Чщ-щ-щи! Чщ-щ-щи!

Плач также внезапно перестал, но Антонина заснуть уже не могла. Она до изнеможения ворочалась в постели, не пошла на завтрак, потом до обеда лежала, тупо глядя в белый потолок. И видно что-то надумала, потому что торопливо собрала вещи и переехала в другую комнату в другом корпусе, который находился от первого на расстоянии не менее километра. А когда вечерние сумерки накрыли санаторий, Антонина к своему ужасу снова услышала жалобный детский плач, который опять-таки неожиданно донёсся из-за стены. Она спешно накрылась одеялом с головой, потом спрятала голову под подушку и даже заткнула уши. Но набирающий силу голос проклятого младенца иезуитски нашёл

лазейку в её мозг и там принялся безраздельно хозяйничать. Антонина терпеливо сносила его до самой полуночи, пока он не надорвался и не притих. Тогда она, словно сомнамбула, вышла на балкон. Светила полная луна. Тут Антонина и запела: протяжно, жалостливо, будто не сама пела, а кто-то у неё внутри:

Где же ты, моя кровиночка?
 Ты не плачь, я накормлю,
 Убаюкаю я ноченькой, крепко обниму...

На все уговоры постояльцев вести себя прилично Антонина односложно отвечала, что имеет полное право петь на ночь своему младенцу колыбельную. При этом её выпуклые глаза лихорадочно блестели, как у ненормальной. Тогда позвали администратора, который и сообразил, что пора вызывать неотложку. Когда выводили, Антонина жеманничала и хохотала так, будто это были на самом деле не два здоровенных санитары, а очередные любовники. Она даже в психиатрическом отделении продолжала дико хохотать и криво подмигивать персоналу. После сильнодействующего укола быстро заснула. Но и в плену Морфея облегчения не наступило: в кровавом розовом мареве, летал-плавал младенец, неутешно надрываясь от плача. Видеть это было невыносимо, и Антонина, содрогаясь от ужаса, проснулась. Распахнула испуганно глаза и тотчас встретилась взглядом с голубыми глазами милого ангельского личика, опушёнными длинными ресницами. Антонина резко перевела свой взгляд в сторону и вновь увидела, но уже на стене, те же невинные голубые глаза. Её взгляд беспокойно заметался по палате: отовсюду смотрели на неё глаза, бессловесно моля не убивать. Антонина жутко закричала, забилась на кровати, стараясь порвать удерживающие её ремешки. После третьего

укола провалилась в сон, как будто в бездну, где в огненном свете пламени хаотично метались чёрные тени. Антонина всем своим существом почувствовала, как её опалил жар из преисподней. И нет ей теперь покоя ни во сне, ни в яви. Детоубийца.

Мне самому трудно поверить в то, что произошло... Тем более рассказывать.

Это фантастическое происшествие случилось на фоне трагического события, когда разум был особенно возбуждён и раним. Я до сих пор не могу ответить на многие вопросы.

Жизнь удалась

У старика Лычагина от рака умерла жена. Умирала тяжело, в бреду металась на постели, роняя на пол остро пропитавшуюся лекарствами простыню, безумно катала потную голову на подушке, страшно хрипела, будто невидимая петля стягивала истончённую шею. А когда приходила в себя, брала руку мужа в свою и скорбно глядела на него из ввалившихся глазниц воспалёнными глазами, что Лычагину становилось не по себе. Ему казалось, что жена смотрит с немым укором, мол, она вот умирает, а он, здоровый мужик, остаётся жить дальше. В такие минуты ему становилось невыносимо совестно, он отводил напивавшиеся влагой глаза в сторону.

Три года назад Лычагину настоятельно советовали определить жену в хоспис, чтобы не мучиться с её домашним уходом. Только Лычагин по жизни никогда не был предателем, отказался расставаться с неизлечимо больной женой, с которой прожил долгую жизнь.

– Дома родные стены помогают, – буркнул он хмуро,

и дальнейшие вопросы отпали сами собой.

Смотреть на высохшее в былинку жёлтое восковое тело было мучительно, и Лычагин крепился, насильно улыбаясь, чтобы не сделать жене ещё больнее, не нанести душевную рану. И жена напоследок оценила его жертвенную деликатность, почти беззвучно прошептав перед самою смертью одно единственное слово, на которое хватило жизненных сил: «Спасибо». По впалой щеке сиротливо прокатилась одинокая слезинка, и глаза жены безвольно закрылись уже навечно. Лычагин медленно опустился на колени, прижался губами к холодной руке и безутешно заплакал.

На похороны приезжали дочь с зятем. Похоронили старуху хорошо, с отпеванием в церкви при кладбище, с богатыми поминками в кафе. Вышло не хуже, чем у людей, обижаться покойнице не на что.

Вечером дочь с зятем уговаривали Лычагина перебраться к ним в областной центр. Только кому он там нужен в областном центре? А здесь в рабочем посёлке прошла вся его жизнь. На местном заводе Лычагин числился на хорошем счету: в своё время завод поставлял для Севера большегрузные трейлеры.

– Да и мать одну не бросишь, – привёл он последний аргумент против спешного переезда, – не освоилась она ещё на новом месте. Поживу пока здесь, а там видно будет.

– Верно, батя говорит! – завершил неприятный для Лычагина разговор зять. – Не дело сразу после похорон срываться с насиженного места. – И наказал: – Ты, батя, если надумаешь переезжать, так сразу дай знать, я приеду за тобой. Да и вообще звони, если что.

На том и решили.

Похоронил Лычагин свою старуху и остался как бы ни у дел: ещё вчера был на хозяйстве, а сегодня не знал, чем

себя занять. Не стало более бессонных ночей, необходимых ежедневных процедур, постоянных походов за лекарствами, вылазок по магазинам, где можно было удачно приобрести памперсы со скидками. Ощущать внутри пустоту было непривычно, и Лычагин целыми днями неприкаянно бродил по посёлку, равнодушно скользя глазами по знакомым местам.

Третьего дня он забрёл в парк и отстранённо присел на скамейку под берёзой. Над головой в густой кроне звонкоголосо затренькала крошечная птичка. Лычагин, который ещё со школьного кружка юннатов научился различать птичьи голоса, безошибочно определил: «Овсянка». Он поднял голову: сквозь резные просветы в листве лился яркий золотистый свет. В груди у Лычагина вдруг необъяснимо сладостно защемило и нестерпимо потянуло на малую родину. Старика прямо охватил неожиданный зуд, он суетливо поднялся со скамейки и рысью припустил к дому. «Первым делом навещу родителей на кладбище, – на бегу думал он. – А уж потом пройду по селу». Дома запыхавшийся Лычагин спешно собрал рюкзак – подарок внука – завернул с собой кое-что из провизии, чтобы не тратиться в дороге, и опять бегом на остановку, где можно было перехватить рейсовый автобус, маршрут которого проходил мимо родного села.

Через три часа Лычагин сошёл в безлюдном месте, откуда до отчего дома оставалось пройти какие-то незначительные полтора километра. Старик издали поглядел в сторону села. В детстве с этого места открывался величественный вид на церковь Михаила Архангела, а сейчас виднелись лишь макушки высоких старых тополей. Но сегодня это обстоятельство ничуть не омрачило приподнятого настроения Лычагина. Он проводил отъезжавший автобус глазами, закинул за спину рюкзак и ходко направился в село

по едва приметной тропинке, извилисто тянувшейся среди молодого сосняка. Скоро Лычагин вышел к первому дому, в котором раньше жили Савельевы. Теперь осиротевшая хата выглядела убого, завалилась фасадом вперёд настолько, что любой мог войти внутрь через окно. Чуть далее, где на кирпичных развалинах буйно цвела глухая крапива, и выше человеческого роста стоял бурьян, когда-то располагался отчий дом самого Лычагина.

От переполнивших чувств у Лычагина запершило в горле, зашипало в глазах. Он, было, собрался пустить старческую слезу, как неожиданно увидел выходящим из-за угла дома Касьяныча. Ванька Лычагин и Петька Савельев по прозвищу Касьяныч, дружили с малолетства. Уж кого-кого, но Касьяныча Лычагин никак не ожидал здесь увидеть. Он оторопел настолько, что по-бабьи глупо взмахнул перед собой ладонью, будто встретил привидение. Касьяныч тоже оторопел, увидев перед собой давнего друга. Так они стояли где-то с минуту, ревностно рассматривая друг друга. Первым опомнился Касьяныч: заметно прихрамывая на правую ногу и опираясь на самодельный костыль, подошёл и протянул натёртую сухими мозолями узкую ладонь.

– Ну, здравствуй, коль увиделись, – хрипло сказал он, буравя Лычагина колючим взглядом. – В родные места потянуло?

– Приехал родительские могилки проведать, – миролюбиво ответил Лычагин.

– Это правильно, – кивнул Касьяныч, и внезапно заволновался, даже голос стал осекаться, когда спросил: – Выпить с собой прихватил? – И сам ответил себе: – По глазам вижу, что забыл. Нехорошо на сухую поминать! – попенял он растерянному Лычагину. – Но ничего, мы это дело быстро поправим!

В крошечном магазинчике Лычагин купил бутыл-

ку водки, пару разовых стаканчиков и пачку сигарет для обедневшего дружка, в душе порадовавшись своей дальновидности – сэкономил на харчах. По пути на кладбище повеселевший Касьяныч торопливо рассказывал о местных новостях, не забывая время от времени проверять бутылку, которая приятно оттягивала внутренний карман потёртого пиджака.

– Всё, Лычагин, пропало село, одни дачники остались. Да и те скоро разбегутся, уж поверь мне. А раньше помнишь, как богато жили? Колхоз – миллионер. Больница на весь район славилась. Свой роддом, амбулатория, даже операционная была. А сейчас знаешь, что в больнице находится? Хрен догадаешься! Дом престарелых!

На кладбище Касьяныч бесцеремонно смахнул рукавом с деревянного столика лёгкий налёт плесени, и Лычагин выложил на газете свой немудрёный обед: варёные яйца, огурцы, помидоры, зелёный лук и хлеб. Касьяныч нетерпеливо разлил водку в стаканчики.

– Царствие им небесное, – буркнул он и, не чокаясь, выпил.

После второй Касьяныча потянуло на откровение:

– Лычагин, ты видно сильно удивлён, что увидел меня здесь? Небось, думал, что я у внучки жирую? А вот хрен ты угадал! Видишь ли, озаботилась она о моём здоровье, вот и определила в дом престарелых. Думает, я совсем из ума выжил, не понимаю, что надоел, да и тяжёлый дух от нас стариков опять же. Вот и избавилась, чтоб в квартире не воняло. А что, теперь можно изгаляться, когда один как перст остался. Анна умерла, слышал, наверное? Дети далеко живут: Маруська в Хабаровске, а Серёга во Владивостоке. Живут, чего им деется. А я вот здесь, в доме престарелых обретаюсь. А сегодня такая тоска взяла за горло, хоть вешайся. – Касьяныч трясущейся рукой налил себе водки и

одним махом опрокинул в рот. – Так и существую.

«Вот, оказывается, для чего он в старый дом приходил», – догадался Лычагин и, сочувствуя, со вздохом признался: – А я ведь тоже свою Галю похоронил, тоже один остался.

Какое-то время Касьяныч смотрел на него безумными глазами, потом вдруг упал на колени, подполз и принялся горячо упрашивать:

– Лычагин, возьми меня к себе жить! Мы будем в шахматы с тобой играть, пенсия у меня имеется, пускай и небольшая. Пить будем только по великим праздникам. И то четвертинку на двоих. Мы же друзья, Лычагин! – Он хватал руки Лычагина, слюняво целовал, просил слёзно. – Не дай пропасть, дружище!

– Поедем, – решил Лычагин, выпитая водка уже ударила ему в голову.

Когда подвыпившие старики заявили в дом престарелых за вещами, там был тихий час. Касьяныч с шумом проковылял по гулкому коридору до своей палаты, где с ним проживали ещё девять постояльцев. Здесь он принялся спешно запихивать в объёмную клетчатую сумку свои вещи.

– Друг приехал за мной, – как заклинание повторял дрожащим голосом Касьяныч. – За мной специально приехал! Забирает меня.

Уже во дворе Лычагин невольно обратил внимание на окна, за мутными стёклами которых маячили одновременно взволнованные и любопытные лица постояльцев: до сегодняшнего дня им ещё не приходилось видеть, чтобы отсюда кого-либо забирали.

Касьяныч повернулся к окнам, низко поклонился и с чувством крикнул:

– Не вспоминайте лихом, бабоньки и мужички!

Вытер рукавом глаза и, не оглядываясь, захромал со двора, сопровождаемый Лычагиным, будто верным оруженосцем, которому доверил нести тяжёлую сумку.

– Знаешь, Лычагин, как мы с тобой крепко заживём? – говорил он дорогой. – Нам сиамские близнецы позавидуют. Вот как заживём!

Только мечте Касьяныча о новой и счастливой жизни в ближайшее время сбыться было не суждено, на пути приятелей перехватила директриса на подержанной машине «Скорая помощь». Мало того, что она накричала на Касьяныча, обвиняя старика в систематическом нарушении заведённых ею порядков, так ещё обвинила Лычагина в подстрекательстве к побегу, мол, споил безвольного человека, чтобы воспользоваться чужой пенсией. Пока Лычагин растерянно топтался на месте, не зная, как ответить на явную клевету, Касьяныча бесцеремонно впихнули в машину, и он поехал назад.

– Лычагин, – тянул руки из окна заплаканный Касьяныч, – не бросай меня!

Подул ветер, нагоняя дождевые облака. Уже накрапывал дождь, когда удачно подошёл автобус. Только Лычагин вошёл в него, полил дождь, он хлестал по окнам и ручейками стекал вниз. Старик удобнее устроился в кресле, хмель выветрился.

В салоне было по-домашнему уютно, и к Лычагину в полудрёме пришли воспоминания: вот они с Касьянычем вернулись из армии, где Лычагин служил в танковых войсках, а Касьяныч шоферил в стройбате. Работать остались в колхозе: он комбайнёром, Касьяныч шофёром. В страду Касьяныч развозил в поле обеды с поварихой Анной, в которую оба были влюблены. Красивая и статная Анна предпочтение отдавала Лычагину, что не устраивало заносчивого

Касьяныча. Что однажды произошло между ними в пути, можно только гадать: может, Анна дала слабину, может, Касьяныч взял насильно, только с того дня Анна стала избегать Лычагина. Окончательную точку в их отношениях поставил случай, когда Лычагин по доброте душевной помог Касьянычу с ремонтом машины в поле: тогда Касьянычу, по его собственной безалаберности, «мостом» придавило ногу. Только он всё выставил перед Анной в неприглядном свете: как будто Лычагин это сделал специально, чтобы отомстить за то, что Анна не стала с ним дружить. Выслушав от Анны необоснованные упрёки, Лычагин подался в рабочий посёлок на завод. Здесь и познакомился с Галей, которая работала в цехе крановщицей. Она оказалась матерью-одиночкой с полуторагодовалой дочкой на руках, но это Лычагина не остановило, и скоро они поженились. Правда, детей она иметь уже не могла. Вот так и прошла вся его жизнь без любимой женщины и родного ребёнка. И всё-таки не было у Лычагина неприязни к предавшему его другу: что раньше было, то быльём поросло.

Когда Лычагин добрался до места, дождь прекратился, ярко светило умытое солнце, пели птицы. Что ни говори, а жизнь у Лычагина положительно удалась: хорошая жена... была, любящая дочь, доброжелательный зять, прекрасный внук. Что ещё нужно для счастья?

Козерог и Шурочка

Жила у нас в деревне семейная пара: Николай и Шурочка. Был Николай личностью знаменитой: широкоплечий, под два метра ростом с грубыми чертами лица, с ручищами, больше похожими на две дубовые тёмные коряги. Однажды на спор он легко разогнул подкову, скрутил её в виде пропел-

лера и с ухмылкой вернул мужикам. А надо сказать, что по тем временам хорошие подковы ценились особенно дорого, потому как в свободном доступе отсутствовали. Больше с подобными глупостями к нему мужики не обращались. Разве только на потеху ребятишкам он время от времени сгибал пальцами пятаки.

В деревне испокон веков принято давать всем прозвища. Не обошла древняя традиция своим вниманием и Николая, по-уличному звали его почему-то Козерог. Не думаю, что это связано с созвездием Козерога, под знаком которого он мог родиться. Астрологией ни тогда, ни сейчас в деревне особо никто не интересовался. Тогда такого и понятия-то не было. А вот колдовством и всякими приворотами, этим наши деревенские жители страдали. Даже точно знали, кто превращается в полнолуние в свинью и бродит по окрестностям, чтобы напасть на припозднившегося одинокого путника и укатать до смерти. Но, как говорится, не пойман не вор. Скорее всего, от того, что Николаю как-то довелось один сезон пасти общественных коз, вот и прикипело прозвище.

Жена Шурочка была полная противоположность своему мужу. Во-первых, её все звали обыкновенно – Шурочка. Если хотели, чтобы слушателю было более понятно о ком идёт речь, добавляли – Козерогова. Во-вторых, Шурочка была росточка довольно скромного, даже привстав на носки, не дотягивала мужу до подмышек. Но зато на язык баба острая, в поступках стремительная, с быстрыми резкими жестами. Спуску никому не давала, если что не по ней, сразу вступала в перепалку, отстаивая свою правду. Тогда её пронзительный голос можно было услышать на другом краю деревни. Столь непростой характер Шурочка, по всему видно, приобрела ещё в раннем детстве, давая отпор своим обидчикам из числа более развитых сверстников, которые

так и норовили заклевать миниатюрную, словно Дюймовочка, девчонку из-за её малого роста. Но об истинной причине теперь можно лишь догадываться. Кстати, очень странно, что прозвище Дюймовочка к Шурочке Козероговой так и не приклеилось. Наверное, всё из-за этого самого характера, который у Дюймовочки из сказки был более покладистый. Как бы там ни было, но Козерог с Шурочкой между собой ладили.

Как и все деревенские, они держали небольшое необременительное хозяйство: коровку, телочка, поросёночка и ещё кое-какую мелкую живность. Без этого в сельской местности никак. В общем, по деревенским понятиям, жили не лучше и не хуже других. Правда, водилась за Шурочкой одна странность: при работе на огороде ли, в саду ли она вдруг непредсказуемо оставляла работу, порывисто обнимала своего «благодарного» и одаривала долгим и горячим поцелуем.

– Шур, люди смотрят, – смущённо басил Козерог, пытаясь отстраниться.

После чего томно потягивалась и, хитро поглядывая по сторонам своими зелёными глазами, вновь принималась за работу, как ни в чём не бывало. Что на неё находило в такие моменты – непонятно.

– Вот, сучка, вертлявая! – на чём свет ругались бабы, глядя на всю эту срамоту и отчаянно плевались: – Тьфу, тьфу!

Прилюдно целоваться нашими бабами не поощрялось и осуждалось чуть ли не как первородный грех. Но, думаю, что втайне бабы ей завидовали, которые, чего уж там говорить, грубы были со своими мужьями. Хотя детей клепали бессчётно.

Конечно, и у Козерога с Шурочкой не обходилось совсем уж без скандалов, всё-таки были они люди простые.

Но если в других семьях драки и скандалы происходили с пугающей регулярностью, то здесь достаточно редко, и, как правило, в день выдачи зарплаты. Но зато в этот день разыгрывалось целое представление. Начиналось всё довольно обыденно, вначале Козерог выпивал с мужиками в складчину, потом удалялся в неизвестном направлении. Подглядывать за ним один случай отвадил навсегда.

– Я тебе не жена, чтобы за мной следить, – грубо сказал Козерог и слегка смазал соглядатаю по пьяной физиономии.

– Кофелог, пафла, удафлю паскуфу! – распаяясь, кричал мужик, ужасно шепелявя из-за неожиданно свалившегося на него несчастья в виде двух отсутствующих зубов и сломанного носа. Но, как водится, обиды не затаил, потому, как сам был виноват. Да особо и не стремился, осознавая всю тщетность своей вендетты. А так хоть жив остался.

На деревне все люди на виду, поэтому тайна скоро стала достоянием даже самых нелюбопытных. Да и тайна, если признаться, оказалась до обидного простой: Бог своих детей Козерогу и Шурочке не дал, вот его по-пьяному делу ноги сами и приводили туда, где играли ребяташки. На трезвую голову рослый Козерог стеснялся проявлять нереализованные отцовские чувства, чтобы не выставить себя на посмешище. Всё-таки взрослый семейный мужик, а не ветреный мальчишка. Козерог без разбору садился хоть в траву, хоть в придорожную пыль, по-пьяному широко разбросав ноги, и принимался щедро одаривать малышню гостинцами. Специально для этого случая Козерог покупал в магазине кулёк конфет «подушечки». Чтобы собутыльники не узнали о его слабости и не осмеяли, предприимчивый Козерог кулёк прятал в карман обширных брюк. Естественно, что в таких условиях сладости долго находиться не могли и

начинали заметно подтаивать. Козерог аккуратно извлекал из кармана слипшийся ком, бережно отколупывал «подушечки» и с чувством вкладывал их в испачканную ладошку очередного счастливого. По тому времени родители не часто баловали своих детей разнообразными «вкусняшками», поэтому ребяташки были несказанно рады любому гостинцу. Даже от тех последних нескольких конфет, которые Козерог выуживал со дна кармана вместе с крошками табака, никто не думал отказаться, побрезговав. Когда заканчивались конфеты, добрый дядя Коля Козерог начинал оделять всех мелочью. После мелочи наступал черёд купюр.

– На тебе, Петька, на лисапед, – войдя в раж, басил огромный Козерог и совал замусоленные рубли соседскому мальчишке за пазуху. Потом с умилением гладил белобрысую макушку девчонки с лицом конопатым, как перепелиное яйцо: – А это тебе, Маришка, на новую куклу!

Шурочку в деревне хоть и недолюбливали, но всегда находился доброжелатель, который доносил о местонахождении мужа и его пьяных проделках. Вот в такие минуты умиротворения и блаженства и появлялась разъярённая Шурочка с толстой хворостиной. Хворостина в своё время была специально подобрана для выгона на выпас своенравной, как сама хозяйка, коровы. Ну и, наверное, ещё вот для таких случаев...

– Паразит! – нервничая, голосила миниатюрная Шурочка, – Связался с несмышлёной ребятнёй! Барин какой выискался, деньгами сорить!

Ребятишки знали, как тяжело достаются деньги родителям, и охотно возвращали чужую зарплату. Ну, может быть, кто-нибудь по рассеянности и оставлял себе копейку на кино. Не думаю.

Тем временем Козерог упирался руками в землю, тяжело поднимал зад, чтобы принять вертикальное поло-

жение. Выбрав удобный момент, Шурочка с наслаждением лупила по натянутым ягодицам, приговаривая:

– Идол, дубина стоеросовая! Я из тебя дурь-то вы-
бью!

Ругаться она умела. Козерог с трудом выпрямлялся, и скорбная процессия в сопровождении галдящих ребятишек начинала движение по улице. Впереди, покачиваясь из стороны в сторону, двигался сам виновник торжества, следом Шурочка, не забывая время от времени охаживать по его широкой спине хворостиной.

– Окаянный! – специально шумела на всю улицу Шурочка, как бы приглашая односельчан посочувствовать её тяжёлой доле. – Медведь-шатун!

Когда Козерог с Шурочкой скрывались за калиткой своей усадьбы, расклад менялся: Козерог оборачивался и, набывчившись, шёл на Шурочку. По пути он прихватывал прислонённую к стене сарая слегу, которой угрожающе размахивал перед собой, круша всё подряд.

– Зашибу! – страшно хрипел он, бешено вращая налитыми кровью глазами. – Ведьма!

Только привычная ко всему Шурочка не пугалась его угроз, оборачивалась задом, задирала юбку и звонко хлопала по своим ягодицам ладонью

– Попробуй, достань! – злоратно выкрикивала вёрткая Шурочка. – Пень дремучий!

Через полчаса бесперспективного занятия догнать жену запыхавшийся Козерог отбрасывал слегу и тяжело плюхался на порог.

– Что ж ты, сука, со мной делаешь?! – стонал он и скрипел зубами, пьяно мотая головой. – Ты же из меня кровь сосёшь... клоп вонючий! Да я, может, жить без тебя не могу! – Он глухо ударял себя в грудь кулаком. – А ты, курва, даже забер... заберем... заберенем... не можешь!

Шурочка присаживалась на порог рядом, обнимала за шею и теребила его разбойничий чуб, часто смаргивая обильно текущие слёзы.

– Ничего, Коля, – слабо утешала она, – может и нам Бог даст счастье иметь ребёночка.

Они сидели в тёплых вечерних сумерках, здоровый, словно бугай, Козерог и льнувшая к нему маленьким воробышком Шурочка. Она ласково гладила его по голове, потом, глядя куда-то вдаль, тоненьким голоском заводила:

– Степь да степь кругом, путь далёк лежит...

– В той степи глухой умирал ямщик, – басом подхватывал Козерог.

А ещё Козерог с Шурочкой были большими любителями походов за земляникой. Они спозаранку выгоняли корову в стадо, брали туески и уходили в дальний Мажарский лес, где водилась особенно душистая и крупная земляника. Возвращались Козерог с Шурочкой поздно вечером с полными туесками ягод, сверху прикрытых листьями папоротника. Но однажды Козерог вернулся из леса в полдень, деревенские улицы, томимые июльской духотой, были пугающе безлюдны. На руках Козерог бережно держал Шурочку, лицо которой заметно осунулось и посерело. Она тяжело дышала, в груди хрипело, а за белыми, как мелкий жемчуг зубами, шевелился распухший язык.

– Коль, – спёкшимися губами через силу едва слышно шептала Шурочка, – а ведь я всё-таки понесла... ребёночка.

– Шур, ты молчи, – страшно кривил лицо Козерог, чтобы вслух не разрыдаться, – не трать силы.

Ещё не было случая, чтобы в нашем лесу кого-либо ужалила змея со смертельным исходом. Одиннадцать километров по солнечной жаре, которые пришлось выдержать миниатюрной Шурочке на руках у мужа, довершили тём-

ное дело, нога распухла до невероятных размеров и почернела. Пока сонный сосед запрягал лошадь, да гнал во весь опор на станцию, где находилась больница, Шурочка скончалась. Гроб неутешительный Козерог смастерил сам, безжалостно разгородив ларь, в котором хранилась пшеница. Выдержанные годами сухие дубовые доски были самым подходящим материалом, чтобы не дать скоро превратиться в труху мёртвому, но всё ещё прекрасному телу. Фотографию на крест Козерог прикрепил свадебную, чем поразил многих деревенских. В рамке под стеклом они с Шурочкой сидели голова к голове: Шурочка в венке из искусственных листьев, а он – в жениховской фуражке с цветком и с торчащим из-под козырька чубом. И не потому, что другой фотографии в доме у Козерога не нашлось, а потому что так ему захотелось. В оградке посадил молодую рябинку, выкопав из своего сада, чтобы над могилкой всегда сохранялась лёгкая прохлада.

Как-то после похорон мы с ребятами ночью шли в соседнее село на танцы. Единственная дорога пролегла мимо кладбища. Мы уже привычно миновали кладбище, как вдруг услышали странное приглушённое подвывание, которое доносилось из гущи зарослей. Голос был до того жуткий, что не только у меня одного по коже пробежали мурашки. Хорохорясь друг перед другом, мы тихо подкрались к тому месту, готовые, если честно, в любой момент убежать. Скоро мы увидели чёрную фигуру, которая стояла на коленях перед могилой, раскачиваясь взад и вперёд. В свете ущербного месяца мы узнали Козерога.

– Что ж ты наделала, милая, зачем меня оставила? – убивался Козерог. – Обещала ребёночка, а сама забрала его с собой. Как же я теперь здесь один на этом свете жить буду? Мне и свет без тебя не мил.

Даже из кустов наблюдать было страшно, а подхо-

дить тем более. В гневе Козерог был безумен, а уж после этого случая с ним вообще боялись разговаривать и при встрече старались обойти стороной. У кого-то из нас под ногой хрупнула ветка, и мы в ужасе застыли.

– Кто тут? – спросил Козерог. – Шур, ты?

Ломая кусты, мы рванули с кладбища, перепрыгивая через могилы и оградки, в один миг очутившись на дороге. Идти на танцы нам расхотелось, и мы вернулись в деревню, где всё рассказали родителям.

На это древняя старуха Федулиха знающе заметила:

– Уж поверьте мне, бабоньки, не жилец он на белом свете, раз зачастил на кладбище. Зовёт она его к себе. Уж такая у них, видно, крепкая любовь была.

Прозорливой оказалась Федулиха, как в воду глядела, старая. Козерога нашли под вечер на «сороковины» на кладбище. Он лежал, обняв могилу, плотно прижавшись щекой к холодной земле. Рядом на расстеленной газете находился немудрёный помин: огурец, лук, хлеб, стакан и початая бутылка водки. Козерог был мёртв. На застывшем лице подсохшие дорожки от слёз, в скрюченных пальцах комья земли, как будто он пытался выкопать покойную из могилы. Не выдержало сердце разлуку. Жить без своей Шурочки, своенравной, но дорогой и ещё не родившегося долгожданного ребёночка, Козерог не захотел.

Объявление интимного характера

И надо же было такому случиться, что Серёге Кулеватову в руки попало объявление интимного характера. А дело было так: Серёга возился в саду, и внезапно ему приспичило в «нужник». Туалетной бумаги там, как обычно, не оказалось, он выскочил обратно, сильно переживая

за слабость своего здоровья, схватил первый попавшийся на глаза клочок бумаги и опять нырнул в «уборную». Пока сидел на «толчке», от нечего делать принялся изучать печатный текст и увидел это самое объявление: «Сдам 2-комнатную квартиру в областном центре двум молодым симпатичным особам (подругам) 18-25 лет на длительный срок (больше года). Оплата натурой 1-3 раза в неделю (с каждой или сразу с обеими). Живу в другой квартире... – в этом месте уголок был оторван и далее: – Любимые девушки, не обижайтесь. Не мы такие, жизнь такая. Алекс, 24 года».

– Надо же такое придумать! м ещё посмеялся Серёга, восхищённый изобретательностью неизвестного парня.

И вдруг ему стало не до смеха, потому что вспомнил: его единственная дочь, Ленка, недавно съехала из квартиры, которую они с женой нашли, на другую квартиру, двухкомнатную, объяснив свой переезд тем, что теперь она будет жить с подругой и вдвоём меньше платить. Откуда это вдруг у неё появилась такая нездоровая тяга к экономии его – Серёгиных денег? Раньше только и было слышно: пап, купи это, да, пап, купи то. А тут прямо бессребреницей какой-то стала! И это паскудное объявление на Серёгином подворье само по себе появиться никак не могло. Если только его не привезла эта паршивка, которая неделю назад наведывалась на выходные. Всё сходилось.

Серёга, как угорелый, выскочил из сортира и на полусогнутых ногах, потому как затекли от долгого сидения, побежал в дом, застёгивая на ходу брючный ремень.

– Сколько раз говорил, чтобы в туалете всегда лежала туалетная бумага! – с порога заорал он на жену Ольгу, которая на кухне пекла оладушки.

– Деньги надо экономить, – поучительным тоном ответила жена, продолжая стряпать, – дочь всё-таки в кол-

ледже учиться. Ольга была пухленькая, мягкая, тёплая и на удивление спокойная, что иной раз Серёгу заводило с полуоборота. Сейчас как раз был такой случай, и Серёга заорал ещё громче: – Экономисты хреновы! Что одна, что другая! Совсем заэкономились!

– Ты чего разошёлся-то? – спросила слегка удивлённая жена.

– А то! – Серёга хотел было сунуть ей под нос объявление, но вспомнил, что использовал его в гигиенических целях и ещё больше разволновался, прямо рассвирепел: – Разожрались тут, понимаешь, на дармовых харчах! (Жена временно не работала, так как находилась на «больничном» по причине повышенного сахара в крови).

– Какая тебя муха сегодня укусила? – обиделась Ольга.

– Цеце!

– Ещё обзывается? – жена зашмыгала носом. – К нему как...

– Объясняю специально для необразованных, — грубо перебил Серёга. – Цеце -это такая ядовитая муха, обитает в Африке. Она меня и укусила.

– Крокодил тебя укусил, – смаргивая слезинку, с иронией высказалась Ольга, – бешеный.

– Ха-ха-ха! – искусственно посмеялся Серёга. – Юмористка – самоучка! Смешно, прям обхохочешься!

– Скушай оладушка и сразу успокоишься, – дала дельный совет жена, переживая за нервную систему мужа.

– С вами успокоишься только на кладбище, – крикнул в сердцах Серёга. – Где труба?

– Там, где всегда, – пожалала покатыми плечами Ольга, – на столе в зале.

Серёга метнулся в зал, схватил старый Ленкин содовый телефон и под недоумённым взглядом жены набрал

номер дочери. В отдалённой от цивилизации деревне связь была плохая, он только и смог сквозь треск разобрать Ленкин голос, и через минуту всё куда-то пропало, по-видимому, специально отключилась. Только Серёгу, как старого воробья, на мякине не проведёшь, показалось, что дочь как-то не так разговаривала, тяжело дышала, звучала музыка, и мужской голос что-то плёл о продажной любви.

– Началось, – сквозь зубы процедил Серёга и заскрипел так, что во рту образовалось крошево. – Быстро собирайся, едем к Ленке! – заорал он опять на жену. – Чего стоишь, зенки вылупила, как кукла моргучая?!

– Да что случилось-то, хоть скажи? – не могла никак взять в толк жена.

– А то и случилось! – Серёгу прямо трясло от её бестолковости, вот и дочь вся в неё пошла. – А то и случилось, что твоя дочь спит с парнем!

Но Ольга встретила новость на удивление спокойно, как будто они с Ленкой заранее сговорились.

– Она уже взрослая, если помнишь, в прошлом месяце двадцать стукнуло.

– Взрослая?! – закипел Серёга так, что чуть пар из ноздрей и ушей не повалил. – А это ничего, что она квартиру... своими причиндалами отработывает? А это уже конкретная проституция!

Ольга ахнула и выронила раскалённую сковороду, которая упала на Серёгину босую ногу, потому что он, как примерный семьянин, заранее оставил грязные калоши в прихожей.

– Твою ж... Лексевну! – дурным голосом заорал Серёга, прыгая на одной ноге. – Косорукая тетеря!

Держась ладонями за румяные щёки, и качая головой, Ольга принялась слезливо причитать:

– Ой, цветочек ты мой любонький, да как же такое

могло случиться-то-о-о?!

– Цыц! – прикрикнул Серёга. – Душу рвёшь ты своим воем... как будто по покойнику. Дам вот сейчас... сковородкой по кумполу, будешь знать, как выть.

Угроза возымела действие, и жена притихла.

Пока добирались до областного центра на своих подержанных жигулях, Серёга накрутил себя до того, что у него непроизвольно стала дёргаться голова и нервно прыгать живчик под глазом. Жена со страхом на него косилась, но молчала, опасаясь, что в столь невменяемом состоянии муж легко высадит её на пустынной дороге. А перенервничать Серёге было от чего: его пухленькая дочь, которая статью пошла вся в мать, такая же добрая и отзывчивая, и вдруг какого-то прыщавого юнца ублажает в кровати, чтобы не платить за квартиру. Неужели Серёга когда-нибудь жалел денег на свою единственную дочь? Правда, слегка успокоился, подумав о том, что, может быть, он ошибается и Ленка лесбиянка: не зря же она снимает квартиру вместе с подругой. Прямо не знаешь, что лучше.

Ближе к городу у Серёги в голове вообще всё перемешалось: вспомнил, что неизвестный Алекс предпочитает секс втроем, а это уже свальный грех, почище, чем Содом и Гоморра будет. «Сходу втащу сопляку по харе», – зло подумал Серёга и только сейчас осознал, что педаль газа упёрлась в пол, а он всё давит и давит, хотя стрелка спидометра неподвижно стоит на отметке в сто километров. От нетерпения Серёга заёрзал на сидении и даже начал раскачиваться всем корпусом, будто от этого старая «убитая» машина поедет быстрее. К мученическим страданиям добавилась ещё и боль от обожжённой ноги.

Глядя на мужа, Ольга незаметно перекрестилась и всю остальную дорогу что-то беззвучно шептала своими пухлыми губами.

Мельком взглянув на окна на пятом этаже, Серёга нетерпеливо рванул по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Ольга заторопилась следом, тяжело дыша и держась за поручень, переживая, чтобы он в горячке чего-нибудь не натворил. На площадке Серёга резко позвонил, потом забарабанил кулаком в дверь.

– Ленка, открывай! – крикнул он. – Я знаю, что ты дома!

Дверь неожиданно быстро распахнулась, и в проёме появилась напуганная Ленка в легкомысленно коротком полупрозрачном пеньюаре.

– Вы чего? – спросила она, недоумённо оглядывая своими бархатными коровьими глазами отца с матерью.

– Приехали учить тебя уму разуму, – зловеще проговорил Серёга и стал лихорадочно вынимать ремень из брюк.

– Пап, с тобой всё в порядке? – спросила поражённая Ленка, отступая вглубь квартиры.

– Ты мне зубы не заговаривай, – сказал Серёга, неумолимо надвигаясь на дочь и потрясая ремнём, – они у меня и без тебя здоровые. Говори, где прыщ?

У Ленки от удивления поползи вверх отцовские густые брови.

– Пап, ты о чём? – спросила она. – Какой прыщ?

– Не хочешь говорить, – догадался Серёга, стеганул дочь по мягкому месту и опять намахнулся.

Ленка побежала по комнате, панически выкрикивая:

– Мам, да уйми ты его! Он сегодня с дуба, что ль, рухнул?

– Сергунь, – ласково обратилась к нему Ольга, – ты и правда, чего завёлся-то?

– Молчи, женщина! – сурово осадил Серёга и с удовольствием отвесил жене по толстому задку, чтобы впредь соблюдала субординацию и не лезла, куда не просят.

Ольге было не так больно, как обидно, и она привычно зашмыгала носом, готовая расплакаться. Воспользовавшись моментом, Ленка быстро заскочила в свою комнату и закрылась изнутри на ключ.

– Открой, Ленка, – потребовал Серёга и угрожающе пообещал, – иначе дверь выломаю.

– Не выломаешь, она денег бешеных стоит, – отозвалась из-за двери Ленка. – И потом я тогда вызову полицию, и ты, папочка, загремишь на пятнадцать суток за хулиганство.

Серёга прямо задохнулся от возмущения:

– Это родного отца и в тюрьму? Хорошую же мы дочку вырастили!

– А ты не хулигань! Ничего сам не объяснит, а драться кидается.

Тут брюки, которые на тощем Серёге кое-как ещё держались, окончательно сползли на пол. Он даже подхватить их не успел и остался стоять в одних семейных трусах, отсвечивая бледными худыми лодыжками в пупырышках. Ольга не сдержалась и прыснула сквозь наворачнувшиеся слёзы, спешно прикрыв рот ладонью, чтобы громко не расхохотаться. Неожиданный позор несколько поубавили Серёгин пыл, и дальнейшие переговоры прошли мирно.

Выяснилось, что квартиру сдаёт дальняя родственница Ленкиной подружки, никакой причастности к объявлению дочь не имеет и, скорее всего, злополучный листок во двор занесло ветром с проезжей дороги, по которой часто ездят дачники.

– Фу, какая мерзость! – пренебрежительно скривила милое личико Ленка, она всё ещё не могла поверить в происходящее. – Я не дешёвка какая-нибудь!

– А что я ещё мог подумать, – виновато оправдывался Серёга, – когда всё сошлось. Но ты всё равно имей в виду,

если что, то вот... – Серёга многозначительно потряс ремнём.

– Это я уже поняла, – засмеялась Ленка и уткнулась отцу лицом в грудь, как бывало в детстве.

Счастливый Серёга погладил дочь по голове и даже слегка прослезился, будто баба. Только близкие сделали вид, что не заметили его кратковременной слабости.

Михаил ВОЛЧИХИН

Майская ночь

Стихи

Я знаю, почему Победа настала именно весной

Весна заполнила собой
пространство от земли до неба,
и как же выглядит нелепо
война, зовущая на бой.

Нелепо, что героя вновь,
по ранам родины таская,
пленит не женская любовь,
а чья-то ненависть мужская.

Я сердцем чувствую вину
за то, что песни не допеты,
за то, что на земле Победы
реанимируют войну,

за то, что от лихих сирен,
когда весна на белом свете,

впадает в обморок сирень
и плачут женщины и дети.

Я потому теперь пою
и с маем набираю силы,
чтоб сыновья моей России
не погибали бы в бою.

Как много песен не допето
о той войне, но, Боже мой,
я знаю, почему Победа
настала именно весной.

Майская ночь

Что за чудная ночь! И, казалось бы, всё не в новинку,
и, казалось бы, лирику надо отправить в утиль,
потому что луна не способна искать половинку,
неживая луна, среди самых обычных светил.

Когда звёздную шаль не набросишь любимой на плечи,
и наука на стрёме, и скованный дух не таков,
разве в детство впадает большое дитя человечье
и таскает в себе предрассудок далёких веков?

Разве благо земле, что сегодня недолог и редок
посреди лихорадочных гонок, кощунств и битья
очарованный взгляд, что оставил в наследие предок
на божественный мир, на согласную суть бытия?

Забредите весной в придорожные рощи России,
в чём измерите их, кроме музыки, красок и слов,

но, конечно же, не в кубометрах сырой древесины,
а, скорее, в количестве иволог и соловьёв.

Окунитесь в зарю, в разливанное озеро света,
упадите в траву, что весной зеленеет, как плюш, –
зримым почерком писана самая точная смета
на строительстве мира и всех человеческих душ.

Утоните в саду, что до дна не испит, не разграблен
налетевшей с округи ватагой расчётливых пчёл,
утоните среди зацелованных вишен и яблонь,
в этом райском саду, где нектар раздают нипочём.

Нам ли жить, не любя, не дарить себя миру построчно,
потому не лукавлю, когда от весны во хмелю
говорю, что сложить поэтического полномочья
не могу, не желаю и Бога о том не молю.

Выдумщица

Не понимаю: в ком – не так
одна в холодных комнатах,

и как теперь тоску нести,
когда ты в недоступности.

Как белый клавиш западу
в окне, стоящем к западу,

всё словно в колесе верну
в окне, стоящем к северу.

Пусть будет эта ночь чиста –
опять от одиночества

на радость иль беду мою
тебя себе придумаю,

былые встречи ранние,
твоё очарование.

С особою заботою
придумаю любовь твою.

Пусть будет близкой высь – до пят,
где в небе звёзды выступят,

где отыщу в ряду иль меж
себя, когда придумаешь.

Бабье лето

Душу одну не возмёшь восемью
с неба на землю.

Господи! – это как вздох по всему,
что не объёмлю.

Как упоительна и хороша
бабья угодница.

Души вместительны, только душа,
словно расходится.

Эй, музыкант, непременно сыграй,
хватит мещанствовать.

Музыка – это любовь через край –
не уместается.

Не уместается поле и сад,
дом с домочадцами...
Мне потому и случилось писать –
не отмолчаться.

Майка ЛУНЁВСКАЯ

Вот боль пройдёт...

Стихи

* * *

Когда взаимна речь, но бесполезна связь,
когда любая вещь – коррозия и грязь,
когда разлад вещей и вообще разлом,
и время, чтоб точней, хранится под стеклом.
Всех объяснений «из», и в продолженье «за»,
когда имею жизнь, а пользоваться нельзя,
когда слова её – облом или обрыв,
что человек не мёртв, не означает жив.

* * *

Переходя закрытый рынок, замедлить взгляд:
медузы брошенных пакетов вот-вот взлетят,
ворота сдёрнутой палатки без вратаря,
тележка катится пустая (как жизнь моя).

* * *

Зерно, росток, растение, распад.
И солнце есть, но нам с тобой не светит.
И слышно нам, как двое говорят:
– В чём смысл жизни?
– Кажется, что в смерти.

Расти, пока не кончилась земля.
Ни для чего, ни для кого, ни для...

* * *

– Это вера?
– Нет, ещё не вера.
Это окончание её.
Есть слова «не знаю» и «наверно»,
угадай, каких недостаёт?

– Это радость?
– Нет, ещё не радость.
Это пиво светлая печаль.
Жизнь опять прошла, не начинаясь.
– Ну хоть ты не начинай.

Было нам легко и безнадёжно
(школу прогулять по ОРВИ).
– Можно мне ещё?
– Конечно можно.
Сколько хочешь боли и любви.

* * *

Фонарные стволы
лишённые листья
и недостаток хлорофилла.
Весна восполнит.
И воздаст воды.
Воздаст любовь
крестами красоты
и пылью оседающего пыла.

Вот боль пройдёт, тогда и скажешь ты:
«Не больно было».

* * *

Близко поставленный стул, ведро под кроватью,
бабушка больше не выходила из дома.
– Что ты видишь в окно иконы? Что ты видишь?
Прервать её
не прозвучавший ответ.
Если свет с улицы – значит утро,
ночь делают шторы.
Чтобы определить время суток...
Но зачем, если есть рисунок
на обоях? Ноготь очерчивает пятно жира,
как чей-то профиль пятно.
Ты умерла и мы тоже, видишь, как живы.
И по каждому вырублено окно.

* * *

Деревянных и не – по бокам разномастная рухлядь.
Чешуя пересохшей эмали – зелёной и белой.
И сплошная листва (для того, чтобы осенью рухнуть).
А посмотришь в окно, там, наверно, герань или ругань.
Чем пестрей, тем нарядней, где жизнь ожидается бедной.

Что за жёлтыми шторами света, одни или семьи?
За облупленной рамой какие подробности быта?
Для того и смотришь, что один, но как будто со всеми.
И особенно в эти, которые стёкла разбиты.

* * *

Родная грязь, родная же земля.
На Масленицу массовость. Я зря
на празднике, но очередь займу нам.
Представим радость, вот она батут.
Там прыгают, здесь в очередь встают.
А прыгать можно худеньким и юным.
В конце, я знаю, женщину сожгут.
Но мы не остаёмся до концовки.
И пахнет март как перегар отцовский.
И праздника от праздника не ждут.

* * *

Только толку, что крестьянские?
Кто уехал и ни разу,
кто на Пасху и на майские.
Здесь без мамы, там без мазы.

Там простая, беспредельная,
удручающая родина.
Здесь не жизнь, а так, бесцельная
на саму себя пародия.

В слове «дом» все буквы вытерлись.
Мы не выбрали, мы выбрались.

Елизавета МАРТЫНОВА

Воздух дороги

Стихи

* * *

Чьи это гены во мне говорят,
Властно зовут по России скитаться,
В дикую степь, в гулевой листопад,
Хоть мне давно уже не восемнадцать?

То ли в кибитке, а то ли пешком,
С поездом шумным, с надеждой тревожной –
Всё же покину постылый мне дом,
Так, что вернуться назад невозможно.

Да и к чему? Ведь земля широка,
Каждая ночь может стать роковой,
И разливается в небе река
Птиц, улетающих над тишиною.

Мы-то не птицы, да песня долга,
Стелется степью да вяжется шалью.
Звуки раскатятся, как жемчуга,
Вырастут звёзды на месте печали.

В чёрную полночь за рыжим костром
Тень танцевальная движется следом,
И осыпается ржавым холстом
Воздух дороги, вedom и неведом.

* * *

Сквозь влажный обморок листвы –
Шаги, шаги, шаги.
Шуршат оранжево кусты
Рябины и ольхи.

Там вспыхнет, рядом подмигнёт
Искринкой дождевой,
И не кончается полёт,
Задуманный листвой.

Земли покатою мокрый бок
Касается небес,
И смотрит изумлённый Бог
На ярко-красный лес.

Неуловима красота –
Она сотворена
На краткий миг из тайны тайн
В былые времена.

Беспомощна её душа,
Как веточка, тонка,
И дождь ложится не дыша
В резную тьму листка.

И человек, что здесь прошёл,
Выходит сам не свой
В мерцающий туманом дол,
В поля с ночной травой.

* * *

Костры – Дон Кихоты осени,
Оранжевы и остры,
Себя в синий воздух бросили
До сумеречной поры.

Качаются – не кончаются
Их пламенные бои,
Как будто звезда-печальница
Роняет искры свои.

И на костров неистовство
Смотрит речная мгла,
Пристально смотрят пристани
И тихих вод зеркала.

Вода утекает медленно,
Огонь погасает враз.
Ночные костры последние
Не помнят меня сейчас.

Их время уже закончилось,
Их пепел совсем седой.
...Я стану костром пророческим
И никогда – водой.

Гнездо

Чёрного неба тягучий мёд
Льётся за горизонт.
Кто эту тяжкую сладость пьёт
Вместе с ночной слезой –

Тот навсегда свободен, а я
Слишком земной была,
И оставалась – летя, скользя,
Птицей гнездо вила.

Чёрной звездой сияло оно
В гуще лохматых крон,
И облетала его стороной
Стая старых ворон.

И обходили сплетни его,
И миновала беда,
Но капля неба – всего-ничего –
Однажды коснулась гнезда.

И вот, как пропасть, зияет оно,
И видно в его окно,
Что смерти нет,
И уже всё равно,
И боль отменить не дано.

И видно: бежит затяжная вода
По стёклам домов людских,
По зеркалам невинного льда,
Светлым глазам тоски.

И всё скрывает небесный дождь:
Души, сердца, крыла,
И обнимает синяя дрожь
Землю, где я жила.

* * *

Нам надо подготовиться к зиме:
Заклеить окна и купить картошки.
Кто знает, у зимы что на уме,
На сердце что, и в будущем, и в прошлом –
Снега, снега... Тропинку протоптать
Нам надобно под окнами своими
И уходить уже, и ускользать
От бед глухих по белизне равнины.
Здесь лыжников и беглецов не счесть,
Лыжня вдоль леса тянется, петляя,
Впадая в синеву, теряя блеск,
Саму себя перечеркнув, теряя...
Давай на склоне белом постоим
И помолчим мгновение-другое
О том, что нам известно лишь двоим –
Прозрачное, скользящее, тугое,
Как ветер, что шумит уже в ушах
При спуске с гор свистит, не умолкая,
И вот лицо твоё уже в слезах,
Перед зимой исчез недолгий страх,
И тёплый снег в твоей ладони тает.

* * *

Окно,
В котором цветёт сирень –
Оно остаётся мне,
И нежный свет,
И живая тень,
И облако в глубине.

Я нарисую это окно,
Море лиловых крыл,
И тех, кто жил здесь
Давным-давно,
И тех, кто о них забыл.

И тех, кто не помнит
Теперь себя,
Стоит у небесных врат,
Прижав к себе
Охапку дождя,
Светом его богат.

* * *

Путешествуй, душа, налегке,
Утварь дома оставь и пожитки,
Оживай – то в листве, то в строке,
В свежем ливне – промокни до нитки.

Пусть твердят, что так жили до нас,
Неумело, нелепо, нескладно –
Ничего не держи про запас,
Уходи, уезжай безоглядно.

Кто нам нужен – тот с нами всегда.
Кто оставлен – тот этого стоит.
Золотая слепая звезда
Небо зоркое взору откроет.

Но легко ли идти по лучу?
В поезд поздний в потёмках садиться?
Подожди, я тебе посвечу,
Тайной жизни твоей проводница.

Всё как прежде: цветы пустыря,
Млечный Путь и тропинка скупая,
Дом, в котором все окна горят,
Ночь горячая, золотая –

Не достаточно ли для пути
Твоего, чтоб счастливой остаться...
Путешествуй, душа, и свети
Всем привыкшим по свету скитаться.

Окраина

Окраина, старая рана,
Старухи и малые дети,
Звезда, что горит неустанно –
И память, которая светит.

Жизнь – словно окраина эта,
Огромное жёлтое поле.
В ней хватит и ветра, и света,
И воли, и счастья, и боли.

Но мало ли что приключится –
Смотрю в поднебесье, не щурясь.
Окраина, чёрная птица,
Тень горя на сумерках улиц.

На фоне домов аварийных –
Израненный старостью тополь.
Здесь жили, стирали, варили
И жизнь не считали жестокой.

О чём сожалеть? Всё сбывалось.
О чём говорить? Всё известно.
Здесь детство похоже на старость
И старость похожа на детство.

Здесь звёзды сияют упрямо,
А сердце – светло и тревожно.
Окраина – старая рана,
Которой зажить невозможно.

Я тоже стану степью

Не вечен город. Здесь столетья степь
Лежала – неподвижная, глухая.
Звезды погибшей опускаться свет
До золотой земли – и в травах таял.
Степь – это воздух, горький и густой,
Весенний, опалённый, неповинный
Ни в чём – и опьянённый высотой
И радугой крылатой и наивной.
Стань детством, степь, воспоминаньем будь –
О девочке, на станции живущей.
Здесь будет город. Здесь намечен путь
Для молодых, безудержных, поющих.

Не страшно им, что призрачен барак,
Сквозящий на ветру войны великой,
Что слишком много выпало утрат
И в скорбных лицах проступают лики.
Играет девочка на пристальном ветру,
Дивится травяному благолепию
И говорит, что «если я умру,
То ничего – я тоже стану степью».

* * *

Душа моя как дерево растёт,
Восходит в чёрный снег ночного неба,
И обнимает кроной небосвод,
И ласково качает звёзды снега.

И годовыми кольцами луна
Окружена, и дерево луною
Приподнято над обмороком сна
И залито литою белизною.

Куда растёт, неведомо ему.
Но воздух гибок, и земля прохладна.
И корни пробираются сквозь тьму,
Как будто бы нащупывают клады.

Земля и небо. Небо и земля.
Мучительно их двойственное бремя.
Январскими ветвями шевеля,
Бежит в прожилках ледяное время.

Внутри его, как будто в янтаре,
Сияют люди, травы и события.
И тает свет на золотой коре,
И невозможно намертво застыть ей.

**Извилистыми тропами –
судьба местной драматургии**
(Статья о тамбовских драматургах)

Когда я стал собирать материал о тамбовских драматургах, передо мною встал серьёзный вопрос – кого называть драматургом. Сам я осмеливаюсь называть себя драматургом не потому, что когда-то учился в Литературном институте у классика советской драматургии Виктора Розова – на курсе все ребята мечтали стать драматургами – а потому, что мои пьесы стали идти в профессиональных театрах России и Зарубежья. Это серьёзный повод именоваться драматургом. Хорош ты или плох – пусть решают театры и зрители. Например, актёр Тамбовского театра Игорь Миросердов написал когда-то пьесу по мотивам английских народных сказок «Герой округи» (2003 г.), затем сделал новогоднее шоу по своему сценарию (2008 г.); актриса Ольга Сирото написала симпатичную сказку «Театр синьора дель Торо» (2016 г.) и сама же поставила её; заслуженный артист РСФСР Николай Куличенко совместно с известным драматургом Владимиром Массом написал несколько пьес, прошедших с успехом во многих театрах Советского Союза, две из которых – «Сады цветут» (1960 г. и вторая постановка в 1971 г.) и «Дороги к сердцу» (1962 г.) – были поставлены в Тамбовском драматическом театре. Сам Куличенко тогда служил в труппе этого театра.

«Да мало ли кто из актёров ни писал пьес, – скажет мне сведущий человек, – как говорится, сидеть рядом с водичкой и не напиться». Я и сам не безгрешен: работая актёром в тамбовском театре, написал, поставил и сыграл в своей монодраме «Советские Штаты Америки, или Исповедь лузера» (2010 г.), то есть использовал служебное положение в личных целях... Шутка. На самом деле я владел такой

информацией об Америке, которую обыватель не смог бы узнать даже в Интернете – я прожил в Штатах около года среди простых американцев, пока Бен Ладен не протаранил две Башни-близнеца. У меня начинался физический зуд от желания рассказать всем, что я знаю. За неделю я излил всё на бумагу и поставил спектакль! Он шёл полтора сезона ежемесячно, побывал на трёх международных театральных фестивалях (Йошкар-Ола, Махачкала, Астрахань), пока я не уехал в другой театр. Значит, я угадал, что зрителю эта тема будет интересна.

Индикатором общественного интереса должен быть не только драматург, но и весь театр. Театр не обязан отвечать на вопросы, театр должен их формировать, то есть если человек чувствует дискомфорт, какую-то потребность, то после посещения театра он сможет сформулировать свою потребность, задать вопрос себе, как писал Владимир Маяковский, без поэта «улица корчится безъязыкая». Конечно, идеологический или пропагандистский театр потребности зрителя не чувствует, он их создаёт, а чаще навязывает. Это было большим бременем для советского театра, которое искажало взаимообратную связь Зритель–Театр–Зритель.

А если бы я больше ничего не «наваял», можно ли было считать меня драматургом? А считать ли драматургом бывшего моряка из Мичуринска А. Шишова, который написал всего одну пьесу «Эсминец на рейде» (1955 г.), что шла на тамбовской сцене? Старожилы говорят, по спектаклю было заметно невооружённым глазом, что драматург новичок. Публику не проведёшь! Ну да, бывает и так – автор одной пьесы, одной книги, одного фильма...

Когда режиссёр или актёр изливает свою творческую энергию в написании пьесы, тоже понятно, «театральная кухня» им хорошо знакома, они знают, чем взять зрителя, где дать актёрам возможность поимпровизировать, какие

эффекты на сцене возможны, а какие нет. Это так же логично как то, что фигурист может дать урок начинающим, а может стать тренером, а потом и вовсе создавать ледовые шоу. Если, конечно, отыщет в себе ещё и способности постановщика. Это закономерно.

Поэтому я буду считать драматургами всех, кто хотя бы раз написал пьесу, и она хотя бы раз была поставлена на профессиональной сцене с профессиональными актёрами, а зрители покупали в кассе билеты, чтобы полюбоваться на спектакль. Вот и весь мой критерий, иначе я легко свалюсь во вкусовщину. А все прилагательные, типа, слабый, непрофессиональный, великий, забытый, одноразовый, местный, заказной – всё это я оставлю краеведам. И ещё: я считаю, что есть тамбовская драматургия, орловская или московская. Но Есенин – это не рязанская поэзия, а мировая, а сам он великий сын земли рязанской. А какой-нибудь рязанский поэт, чья слава не перешагнула пределы родной губернии, вполне может быть предметом гордости земляков и краеведов, так же как эстонский писатель, которого не знают в соседних странах.

Бесспорно, огромным толчком для развития культурной жизни на Тамбовщине явился приезд в Тамбов Гаврилы Державина в 1786 году, где прослужил он губернатором три года. Я согласен со словами Георгия Плеханова о роли личности в истории – эта роль значительна. Державин открыл в Тамбове театр, типографию, несколько народных училищ, создал газету, прививал населению вкус к культуре и искусству. Особенно этому поддалась тамбовская молодёжь: ведь именно благодаря Марии Орловой, которая играла в домашних спектаклях супругов Державиных, было отстроено новое здание театра взамен сгоревшего. Как только появляются возможности, скоро появляются желающие – уже при Державине возникают две сочинительницы дамских

романов, которых тут же печатает местная типография и пускает в торговлю их книги. А козловский поэт-литератор Пётр Захарьин аж пешком пошёл из Козлова в Тамбов, когда узнал, что за личность теперь находится в центре. Державин выбил для самородка пенсию, а также и представил самого Захарьина императрице.

19-й век был бурным в плане театральном, тогда театр был антрепризным, большое место имели водевили, что писались на потребу публики и были необходимы для пополнения кассы. Сочинителей была масса, и среди актёров, и среди околотеатральной публики, правда, пьески были по большей части однодневками, которые собирали деньги, а затем умирали. И я считаю, это нормально – будь кругом Пушкины да Гоголи, у обывателя случилось бы несварение желудка, и его бы хватил удар.

20-й век был намного драматичнее, вместе с общественно-политическим устройством страны в корне изменилась театральная система – антрепризный театр исчез, ему на смену пришёл театр репертуарный. Это означало, что репертуар вошёл в круг пристального внимания власти, «самоуправства» и «самодеятельности» никто больше не позволит. В этих особых условиях, под слепящим прожектором цензуры, когда институт прописки привязал людей к их «вотчинам», когда театры перешли на содержание государства, стало формироваться понятие местной драматургии. Тут надо отдать дань уважения главному режиссёру тамбовского театра Владимиру Галицкому, термин «местная драматургия» вошёл в обиход с его подачи после выступления на Всероссийской конференции ВТО в Москве в 50-х годах. Период его работы в тамбовском театре – 1947-1957 годы. Именно в это десятилетие на тамбовской сцене возникают спектакли по пьесам Дмитрия Девятова «В Лебязьем» (1950 г.), «Родник в степи» (1954 г.) и «Измена» (1957 г.); по

пьесам Николая Архангельского «Печать доверия» (1953 г.) и «Упорные сердца» (1955 г.); по пьесе Николая Вирты «Три года спустя» (1952 г.); по пьесе Александра Шишова «Эсминец на рейде» (1955 г.).

Конечно, театр – это, прежде всего, люди, которые там работают, и зрители, заполняющие зал. В противном случае он превращается в нечто аморфное, абстрактное и непонятное. Театр без людей мёртв и безличен, как город без жителей, поэтому человеческий фактор в рассмотрении судьбы тамбовской драматургии имеет решающее значение. Другим неизменным условием является заинтересованность театра в открытии местных сочинителей.

Нельзя сказать, что до Галицкого в Тамбовском театре вообще не возникало пьес наших земляков, в 1938 году ставится спектакль по пьесе Николая Вирты «Земля», которую он создал по своему же роману «Одиночество», где описывалось антоновское крестьянское восстание. А в 1943 году главный режиссёр Тамбовского театра Лев Эльстон ставит его же пьесу «Мой друг полковник». Николай Вирта, наш земляк, уже с 1930 года жил в Москве и работал в крупнейших советских газетах: «Правда», «Известия» и «Красная звезда», поэтому отношение к нему было не как к местному неизвестному автору, а как к столичному писателю, к тому же и земляку. Но именно с появлением Галицкого в Тамбове началась работа с местными драматургами, вернее, выращивание местной драматургии. Эти будущие драматурги не имели театральных профессий, но безмерно любили театр: Дмитрий Девятков – обычный корреспондент областной газеты, Николай Архангельский – хирург железнодорожной больницы, Александр Шишов – бывший моряк из Мичуринска. Как вспоминал сам Галицкий о том непросом для театра времени, если бы Митя Девятков не появился со своей рукописью в театре, нам следовало бы придумать этого Митю.

Это время, когда в театрах господствовала «теория бесконфликтности», представителем которой был, кстати, Николай Вирта. Для Галицкого это ужас, скука смертная и глупость, так как в драматургии конфликт и противоборство сторон является осью, скелетом произведения, без чего пьеса рассыпается. Но тогдашняя драматургия находилась под прессом политической диктатуры и выдавала «бесконфликтные» пьесы. А ещё Галицкому хотелось привлечь тамбовского зрителя чем-то необычным, два сезона он работал с молодым неопытным драматургом Девятовым, который правил и переделывал пьесу, и наконец-то рукопись превратилась в зрелищный спектакль «В Лебяжьем». Затем были полные залы, оvationи, приезд известного мхатовского актёра Михаила Яншина из Москвы и Сталинская премия. Не менее кропотливая работа была затем проделана с Архангельским и Шишовым.

Тамбовский зритель почувствовал свою приобщённость к мировому искусству через землячество, это стимулировало интерес и вливало живую кровь в репертуар, где, как правило, властвует классика и апробированный кассовый материал. Я запомню надолго, как после моего моноспектакля «Советские Штаты Америки» ко мне подошёл мужчина, один из зрителей, и сказал задумчиво: «Очень необычно для Тамбова. Даже не ожидал, что в нашем Тамбове такое может родиться...» В эпоху телешоу зритель уже привык, что всё самое лучшее может быть только в Москве, такая монострана со сливками в Москве и дистиллированной водой вокруг. Это тоже происходит от социально-политического устройства, мы ведь живём не в безвоздушном пространстве. После ухода Галицкого в 1957 году традиция, созданная им, продолжилась, да и местные драматурги, почувствовав вкус сцены, не собирались отказываться от драматургических пристрастий. Кстати, Девятов перешагнул

через рубежи Тамбовской области и уже не именовался «местным» драматургом, его пьесы ставились в Москве, да и сам он скоро перебрался жить в столицу.

Далее в 1958 году режиссёр Виктор Качирин ставит спектакль по пьесе Вирты «Дали неоглядные». Затем спектакль по роману Александра Стрыгина «Расплата» об антоновском мятеже, поставленный главным режиссёром Борисом Докутовичем в 1967 году и его же пьеса «Колосья в крови» о тамбовских ходоках к Ленину, поставлена уже другим главрежем Виктором Регурецким в 1970 году. Врач Николай Архангельский (член ВТО с 50-х годов) продолжает работать с театром и приносит свою новую пьесу «Тропинки», которую ставит Регурецкий в 1974 году. В 1983 году писатель Иван Елегечев по своему роману «Губернатор», о губернаторстве Державина в Тамбове, пишет пьесу «Что есть истина?», которую ставит новый главный режиссёр Анатолий Иванов в 1983 году. Пьеса была восстановлена в новой редакции в 1986 году к 200-летию основания тамбовского театра, и открывала отчётные гастроли в Москве – постановка Леонида Шалова.

Скоро страна попадает в круговорот перестройки, затем в период полураспада государства. В 90-х годах ни одной пьесы местных драматургов на сцене Тамбова не возникает, да и говорить о местной драматургии не приходится, для многих это уже пережиток прошлого или советский атавизм. В 90-е годы я поработал в нескольких театрах, поэтому увидел некую тенденцию. Если в советское время в театре тон задавал главный режиссёр, а директор был чистым хозяйственником, который назначался администрацией сверху, и никогда не лез в творческую кухню, то в 90-е всё изменилось. Театр стал «директорским», нужно было выживать в непростое время, зарабатывать на кассовых спектаклях, на сдаче в аренду театральных площадей – в

фойе могли устраивать дискотеки, показ мод, презентации, в комнатках для показа театральных реликвий открывались кафешки... Многие директора старались обходиться без главных режиссёров, как правило, главрежи – народ с амбициями, стараются экспериментировать, ищут новые формы, а для стабильных доходов это вредно. Директорам было разрешено самим принимать и увольнять главных режиссёров, что было просто немыслимо в советское время. Понимая непростую ситуацию, городские власти не ставили на пост директора обычных хозяйственников, как в советское время, бывших строителей и завхозов, теперь в директора попадали заслуженные и народные артисты, завлиты, завпосты, вышедшие в тираж режиссёры и даже театральные критики. Надо сказать, что и среди режиссёров не было большой охоты взваливать на себя обязанности главрежа и «тащить» театр, проще ставить разовые постановки и не отвечать за туманное будущее.

Все 90-е годы тамбовским театром руководит директор Василий Комбаров, выпускник тамбовского государственного института культуры, режиссёрско-театрального отделения. Он верстаёт репертуар, набирает актёров в труппу, приглашает режиссёров, договаривается о гастролях – классический «директорский» театр. Конечно, в такой ситуации нянчиться с начинающим драматургом некогда. Честно сказать, мне в 90-е годы удалось написать сценарий бенефиса для заслуженной актрисы в кинешемском театре, но уже не поворачивается язык назвать это работой с местными драматургами – зрителю нужно было зрелище, директору и бенефицианту – полный зал и овации. Возникло ощущение, что театр стал разворачиваться к 19-му антрепризному веку... Тамбовские неопиты, «девятьовы» и «архангельские», конечно, были, но всё, что они приносили, оставалось безответно пылиться в театральных кабинетах.

тах. Для постановок нужны были готовые апробированные пьесы с гарантированным успехом, а новичкам нужен был режиссёр, который бы, как Галицкий, возился с ними. Возникала нестыковка возможностей и желаний.

В нулевых годах ситуация меняется снова, приходит эпоха некой «гибридности», когда границы размываются и одно вуалируется под другое. Театр уже не совсем репертуарный, но ещё и не антрепризный. Возвращается институт главных режиссёров и художественных руководителей, но внутренне он изменяется – главреж может работать в нескольких театрах одновременно, причём в разных городах, успевая при этом преподавать в институте и ставя разовые постановки на стороне. Естественно, что такая «труффальдинада» не оставляла времени не то чтобы заниматься местной драматургией, но даже собственной труппой. Директор же, будучи режиссёром или актёром, ставит спектакли или играет в них. Он из хозяйственника превращается в продюсера и полноправного владельца театра, соблюдая некий консенсус с главрежем – я прикрываю ваше отсутствие в театре, а вы не лезете в мои дела с финансами и гастролями, например. Как правило, директор и худрук находят общий интерес для договорённости.

В 2001 году в Тамбовский театр приходит Никита Ширяев, он соединяет в себе главрежа и директора, став худруком. Три из написанных им сказок ставятся в театре. Но отсутствие конкуренции и абсолютная власть сыграли злую шутку – сказки, мягко говоря, не получили широкого признания публики. Тут передо мной встаёт вопрос, можно ли считать тамбовским драматургом человека, который прожил в Тамбове всего два года и уехал... Ну, допустим. А кем считать драматурга, который всю жизнь жил в Тамбове, его пьесы ставили в России, но не ставили в Тамбовском театре? Тоже вопрос. Советская привязка к месту ослабла,

люди стали более мобильны, благодаря новым технологиям. Не надо бегать по главрежам с рукописью и «пробивать» её для постановки, появился Интернет, всевозможные порталы, конкурсы драматургов, фестивали – не поставили в одном театре, значит, поставят в другом. Конечно, не очень приятно, что в родном театре тебя не замечают, но это уже не являлось трагическим обстоятельством. Теперь ты можешь предложить себя по всей России.

В нулевые я работал в Тамбовском театре руководителем литературно-драматургической части и складывал толстые папки с принесёнными рукописями от местных драматургов в старый шкаф. Были там и пенсионеры, что от избытка свободного времени и незнания компьютера писали на листах мелким почерком, а потом приносили мне в театр как завиту свою толстую прошнурованную «илиаду». Я мило им улыбался, обещал досконально всё прочесть, но моих сил хватало, как правило, на первые шесть-семь страниц. Дальше можно было заглянуть в финал пьесы и уже точно ставить крест на всём опусе. Как-то раз я честно предложил рукопись главрежу, но тот отмахнулся и сказал «сам читай, некогда время тратить». Я понимал, участь текстов предрешена... Старый главреж скоро исчез – они менялись с периодичностью в два-три года – и я понимал, что предлагать следующему временщику местную пьесу так же нелепо, как проводнице предложить стать супругой на время поездки. Думаю, время «теплицы для драматургов» в Тамбове безвозвратно кануло в Лету. Впрочем, это станет возможным, если Россия станет настоящей конфедерацией, каждый регион станет более автономным и будет ориентироваться на свой ресурс. В Америке, например, в каждом штате есть не только масса местных телеканалов, но и масса спортивных команд, благотворительных организаций, творческих коллективов, более десятка театров только в столице штата и

так далее. То есть на лицо региональная самодостаточность.

Театр в России потихоньку становится многофункциональным, многообразным. Если в советское время основной функцией театра была идеология, то сейчас основной функцией становится выживание и зарабатывание денег, но делается это завуалированно, чтобы никто, не дай бог, не упрекнул в алчности. Поэтому всё разбавляется пафосом, дутой или настоящей академичностью, высокими целями, блестящей мишурой и любовью к искусству. К сожалению, в некоторых театрах специально делают так, чтобы у стороннего наблюдателя рябило в глазах, гремело в ушах и причины путались со следствием. Я работал в нескольких театрах и скажу, что ситуации в театрах разные, многое зависит от людей, руководства города, области, от местного менталитета, от традиций...

В Тамбове ощущается близость Москвы, как близость солнца, которое забивает своим светом и манит к себе провинциальных искателей. В Тамбове привыкли гордиться, втайне завидуя, что кто-то из земляков теперь прославился и живёт в Москве. Это менталитет города-сателлита, в котором человек с менталитетом самодостаточного и независимого одессита – это я о Галицком – сделал рывок в сторону от солнца. Но гравитация – штука серьёзная!..

Андрей КРУЖНОВ,
драматург, член Союза писателей России

P.S. Автор выражает особую благодарность за консультации и предоставленные материалы директору музея истории Тамбовского театра Эльвире Степановой.

**Эмма
МЕНЬШИКОВА**

Мы ещё застали эту Русь...

Стихи на конкурс имени Майи Румянцевой

Казачье

Глухие стылые места,
А трогают до боли...
Часовня с образом Христа,
Стога у старого скита
И – воля! воля! воля!

Луга – и взглядом не объять,
Вдали берёзки строим...
И как такую благодать
В чужие руки отдавать?!
Чего тогда и стоим...

Кто мы – без этого села?
Без этих круч над Доном?
Здесь русских с русскими свела
И примирила, как могла,
Земля, с тяжёлым стоном

Укрывшая своих детей
Одним на всех покровом...
И нет для нас земли святей.
И обойдёмся без гостей
С горящим жадным взором,

И обойдёмся без родни,
С которой общей болью
И верой не породнены...
И пусть не зарятся они
На нашу волю...

Руки

Старухи, деревенские старухи...
Поникли на коленях ваши руки –
Большие и натруженные птицы,
Уставшие за хлеб насущный биться...

Сушили ветры их, вода студила,
Работа ломотою изводила,
Но вновь и вновь вздымались эти руки,
Спасая Русь от горестной разрухи
Земным трудом и праведной мольбою.
А нынче сникли, скованные болью...

Сидят старухи, их сложив бессильно.
А было время – сеяли, косили,
Сучили пряжу, шили и вязали –
Ни славы, ни богатства не стяжали.

Осели избы – мазанки из глины,
Вокруг бушуют заросли малины...
Зимой и летом в плюшевых шубейках
Весь день сидят старухи на скамейках.

А сверстницы их – западные дамы! –
Сверкают бриллиантово перстами,
Смакуя пьют игристое ламбруско
И учат жить несносных этих русских...

* * *

Мы ещё застали эту Русь –
С улочками льговов и тарус,
Утопающими в зарослях сирени,

Старую бревенчатую Русь,
Где прощенья просят в сыропуст
И постятся до Святого Воскресенья...

Мы ещё застали эту Русь,
Что на сабантуй или навруз
Древнюю весновку не сменила.

Эту жаворонковую Русь
Так люблю, и потерять боюсь,
Что в ладошках бы её хранила...

Светлана ПЕШКОВА

Разлёт оконного креста

Стихи на конкурс имени Майи Румянцевой

Ничей

Спеют, словно вишни, в небе звёзды...
Ты присядь с дороги и остынь.
Вытряхни из сумки горький воздух
Жадных и безжалостных пустынь.
Выпей нашей северной прохлады,
Вспомни ежевичный вкус ночей.
Знаешь сам – для счастья мало надо,
Если ты давно уже ничей.
У реки на мостике дощатом
Эхо передразнивает шаг.
В этот час голодные щурята
Ищут живность в чёрных камышах.
Сонный лещ, наевшись звёздных ягод,
Тычет лбом в купальщицу-луну,
А луна ныряет под корягу
И не собирается тонуть.
Спящая в тумане колокольня,
Заросли бушующей травы...
Снова оказаться в прошлом больно,

Если возвращаться не привык.
Где-то ждут нехоженые дали,
Манит неизвестность новых мест...
Ну а здесь родители заждались –
Сгнил и покосился мамин крест,
У отца заржавела ограда,
Холм размыли вешние ручьи...
Мало старикам для счастья надо,
Если старики уже ничьи.

За двоих

Вздыхает печь, трещат поленья,
Опять нашлось немало дел,
И я с обещанным смиреньем
Стараюсь жить, как ты хотел.
Наш мир с нехитрыми вещами
Мне помогает.

Неспроста

Полы и стены освящает
Разлёт оконного креста.
За ним – косматый ежевичник
И сад, где радостно скучать.
Сердца спешащих электричек
По расписанию стучат.
...Я привыкаю, всё в порядке –
Ты видишь, ты же знаешь сам –
Добреют овощи на грядках,
Ромашки смотрят в небеса,
Пылает мальва у сарая,
К забору жмётся девясил...
И я счастливой быть стараюсь
За нас двоих, как ты просил.

Баю-баю

Баю-баю... снов не видит
Старый хутор по ночам.
По дворам, заросшим снытью,
Бродит лунная печаль.
То, вздохнув, уронит грушу,
То прольёт вишнёвый сок,
То из бурой вязкой лужи
Смачно сделает глоток.
То водой в колодце булькнет,
То возьмётся в окна дуть.
А устанет – ляжет в люльку,
Позабытую в саду.
Ветер люлочку качает,
Осторожный, словно вор.
За плетнями, нескончаем,
Стелет простыни простор.
Заглянула в люльку птица –
Ищет гнёздышко птенцам...
Седовласый пар клубится
У прогнившего крыльца.
Речка звёзды привечает,
Привечать чужих – не грех.
Над заброшенным причалом
Вьётся иволговый смех.

Волк, свернувшийся в калачик,
Спит у чёрного куста.
Баю-бай.
Никто не плачет.
Ночь.
И люлочка
Пуста.

Сергей ЛУЦЕНКО

У старой калитки

Стихи на конкурс имени Майи Румянцевой

* * *

Ночь глуха...
Я вышел за ворота,
Посмотрел на небо – ни звезды,
На снега взглянул, и отчего-то
Полевые вспомнились цветы.

И – взгрустнулось. С грустью чистой, светлой
Я смотрел в холодные поля,
А над домом под полночным ветром
Волновались, пели тополя.

Здесь, внизу, ни лая и ни вздоха...
Всё уснуло... Не заблещет свет...
Я подумал –
Всё-таки неплохо,
Что туман не скрыл былого след,

Что с рожденья нежно и упрямо
В кровь вошло дыханье старины...

Здесь когда-то – от калитки вправо –
Дом стоял, задолго до войны,

И оттуда, повзрослев немножко,
Сын, чтоб удаль показать и стать,
На гулянку шёл с лихой гармошкой,
Улыбалась из окошка мать...

И ещё подумалось
(Быть может,
Это только глупые мечты),
Что она стоит у дома тоже,
Вспоминая белые цветы...

Позёмка

Позёмка
день и ночь
метёт...
И день и ночь
летит
позёмка...
Ну чем ещё тебе помочь,
Друг ветер, плачущий негромко?

Вздыхающий так древне – и
Так ласково и обречённо
Над ветхими деревнями,
Над их бедой неизречённой?

Проходит всё...
Поплачь, поплачь

Над тем, чему помочь не в силах.
Спит праведник и спит палач
В соседних сумрачных могилах.

Но знает Бог, что всё не зря –
Тому, кто прав, навстречу выйдет...
Летит
позёмка
декабря,
Но видит Бог...
Надеюсь, видит...

Владимир КРЮЧКОВ

Старый дом

Стихи на конкурс имени Майи Румянцевой

Лесной царевич

Как хочется порой уйти туда,
Где жмётся к лесу спящая звезда,
Где вольный ветер дышит полной грудью
И гимн поёт безмолвью и безлюдью.

И в этой первозданной чистоте
Разбить смартфон в отместку суете,
Чтоб не искали, чтобы не звонили –
Ведь люди раньше тоже как-то жили,

По пустякам друзей не беспокоя.
Ах, наше время – умное и злое! –
Воздушных замков, мыльных пузырей,
Звонит, кричит, грозит: «быстрее, быстрее!»

Остановись, бегущий человек,
И вспомни, что земной недолог век.
...А мне во сне увидеть довелось,
Как пьёт росу с травы красавец-лось...

Старый дом

Проснёшься. Сон запомнится с трудом, –
Как магнитола стопорит кассету.
Опять приснился бабкин старый дом,
Которого сто лет в деревне нету.

Где бегал босоногим мой отец,
Где праздники и скорби побывали,
И где такое множество сердец
Любили, жили, плакали, страдали.

Приснился дом. И вспомнился отец,
И, хоть в том доме не был я с рожденья,
Он – есть, он существует, наконец
В неведомом доныне измереньи.

Там жизнь течёт иначе, не спеша,
Не сетуя, не плача, не волнуясь,
Туда летает грустная душа,
Какому-то приказу повинуюсь...

Деревня по имени Русь

В двадцать лет деревня раздражает
Серостью, унылостью полей.
Человек охотно уезжает,
Не жалея родины своей.

В тридцать лет, помаявшись по свету,
Наломавши судеб, вёрст и дров,
Поглядев весёлую планету,
С грустью посещаем отчий кров.

В сорок лет, прожжённые бродяги,
Мы живем в столицах – не в селе! –
Доверяя только лишь бумаге
Всю тоску по матушке-земле.

В шестьдесят, пути свои итожа,
Замолчим, слезу с ресниц смахнём,
Чтоб увидеть ночью в снах тревожных
Хату с покосившимся плетнём.

Размышления о счастье

*Статья о постановке
Мичуринского драматического театра*

Спектаклем по пьесе Александра Володина «Старшая сестра» Мичуринский драматический открыл в объявленный Указом Президента Год театра свой 122-й театральный сезон. И, как сказала, обращаясь к заполнившим зал зрителям, тамбовским и липецким коллегам, приехавшим на премьеру, директор театра, заслуженный работник культуры РФ Галина Попова, выбор именно этого произведения продиктован данью уважения к замечательному отечественному драматургу, фронтовику, с именем которого связаны и блистательные театральные постановки, включённые в репертуар ведущих сценических коллективов страны, и прекрасные фильмы – такие, как «Пять вечеров», «Осенний марафон», и тот же – «Старшая сестра», с неподражаемой Татьяной Дорониной в главной роли... В феврале нынешнего года отмечается 100-летие со дня рождения писателя, драматурга, сценариста Александра Володина.

Две цитаты хотелось бы привести, характеризующие отношение признанных авторитетов искусства и культуры ко всему творчеству автора пьесы. Принадлежат они Мастерам, имена которых говорят сами за себя. Михаил Боярский: «В драматургии Володина слабые люди, но они всегда побеждают». Олег Табаков: «Дело не в результате, а в прививке, которую он сделал нам». После некоторых раздумий, какое же суждение ближе и больше имеет права на жизнь, вывод родился сам собой: обе оценки точны, обе имеют право на жизнь. Особенно – по отношению к «Старшей сестре».

Сюжет пьесы, как это умеет делать только Володин, внешне абсолютно незатейлив, обыден и прост. Из послевоенного детского дома забирает к себе на постоянное место

жительства двух сестёр – Надю и Лиду – их родной дядя, Дмитрий Ухов. Человек с устоявшимся жизненным укладом и в силу возраста, и после участия в Великой Отечественной войне, и по всем своим взглядам на окружающий мир. Добрый, благожелательный, радушный – он-то и станет главным рифом на пути старшей сестры Нади к призванию – театру, профессии актрисы, сцене. По его непреклонным убеждениям, со стороны Нади требуется жертвенность: отступить от явной талантливости, даровитости, способностей ради приобретения специальности, получения хоть какого-то высшего образования не показавшей себя даже в первом туре при поступлении в театральный вуз младшей сестры Лиды. А это значит – похорони мечту и возвращайся, Надежда Рязева, на прежнюю стройку, зарабатывай деньги на семью всё в той же постылой должности учёткицы... И вновь будет перед тобой изо дня в день кирпич, цемент, бетон, хотя могли быть ликующий свет рампы, букеты цветов и бурные аплодисменты благодарной публики.

Психологически тонко протянутая нить между замыслом драматурга и воплощением его жизненных размышлений на сцене поражает. Действующие лица – не из числа заведомо выигрышных, это самые простые люди, не герои социалистического труда, не знатные комбайнёры и не космонавты. Таких персонажей мы видим в неисчислимом количестве каждый божий день рядом и вокруг нас. Не происходят в пьесе исключительные события – шторм, цунами, потоп, землетрясение, пожар, ураган. Никто никого не режет, не насилует, не убивает, чем переполнены выше края телевизионные сериалы всех каналов сегодняшнего телевидения. Нет в спектакле и затейливых интриганов, отъявленных негодяев, не происходит особо острых любовных коллизий. Но почему же с таким напряжением всматривается и вслушивается притихший зрительный зал в каждый

сюжетный поворот, в каждое слово героев, в их взгляды, перепады настроения, в каждый жест и в каждую мизансцену?

Наверное, потому, что вся включённая в постановку труппа, весь дружный ансамбль сумел детально, до мелочей, с глубочайшим почтением к классику советской драматургии разобраться и понять, каково жилось молодым людям в 60-е годы прошлого века. На каком трагическом стыке, разломе сходились и расходились разные идеологии и общепринятые нормы морали. Каково приходилось попавшим в сложный «любовный треугольник» героям отвечать за свои чувства всемогущим и всемогущим обкомам, горкомам, райкомам, заводским парткомам, запросто ломавшим судьбы и карьеры «виновникам» только за то, что они любят друг друга и вынуждены идти на разрыв семейных отношений.

Бунт человеческий и жертвенность человеческая с использованием всех величайших возможностей и жанров, дарованных театру в силу его специфики – трагизм, открытая публицистичность, фарс, юмор, мелодрама, подтекст и дидактика – представлены в спектакле во всей красе. Во всей полноте. Как говорится, и насмеёшься, и наплачешься. Успех спектакля – безукоризненный почерк главного режиссёра театра Николая Елесина, с его доскональным знанием своего непростого дела, многолетним опытом прежней работы в областных творческих коллективах, с его преданностью музыке (и в рецензируемом спектакле, к слову, не раз спасающую ход действия от угрозы меланхолии или затянутых текстов). Наконец – в удивительном режиссёрском решении – придать спектаклю ход «Пятьсот весёлого поезда» с его неспешным ходом, длительными стоянками и постоянными остановками на безымянных полустанках и разъездах. Только это не станции в прямом смысле слова, а вехи жизни и судьбы неприкаянных душ, двух сестёр и их окружения, пытающихся найти смысл бытия, поймать пти-

цу счастья и получить ответ на вопрос вопросов – как жить? Как нужно правильно жить? И так ли, как надо, мы живём?

Исполнительницы главных ролей – увенчанные престижными театральными наградами за несомненное профессиональное мастерство актрисы Наталья Попова (Надя) и Элеонора Морева (Лида) добиваются стопроцентного перевоплощения в заданные образы, представляя на суд зрителей вначале угловатых, забытых не очень-то радостной жизнью в детдоме провинциальных девчонок, не расстающихся со своими ужасными чемоданами – единственным «доброем» из всего, что накоплено, а затем вырастающих в Личности. И пусть, если захочет, судит их по своим канонам суд божий и по своим законам суд человеческий, пусть оценивают «органы» деяния виновников торжества за все удачи и неудачи, ошибки и прегрешения... Сёстры – в силу трагичности родственной, кровной, неразрывной любви друг к другу – остаются такими, какими есть, какими были и в каких выросли десять лет спустя.

Это личности, да. Но не слепо упорствующие в своей непогрешимости упрямые ослицы, а сомневающиеся, мятущиеся натуры. Недаром и пронзает нас отчаянный крик в финале старшей сестры, Нади: «Что делать? Ну что же делать?»

Покончив с прежней юношеской эксцентричностью, обретая более глубокую театральную мудрость, гораздо точнее находит себя от роли к роли актёр Сергей Дубровский – тот самый дядя Ухов в рецензируемой пьесе. Преодолевая искушение к показным эффектам, внешней браваде, он исполняет свою роль семейного наставника и опекуна нарочито скромно, без помпезности, но с исключительной достоверностью, что прекрасно понимает и разделяет вместе с ним благодарная публика.

Органичны и просто не могут не быть упомянуты занятые в эпизодах актёры театра. Конечно, вставная сцен-

ка в бане может вызвать разные оценки, тут уж приходится полагаться на вкус режиссёра, коль он решил именно на комическом приёме пламенный женский диспут показать. Как говорится, делать нечего, доверимся медицине.

Но этот уморительный шут – страдалец ревнивой жены Огородников, в исполнении Виталия Мещерякова... Эта партийная комиссия, чопорная в своём величии, как Римский сенат, и беспощадная, как революционный трибунал... Эта театральная тройка, чётко показавшая на фоне портретов корифеев русской сцены приёмный ареопаг на входе в заветный ГИТИС или «Щуку», где Председатель – заслуженный артист РФ Яков Волговской, а в составе трио – заслуженная артистка РФ Виктория Дзидзан... Этот застенчивый до болезненности жених Володя (актёр Сергей Холкин), глядя на которого так и всплывают в памяти слова песни незабвенной Людмилы Гурченко из «Карнавальная ночь»: «Всем хорош, но робок парень был, по пятам за ней ходил, глаз влюблённых не сводил, только нужных слов не находил...» Bravo, господа актёры! Пять баллов вам за каждый эпизод!

И, конечно, спектакль бы просто не удался, не будь в рядах его создателей прекрасной сценографии и чётко, в контексте эпохи прошлых десятилетий, подобранного реквизита, костюмов мастером своего дела Еленой Олейник, отличной хореографии, танцевальных и звуковых номеров профессионалом высокого класса Татьяной Жукас.

* * *

Многие театральные критики прошлого и настоящего, искушённые искусствоведы единодушно признавали: с пьесой Александра Володина «Старшая сестра» открывалась новая эра, в отечественную литературу приходил новый герой.

А потому замысел Мичуринского театра драмы –

приоткроем завесу секретности – поставить ещё одну премьеру юбиляра – «С любимыми не расставайтесь». И... самое главное! Если, Бог даст, всё получится, как это задумано, пригласить после пятого, седьмого, десятого показа «Сестёр», когда все неизбежные углы, огрехи, промахи, видимые лишь опытному режиссёрскому глазу, будут устранены, пригласить к нам, в Мичуринск саму ТАТЬЯНУ ВАСИЛЬЕВНУ ДОРОНИНУ!!! Со съёмок в фильме с которой в 1960-е годы началось и с блестящим именем которой поныне продолжается триумфальное шествие «Старшей сестры» по всем театрам нашей страны, ближнего и дальнего зарубежья... Вместе с ней мы, как молитву, как любимый стих, как клятву, будем и будем повторять прозвучавшие в пьесе величественные слова «Неистового Виссариона» – Виссариона Белинского «Любите ли вы театр...»

Наверное, это всё равно, что спросить, любите ли вы жизнь? И, надеемся, это взаимно!

Валерий АРШАНСКИЙ,
*член Союза писателей России,
заслуженный работник культуры РФ*

Об авторах Тамбовского альманаха

Харланов Евгений Иванович (29.11.1942, с. Московское Воронежской обл. – 04.04.1993) – поэт, учёный, педагог. Окончил физико-математический факультет Тамбовского государственного пединститута в 1965 г. Работал учителем в средней школе. После окончания аспирантуры преподавал на кафедре философии Тобольского пединститута, на кафедре философии и научного коммунизма Тамбовского филиала МГИК. Публиковался в коллективных сборниках, в областных газетах. В 1975 г. в Средне-Уральском книжном издательстве вышла первая книга «Прикосновение к чуду», в 1983 г. – «Зелёная Вселенная», в 1993 г. – «У придорожного камня», в 1997 г. – сказка «Брусничный дождь» (совместно с Е. Писаревым). В ТГУ им. Г.Р. Державина по творчеству Евгения Харланова защищена кандидатская диссертация Е.И. Подольской.

Знобищева Мария Игоревна – поэт, прозаик, критик. Родилась в Тамбове, окончила Институт филологии ТГУ им. Г.Р. Державина. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Волга – XXI век», «Вопросы литературы», «Крещатик», «Пересвет» в «Литературной газете», на сайте «Российский писатель» и др. Автор девяти поэтических сборников. Лауреат Всероссийской литературной премии им. М.Ю. Лермонтова, премии им. Ю.П. Кузнецова, дипломант Международного Волошинского фестиваля. Руководитель Центра творческого развития детей и подростков «Мир слова» при Центральной детской библиотеке им. С.Я. Маршака г. Тамбова. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России.

Дорожка Валентина Тихоновна – поэт, прозаик, публицист, общественный деятель. Автор более тридцати книг, один из авторов «Тамбовской энциклопедии», справочника

«Литературная жизнь Тамбовского края XVII – XXI веков», учебного пособия «Литературное краеведение» для учителей и учащихся. Лауреат многих литературных премий, награждена медалью М.А. Шолохова. Заслуженный работник культуры РФ. Кавалер ордена Дружбы. Почётный профессор ТГУ имени Г.Р. Державина, Почётный гражданин города Тамбова. Руководитель детского литературно-творческого объединения «Тропинка» при Тамбовской областной детской библиотеке. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Кружнов Андрей Эдуардович – прозаик, драматург, режиссёр. Родился в 1962 г. в Гродно. Закончил режиссёрско-театральное отделение ТФ МГИК и Литинститут им. Горького (отделение драматургии). Автор сборника пьес «От сказки до фарса», книги «Юмористические рассказы об актёрах, о любви и глупости» и др. Печатался в альманахах, журналах Москвы, Тамбова, Махачкалы и Кинешмы. Монодрама «Советские Штаты Америки, или Исповедь лузера» – дипломант трёх театральных фестивалей. Лауреат литературной премии «Бумажный ранет-2014» в Москве. Член Союза театральных деятелей и Союза писателей России.

Аршанский Валерий Семёнович – прозаик, публицист, журналист. Окончил Воронежский государственный университет, с 1967 г. живёт в Мичуринске. С 1973 г. работал в газете «Мичуринская правда», долгое время был её главным редактором. Автор многих книг прозы: «Дипломная практика», «Фольклорная экспедиция», «Встреча», «Откровение», «Горькая трава марор», «Бремя атланта», «Гражданский проспект» и др. Лауреат премий имени И.А. Гаврилова, имени А. К. Воронского. Заслуженный работник культуры РФ. Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Николаева Александра Николаевна – поэт, переводчик. Родилась в Тамбове, окончила ТГУ им. Г.Р. Державина по

специальности «история». Автор четырёх поэтических сборников («Что о себе могу я рассказать», «А на душе покойней и светлей», «Осенний дневник», «Матерь жизни»). Публиковалась в «Литературной газете», журнале «Подъём», на сайте «Российский писатель». Лауреат литературной премии «Светунец» им. Вячеслава Богданова. Кандидат исторических наук. Руководитель поэтического объединения «Шатёр». Член Союза писателей России.

Герасин Виктор Иванович (24.09.1939 – 5.01.2016 г.) – прозаик, критик, публицист, журналист. Родился в п. Земетчино Пензенской обл., с 1962 г. проживал в г. Котовске. Окончил школу рабочей молодёжи, вечернее отделение Котовского индустриального техникума, филологический факультет Мичуринского пединститута. Работал киномехаником в доме культуры; преподавал в школе русский язык и литературу. Первая книга – сборник стихотворений «Один денёк»; затем – прозаические произведения: «Не помни зла», «Костёр на снегу», «Час туда – час обратно», «Алёна Большая», «Убит в побеге», «Нравы – норовы». Вышли два сборника стихов, а также публицистическое повествование «Местное время». С 1992 г. – редактор Котовской городской газеты «Наш вестник». В 1994-96 гг. руководил пресс-службой областной Думы. Член Союза писателей России, в 1988-1993 гг. возглавлял областную писательскую организацию.

Котова Людмила Ивановна (20.06.1959, пос. Инжавино – 6.06.2014 г.) – поэт. Окончила Московскую сельскохозяйственную академию имени К. А. Тимирязева. Работала в ТОГУП «Тепличное» главным агрономом. С 1980-х годов занималась литературным творчеством, публиковалась в районных, областных газетах, коллективных сборниках, «Книге памяти». Издала поэтические сборники «Дарите радость людям», «Я отпускаю душу на свиданье», «Рождённая под знаком Близнецов», «Не бывает несчастной любви».

Возглавляла творческое объединение «Откровение». Редактор сборников инжавинских литераторов «Глаза в глаза», «Откровение». Член Союза писателей России, с октября 2013 г. По 2014 год возглавляла областную писательскую организацию.

Бережной Сергей Александрович – прозаик, журналист. Родился в 1955 году в Воронежской области. Окончил Воронежский госуниверситет, академию МВД СССР, Российскую Академию правосудия, Российскую Академию госслужбы при Президенте Российской Федерации. Служил в Советской Армии, органах МВД, участник боевых действий, Федеральный судья в отставке. Публиковался в журналах и альманахах «Наш современник», «Роман-журнал 21 век», «Звонница», «Пограничник», «Слова мучительных страстей...», «Высокое слово правды», «Под небом Рязанским...». Автор книг: «Тихая провинция», «Ты прости меня, милая», «Ряженные», «Тихая работа вежливых людей», «Сафари по уикендам», «Сати», «Мелодия для АКМ». Лауреат «Большой литературной премии России», премий «Щит и меч Отечества», «Имперская культура им. Эдуарда Володина», «Прохоровское поле». Секретарь Союза писателей России, руководитель Военно-художественной студии писателей Минобороны РФ при Белгородском отделении Союза писателей России. Член редколлегии журнала «Русское воскресение» (Москва), главный редактор альманаха «Пересвет».

Левандовский Сергей Александрович – актёр театра и кино, журналист. Родился 11 апреля 1961 года в Тамбове. Занимался в «Театре юношеского творчества», «Молодёжной студии». Окончил Иркутское театральное училище. С 1978 г. – актёр Тамбовского областного театра кукол (гл. режиссёр А.П. Трапани) С 1979 по 2001 гг. – актёр Мичуринского драматического театра (гл. режиссёр Г. К. Томилин), на сцене которого сыграл более 40 ролей. В 2001 году пригласил

шён в труппу Тамбовского драматического театра. Ныне популярный в Тамбове и области телеведущий. Создатель и руководитель программы «Культурная среда Сергея Левандовского» на телеканале «Полис». Благодаря ему, эта интерактивная передача обрела массового зрителя, став одной из самых интересных трансляций Тамбовских телеканалов о культурной жизни города и области. Снимался в фильме «Жила-была одна баба». С 2005 г. Председатель Тамбовского отделения Союза театральных деятелей РФ. С 2012 по 2016 гг. Секретарь «Союза театральных деятелей Российской Федерации (Всероссийское театральное общество)», представитель СТД РФ (ВТО) в Центральном федеральном округе РФ.

Гришин Михаил Анатольевич – прозаик, сценарист, журналист. Автор романов «Вкус мести», «Паутина», сборника рассказов «Дождь, самогон и коробка конфет», детских повестей-сказок из серии «Приключения Витьки Картошкина», ряда публикаций в журналах «Подъём», «Север», «Костёр», «Автопилот» и др. Как сценарист участвовал в нескольких телевизионных проектах, писал сценарии для сериала «Особый случай», автор сценария восьмисерийного телефильма «Облака, испачканные пылью». Дипломант третьего Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А. Н. Толстого. В 2015 году книга «Приключения Витьки Картошкина» удостоена звания «Нравится детям Тамбовской области». Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Волчихин Михаил Васильевич – поэт, филолог. Родился в 1958 г. в деревне Егоровка Знаменского р-на Тамбовской области. Окончил Тамбовский государственный пединститут. Преподавал русский язык и литературу. С 1987 года живёт в Жердевке. Работал в районной газете, в органах местного самоуправления, в настоящее время работает в ПАО «Ро-

стелеком». Публиковался в региональных СМИ, в журналах «Литературный Тамбов» и «Подъём», в коллективных сборниках. В 2014 году вышел второй авторский сборник «Мы возвращаемся». Особенно проникновенно поэт пишет о любви к России и малой родине.

Майка Лунёвская – поэт. Окончила ТГТУ по специальности «Юриспруденция». Лауреат IV Международного арт-фестиваля «Провинция у моря – 2014» (Одесса), финалист Всероссийской литературной премии «Филатов-фест», лауреат премии «Северная земля», а так же победитель Всероссийского молодёжного конкурса малых литературных форм в номинации «Поэзия». Публиковалась в журналах «Дети Ра», «Южное сияние», «Кольцо А», региональных альманахах и сборниках. Автор книг: «Зерно» и «Полоса отчуждения». Участвует в музыкальном коллективе «Красный смех». Живёт в Тамбове. Член Южнорусского Союза Писателей

Мартынова (Данилова) Елизавета Сергеевна – поэт, критик. Родилась в 1978 году в Саратове. Окончила филологический факультет Саратовского госуниверситета. Кандидат филологических наук. Была доцентом кафедры русского языка и культуры речи СГАУ им. Н.И. Вавилова. С 2008 года по настоящее время – главный редактор журнала «Волга – XXI век». Публиковалась в журналах «Наш современник», «Подъём», «Луч», «Вайнах», «Введенская сторона», «Русское слово» (Чехия), «Русское эхо», «Новая Немига литературная», «Сура», «Гостиный двор», «Отчий дом», в альманахе «Новые писатели России», коллективном сборнике «Новые имена в поэзии» (2011, Москва), антологии «Заря» (2019, Москва) и др. Участвовала в Форумах молодых писателей России, стипендиат Минкультуры РФ по их результатам (2006, 2010). Автор книг «Письма другу», «На окраине века», «Свет в окне», «Собеседник», «Воздух до-

роги». Лауреат премии им. Ю.П. Кузнецова журнала «Наш современник», премии журнала «Сура» (2013), межрегиональной литературной премии им. Николая Благова (2018), сайта «Росписатель» (2017). Член Союза писателей России. Меньшикова Эмма Петровна – поэт, публицист, педагог. Родилась в Шяуляе Литовской ССР. Окончила Латвийский госуниверситет (филологический факультет, специальность русский язык и литература). С 1994 года – в журналистике Липецкой области, в настоящее время редактор отдела областной «Липецкой газеты». Автор пяти поэтических сборников («Когда-нибудь...», «Открыт мой дом...», «Дыханье бытия», «Мелодия на два голоса» и «Русская тетрадь»), а также книги литературной публицистики «Крестный путь, голгофская дорога...» Публиковалась в журналах: «Роман-журнал 21 век», «Молодая гвардия», «Север», «Родная Кубань», «Родная Ладога», «Академия поэзии», «Новая Немига литературная» (Беларусь), «СЛОВОплюс» (Болгария) и др. На сайте «Российский писатель» ведёт «Писательский дневник» из жизни «Провинции Отечества». Победитель VIII Московского международного поэтического конкурса «Золотое перо», Всероссийского поэтического конкурса им. С.А. Есенина, XX Международного конкурса имени А. Платонова «Умное сердце», лауреат премий журнала «Молодая гвардия», сайта «Российский писатель». Член Союза писателей России.

Пешкова Светлана Николаевна – поэт. Родилась в Липецке, окончила филологический факультет Липецкого государственного пединститута. Публиковалась в коллективных сборниках и литературных журналах: «Петровский мост», «Подъём», «Крым», «Балтика. Калининград», «Великороссь», «Союз писателей», «Наш современник», «Южное сияние», «Белая скала», «Российский колокол», «Параллели». Лауреат литературных конкурсов: «45-й калибр», «Русский

Гофман», «Славянская лира», «Открытый Чемпионата Балтии по русской поэзии», «Поэзия русского слова», «Славянские традиции», «Славянская лира», «Эмигрантская лира». Автор двух книг стихов. Обладатель гран-при конкурсов «Интерреальность – 2017», «Поэзия русского слова 2017», победитель «Кубка Мира по русской поэзии – 2018». Награждена медалью им. Е. Замятина за успехи в литературе. Член Союза писателей России, руководитель Липецкого отделения Совета молодых литераторов при Союзе писателей России.

о. Владимир (Крючков) родился 3 декабря 1963 г. в г. Жердевка Тамбовской области. Военнослужащий запаса. Стихи начал писать в ранней юности, но лишь в зрелые годы они обрели точность, ясность и краткость. С поступлением в духовную семинарию поэзия приобрела православное направление. Печатался в газете «Колокольный звон» Тамбовской митрополии, в журнале «Литературный Тамбов», в коллективном сборнике поэтов г. Уварово «Найди любовь в душе своей», в районных газетах. Автор сборника «Рубикон». Творчество о. Владимира – Всея Любовь: к Богу, Родине, природе, ко всему человечеству. В настоящее время отец Владимир – настоятель Никольского храма с. Сукмановка Жердевского района.

Луценко Сергей Евгеньевич – поэт, переводчик, публицист. Родился в 1980 г. в г. Павловске Воронежской области. Окончил Воронежский государственный аграрный университет. Публиковался в журналах, газетах: «Русский писатель», «Камертон», «Молодое око (Молоко)», «Русское Воскресение», «Новая Книга России», «Охотничьи просторы» (Москва), «Берегиня», «Евразийский форум», «Подъём» (Воронеж), «Берега» (Калининград), «Испанский переплёт» (Мадрид), «Что есть истина?» (Лондон), «Мир и омония» (Афины). Автор поэтических сборников «Стихи», «Дом на

камне», «В заколдованной стране», книг «К неведомым берегам», «Донской окоём», «Казанский храм. Летопись трёх веков». Лауреат литературных премий. Член Союза писателей России.

Содержание

ЭПИГРАФ

Евгений ХАРЛАНОВ. Магеллан. *Стихи* 3

ЮБИЛЕЙ

Мария ЗНОБИЩЕВА. «А я ведь сердце отдаю...»
Биографический очерк 5
Валентина ДОРОЖКИНА. «Я не люблю цветы в букетах»
Стихи разных лет 13
Валентина ДОРОЖКИНА. Володька был однолюбом.
Рассказ 29

ПРОЗА

Андрей КРУЖНОВ. Маленькие собаки тоже любят Бога.
Повесть.....54
Валерий АРШАНСКИЙ. Мой брат – конференсье.
Рассказ 95
Михаил ГРИШИН. Жизнь удалась. *Рассказы*.....183

ПОЭЗИЯ

Александра НИКОЛАЕВА. Кукушка-пророчица.
Из книги «Матерь жизни».....121
Михаил ВОЛЧИХИН. Майская ночь. *Стихи* 213
Майка ЛУНЁВСКАЯ. Вот боль пройдёт. *Стихи* 218

ИМЕНА

Валентина ДОРОЖКИНА. «Не остывай, родник горячий».
Биографический очерк 131
Виктор ГЕРАСИН. Чёрный омут. *Рассказ* 142
Людмила КОТОВА. Как жаль, что не вернуть ушедший миг.
Избранные стихи 156

ГОСТЬ АЛЬМАНАХА

- Сергей БЕРЕЖНОЙ. Ветка жасмина. *Рассказ* 166
Елизавета МАРТЫНОВА. Воздух дороги. *Стихи* 223

ГОД ТЕАТРА

- Сергей ЛЕВАНДОВСКИЙ. О состоянии тамбовского
театрального искусства. *Интервью*.....174
Андрей КРУЖНОВ. Извилистыми тропами – судьба
местной драматургии. *Статья* 232
Валерий АРШАНСКИЙ. Размышления о счастье.
Статья 255

ФЕСТИВАЛЬ

- Эмма МЕНЬШИКОВА. «Мы ещё застали эту Русь».
Стихи на конкурс 243
Светлана ПЕШКОВА. Разлёт оконного креста.
Стихи на конкурс 246
Сергей ЛУЦЕНКО. У старой калитки. *Стихи на конкурс*..249
Владимир КРЮЧКОВ. Старый дом. *Стихи на конкурс*...252

ВКЛЕЙКИ

- Валентина Дорожкина – фотографии разных лет. 25
На сцене Мичуринского драматического театра.....261

Тамбовский альманах № 18

Литературно-художественное издание
Тамбовского отделения Союза писателей России

Главный редактор
Юрий МЕЩЕРЯКОВ

Редакционный совет
Валентина ДОРОЖКИНА
Мария ЗНОБИЩЕВА
Татьяна КУРБАТОВА
Елена ЛУКАНКИНА

Корректор
Мария ЗНОБИЩЕВА

Формат 60x84 1/16.
Бумага my print. Печать цифровая гарнитура
Times New Roman. Печ. л. 16.4 Тираж 100 Заказ №54
studiapechati@bk.ru
Студия печати Галины Золотовой